Кадетская перекличка

No 43

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

No. 43 Нью-Йорк Ноябрь 1987

«CADETS ROLLCALL»

Library of Congress Card No. 79-642319

Periodical Magazine

Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia

New York, USA

—

Editor

Nicholas W. Koziakin

—

Administrator

Eugene Girs

85-59, 88th Street

Woodhaven, N.Y.

11421

—

All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Имя твое сохранит свободная Россия. Борис Сафронович КОВЕРДА. 1907-1987. *А. Боголюбов* *4*

Борис Сафронович Коверда. *П. Пагануцци* *73*

Русское церковное имущество в Израиле. *А. Кожевникова* *43*

Декларация Года Скорби и Непримиримости. *Конгресс русских американцев* *49*

Белое движение (*продолжение*). *В. Д. Матасов* *52*

Осада и эпизоды геройской обороны Порт Артура. *П. Пагануцци* *71*

Всегда готова за Россию. *И. В. Халафова* *99*

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ *106*

Открытое письмо главному редактору *Нового Русского Слова* г-ну Андрею Седых. *В. Матасов* *110*

Верному от верных. 60 лет со дня смерти поэта и воина Ивана Савина. *Нонна Белавина* *111*

Знамя — священная хоругвь. *В. Высоцкий* *115*

Военное кладбище в Мурмелоне. *Жорж Гуторович* *119*

Мой Корпус. 1917. *Е. Оглоблев* *121*

Прощальное слово ученицы церковно-приходской школы при Свято-Покровском храме в Наяке Т. Ларионой *123*

Оповещение No. 3. *Комиссия по созыву 11-го Съезда* *125*

Оповещение Объединения Княже-Константиновцев в Бельгии *126*

Список жертвователей в фонд журнала *127*

Исправления *127*

ПАМЯТИ УШЕДШИХ *129*

Борис Сафронович Коверда
после выхода из тюрьмы в 1937 г.

ИМЯ ТВОЕ СОХРАНИТ СВОБОДНАЯ РОССИЯ

Борис Сафронович Коверда, 1907-1987

Выстрел на варшавском вокзале поразил мое детское воображение и поставил 19-летнего Бориса Коверду на пьедестал героя.

Таким Борис Сафронович остался для меня на всю жизнь...

С апреля 1978 по апрель 1982 года я работал в Москве на постройке нового американского посольства. За эти годы я многое видел и многое слышал и о многом говорил с русскими людьми.

Эти наблюдения и разговоры подтвердили то, о чем мы, родившиеся или выросшие заграницей, знали из газет, книг и свидетельств наших родителей, а также от бывших советских граждан, а именно, что советская власть сделала все, чтобы отнять у русских людей их историческое культурное и духовное богатство, ничего не смогла дать взамен и физически обрекла большинство народа на убогую жизнь иждевенцев режима. Только идейность части русской интеллигенции и естественное тяготение народа к «своему, понятному и родному» заставляет власть неохотно идти на уступки.

Правы были наши отцы и деды, поднявшие знамя белой борьбы!

Они уже тогда предчувствовали и предвидели все ужасы, через которые пришлось пройти русским людям под богоборческой и антинародной властью кучки фанатиков-интернационалистов.

Правда была и остается на нашей стороне!

С такими мыслями и чувствами я вернулся в Вашингтон, где вскоре узнал, что Борис Сафронович живет со своей семьей в районе города и состоит прихожанином нашей Зарубежной Церкви.

Меня охватило волнение при мысли, что я смогу пожать руку одному из героев русского национального сопротивления коммунизму...

Многие из нас кадет помнят, что после выхода из тюрьмы Борис Коверда провел несколько месяцев в Белой Церкви и сдавал

экзамены на аттестат зрелости в июне 1938 года. Две фотографии Бориса с матурентами 18-го выпуска, любезно предоставленные мне супругой покойного Ниной Алексеевной, передают знакомую многим из нас обстановку последних дней в стенах корпуса: письменные экзамены в зале корпуса с родными нам девизами на арках и неизменный групповой снимок матурантов с представителем министерства образования, директором корпуса и преподавателями на фоне сцены, расписанной сюжетами из русских народных сказок...

Борис Сафронович сохранил теплое чувство к корпусу и кадетам, легко вжился в небольшую семью нашего объединения в Вашингтоне.

Он охотно посещал товарищеские встречи, семейные обеды, поочередно устраеваемые в домах членов объединения, молебны и чествования в дни кадетских праздников.

Для более молодых членов объединения Борис Сафронович, Н. Новицкий и Г. Никонишин представляли тех мальчиков и юношей, участников белой борьбы, которым посвящали стихи зарубежные поэты...

В августе 1984 года Борис Сафронович провел неделю на 9-ом общекадетском съезде в Вест Пойнт. В знак глубокого уважения всех присутсвующих ему был преподнесен погончик Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, в котором 46 лет тому назад он сдавал экзамены на аттестат зрелости.

В начале 1985 года состояние здоровья Бориса Сафроновича ухудшилось, и он даже стал пропускать наши встречи. Со свойственной ему скромностью и стойкостью он мало говорил о своей болезни и никогда не жаловался.

На 10-ом юбилейном съезде, в августе 1986 года в Канаде, Борис Сафронович присутствовать уже не смог.

Однако он передал через меня приветствие нашему съезду, вместе с короткой запиской, в которой писал: «Поездка два года назад на 9-ый съезд произвела на меня большое впечатление, и мне так грустно, что в этом году не смогу ее повторить».

В субботу 6 декабря 1986 года мы отмечали корпусной праздник молебном и товарищеской встречей, на которую собралось больше 30-ти человек кадет с семьями и гостей.

Бориса Сафроновича не было с нами, и мы знали, что состояние его здоровья сильно ухудшилось. Однако он попросил

свою супругу, Нину Алексеевну, присутствовать на нашем празднованию, несмотря на то, что нуждался в ее постоянном уходе.

По предложению К. Болдырева, мы позвонили по телефону Борису Сафроновичу и хором пропели ему «Многая лета». Он был обрадован и растроган, а мы с грустью чувствовали, что говорим с ним, возможно, в последний раз.

Борис Сафронович скончался в среду 18 февраля 1987 года, не дожив до своего 80-тилетия.

На первую панихиду в четверг в храме Иоанна Крестителя в Вашингтоне собралось более 70-ти человек. Гроб был накрыт трехцветным полотнищем, а у изголовья покойного был поставлен русский национальный флаг.

Настоятель храма о. Виктор Потапов сказал сильное, прочувствованное слово. После панихиды мы узнали, что Борис Сафронович хотел, чтобы его гроб на похоронах несли кадеты.

Отпевание и похороны состоялись в пятницу, 20 февраля в монастыре Новое Дивеево.

Ввиду рабочего дня только пять кадет смогли проводить покойного: Е. Гирс, К. Голицын, Ю. Козлов, С. Муравьев и А. Боголюбов.

Поминальная трапеза была устроена семьей покойного в помещении общества «Отрада».

Еще до смерти Бориса Сафроновича из Парижа в Вашингтон прилетела его дочь Наталия Борисовна. Старшая внучка покойного Таня, студентка университета в районе Вашингтона, была вместе с матерью и бабушкой на похоронах. Младшая внучка Аня, как раз в это время, была в заграничной поездке со своей парижской школой и не смогла проститься со своим дедушкой.

У могилы и на трапезе было много искренних слез и теплых, сердечных слов и объятий...

Во время поминальной трапезы мы договорились с Женей Гирсом, что я напишу статью о Борисе Сафроновиче для следующего номера «Кадетской Переклички».

По возвращении в Вашингтон, я обратился к супруге покойного Нине Алексеевне и получил от нее разные материалы, относящиеся к событиям июня 1927 года, включая стенографическую запись с заседаний чрезвычайного суда в Варшаве.

На последующих страницах я попытаюсь вкратце осветить все стороны этих волнующих событий шестидесятилетней давности.

Суд над Борисом Ковердой был проведен очень быстро: 7 июня было совершено покушение, а уже 15 был вынесен приговор.

Оба заинтересованные правительства имели для этого основания.

Польша не хотела осложнять отношения со своим опасным соседом, с которым она не так давно закончила войну. Для Советского Союза долгое следствие и разбор причин покушения грозили превратить суд над Ковердой в осуждение советского режима на глазах у мировой общественности.

Большевики боялись повторения суда над швейцарским подданным Конради, застрелившим в 1923 году секретаря советской делегации Воровского.

Швейцарский суд оправдал Конради и тем самым осудил большевистские злодеяния в России.

Для ускорения процесса польское правительство нашло возможным применение закона о чрезвычайных судах, относящегося главным образом к преступлениям против польских официальных лиц.

В составе председателя и двух членов, этот суд выносит скорые и суровые приговоры, которые являются окончательными и обжалованию не подлежат.

С раннего утра 15 июня здание суда было окружено толпой лиц, желавших присутствовать в зале судебного заседания.

Несмотря на строгий разбор, с которым производился пропуск в зал, все скамьи для публики, проходы и места за судьями оказались занятыми.

Польская и иностранная пресса были представлены значительным числом журналистов, количество которых все увеличивалось и к моменту приговора достигло 120-ти человек. Среди них были корреспонденты «Правды» и «Известий», занявшие места в стороне от «буржуазных» журналистов.

Борис Коверда был введен в зал суда под сильным конвоем и сразу завоевал общую симпатию своей улыбкой и выражением лица.

В чистой рубашке и в скромном костюме он казался совершенно мальчиком.

Свои показания Коверда давал, как и все свидетели, на польском языке.

В первый момент он очень волновался, но все остальное время держал себя очень спокойно, несмотря на то, что до объявления приговора в напряженной атмосфере судебного заседания возникали даже опасения о возможности вынесения смертного приговора...

Заседание суда открылось в 10.45 утра, а приговор был вынесен через 14 часов в 12.45 ночи. Судьям понадобилось 50 минут, чтобы принять решение. Приговор был выслушан Ковердой и всеми присутствующими стоя. Когда председатель суда дошел до слов о бессрочной каторге, вздох облегчения прошел по залу, а Коверда встретил приговор с выражением радости на лице.

Его отец подбежал к скамье подсудимых и крепко обнял и поцеловал сына, который сразу же, под конвоем полицейских, был отведен в тюрьму. Впоследствии президент Речи Посполитой заменил бессрочные каторжные работы теми же работами, но на пятнадцатилетний срок.

Как мы сейчас знаем, Борис Сафронович Коверда провел 10 лет своей молодой жизни в тюрьме (освобожден по амнистии).

Обвинительный акт о предании Бориса Коверды чрезвычайному суду, в качестве обвиняемого по статье 453 уголовного кодекса, в интересующей нас части, гласит:

> «Стрелявшим в посланника Войкова оказался Борис Коверда, девятнадцати лет, ученик гимназии Русского общества в Вильно, который, опрошенный в качестве обвиняемого, признал себя виновным в умышленном убийстве посланника Войкова и заявил, что он, будучи противником настоящего политического и общественного строя в России и имея намерение поехать в Россию, чтобы там принять активное участие в борьбе с этим строем, приехал в Варшаву с целью получить разрешение Представительства СССР на бесплатный проезд в Россию. А когда ему было в этом отказано, он решил убить посланника Войкова, как представителя власти СССР, причем добавил, что с посланником Войковым никогда не разговаривал, к нему претензий не имел, ни к какой политической организации не принадлежал, и что акт убийства он совершил сам, без чьего-либо внушения или соучастия».

После огласки обвинительного акта председатель суда спросил Коверду, признает ли он себя виновным, на что тот

ответил, что признает убийство Войкова, но виновным себя не признает, т.к. убил его за все то, что большевики совершили в России.

По окончании этого заявления были введены свидетели. Свидетелей обвинения было пять: Аркадий Розенгольц, полпред СССР в Англии, Юрий Григорович, завхоз советского посольства в Варшаве, два польских полицейских, дежурившх в утро покушения на вокзале и Сура Фенигштейн, бедная торговка, у которой Коверда прожил в качестве «углового жильца» 13 дней из своего двухнедельного пребывания в Варшаве.

Розенгольц рассказал о своей встрече на вокзале с Войковым и о деталях самого покушения, в то время как они вместе шли из вокзального буфета к поезду, на котором Розенгольц собирался уехать в Москву.

Григорович по сути дела ничего сказать не смог, т.к. Войков отпустил его с вокзала до покушения.

Околоточный Ясинский дежурил на вокзале, услышал несколько выстрелов и «на перроне No. 8-9 заметил двух людей, стрелявших друг в друга из револьверов»... Описавши последующие обстоятельства, он закончил свое показание так: «Будучи в помещении, в которое был отведен Коверда, я слышал, как тот сказал: „за Россию"».

Полицейский Домбровский, тоже дежуривший на вокзале, дал свою версию событий и подтвердил, что на вопрос зачем он стрелял, Коверда ответил: «я отомстил за Россию, за миллионы людей».

Он также отметил, что Коверда был совершенно спокоен, когда его арестовали. Свидетельница Фенигштейн показала, что Коверда приходил вечером, а утром выходил и никого у себя не принимал.

Со стороны защиты выступали родители и сестра Бориса, директор гимназии, в которой он учился, его духовник, издатель еженедельника «Белорусское Слово», в котором Коверда проработал три года, товарищи по гимназии, знакомые и т.д.—всего 21 человек.

Мать Бориса, Анна Коверда, дала следующие показания: «В 1915 году мы были эвакуированы властями из Вильны... Мы жили в России до 1920 года... То, что он видел в Самаре, не могло создать в нем благоприятного для большевиков настроения... Он был свидетелем разгула Чрезвычайки... Сын моей сестры был убит

большевиками. Борис часто об этом говорил с моей сестрой... Борис в Самаре был свидетелем, как расстреливали на льду нашего знакомого отца Лебедева... Борис много читал. По взглядам он был демократ... Борис был впечатлительным, тихим и скромным. Он работал на всю семью... Борис болел скарлатиной и дифтеритом, был в больнице шесть недель. Сразу после выздоровления взялся за работу... Когда Борис был еще 6-7-летним мальчиком, я иногда читала ему историю России... На него особенно сильное впечатление произвела история Сусанина. Он сказал мне: „Мама, я хочу быть Сусаниным"... Об убийстве я узнала из газет. Оно было для меня неожиданностью».

Отец Бориса, Сафрон Коверда, сообщил следующее: «Я сын крестьянина... В Вильне еще до войны я принадлежал к партии социалистов-революционеров и принимал участие в нелегальной работе. Я был убежден в том, что царская власть угнетает крестьян... Когда произошел переворот, я принимал участие в уличных боях против большевиков... В последний раз я виделся с сыном на праздник Рождества Христова... Я жил отдельно, так как тяжелые условия заставляли меня жить отдельно. Я учитель народной школы. Во время каникул, в разговоре с сыном мы не раз затрагивали политические темы... Нужда портила Борису жизнь... Он человек верующий и правдивый. В прошлом году он тяжело болел и был близок к смерти. После болезни его впечатлительность усилилась»...

Сестра Бориса Ирина подтвердила, что у них в доме бывали такие периоды, что продавалось все, так как не на что было жить, и что было время, когда только брат содержал всю семью.

Директор гимназии Виленского Русского Общества сообщил следующее: «В прошлом учебном году Коверда поступил в нашу гимназию в 7-ой класс... Я спрашивал учителей белорусской гимназии, отчего Коверда ушел из этой гимназии—и мне было сказано, что там часть учеников принадлежала к коммунистической партии, что Коверда выступал против своих товарищей и что на этой почве ушел... Я знал, что Коверда находится в очень тяжелых материальных условиях, что он вынужден работать... Мы мирились с частым пропуском уроков... и он хоть с трудом, но был переведен в 8-ой класс... Уже после Рождества он очень редко бывал в гимназии... Возник вопрос, что делать с Ковердой. 21 мая на заседании педагогического совета было принято решение об исключении Бориса Коверды... Мы были вынуждены это сделать на основании существующих правил... Исключение Коверды...

было для меня тяжелой обязанностью... У него были слезы на глазах, когда он говорил, что хочет окончить гимназию, но не может платить... Коверда был тихим, спокойным, послушным, сосредоточенным и замкнутым... Как директор гимназии я могу сказать, что Коверда оставил в гимназии самые хорошие воспоминания... На этой неделе я разговаривал с товарищами Коверды. Они мне говорили, что встречались с Ковердой и рассказывали ему об экзаменах. Коверда загадочно говорил о том, что ему тоже предстоит сдать экзамен, и потом его товарищи объяснили. что этот экзамен—это его поступок. Общее мнение о Коверде гласило, что это человек безусловно идейный, не бросающий слов на ветер, сосредоточенный, впечатлительный, мягкий... Всем было ясно, что Коверда переживал что-то крупное, что-то ценное, какую-то тайну. Это было общее мнение товарищей Коверды по гимназии»...

Священникъ Дзичковский был духовником и законоучителем Бориса и охарактеризовал его как хорошего ученика и христианина: «Борис Коверда был христианином не только на словах. Он относился к закону Божию с особенным вниманием. Посещал церковь. Я видел, что он в семье получил религиозное воспитание и этим отличался от остальных моих учеников»...

Арсений Павлюкевич, издатель еженедельника «Белорусское Слово», показал, что Коверда работал у него корректором и экспедитором, был трудолюбив, делал переводы, интересовался религиозным отделом и вступал в переписку с методистами, защищая православие.—«Он был самолюбив, и на этой почве у него возникали столкновения с сотрудниками в редакции. В материальном отношении ему было очень тяжело, так как он содержал всю семью. После болезни он сделался очень нервным, и это может быть было вызвано ходом его учения.

В прошлом году Коверда хотел выехать в Россию, но скрывал от меня. На вопрос о своем будущем ответил, что хочет получить высшее образование в России, что рассчитывает на падение большевиков и может оказаться там полезным. В последнее время он составлял выдержки из русских газет. У нас был отдел «СССР», и в этом отделе мы сообщали о наиболее ярких событиях из большевистской жизни. Коверда тоже делал вырезки из эмигрантских русских газет «За свободу» и «Сегодня». По мере умственнаго развития в нем усиливались антибольшевистские настроения. В нашей редакции он мог высказывать свои взгляды и это никого не удивляло.

Поступок Коверды оказался, однако, для нас неожиданным и был вероятно вызван его антибольшевистским настроением».

Товарищи по гимназии Агафонов и Белевский пробыли с ним в одном классе два года и считали его замкнутым, набожным, скромным и симпатичным. Его любили и уважали, так как он приходил в гимназию усталый от работы.

Коверда был противником большевиков и в Вильне выступал против них. Когда в Вильне шел советский фильм «Волжский бурлак», Коверда сказал, что такие картины не должны демонстрироваться и что следовало бы, как в Риге, сорвать демонстрацию. Коверда говорил, что он очень любит Родину и Родина находится в тяжелом положении.

После окончания выступлений остальных свидетелей защиты, которые ничего по сути дела не добавили, суд перешел к слушанию обвиняемого.

Коверда поднялся со своего места и громко и отчетливо стал рассказывать, на польском языке, свои воспоминания и впечатления детства в России, передавая обстоятельства и сцены бесправия, насилия, жестокости и террора.

Во время этих показаний его постепенно охватило волнение и последние слова он проговорил почти плача. Но затем взял себя в руки и продолжал совершенно спокойно и твердо рассказывать о своей жизни в Вильне по возвращении туда в 1918 году.

В течение двух лет Борис работал экспедитором в белорусских левых газетах. В какой-то момент ему стало ясно, что работа этих газет ведется, как он выразился, «на червонцы, выкованные из церковных ценностей».

Перейдя в газету Павлюкевича, Борис начал читать о большевистской революции и о ее последствиях, прочитал книгу Краснова, сборник статей Арцыбашева, польские книги, в том числе и книгу о голоде и понял, кто виноват в том, что положение России дошло до того, что люди стали людоедами.

Дальше привожу слова Бориса:

> «Еще в прошлом году я хотел ехать для борьбы с большевиками в Россию. Я говорил об этом моим друзьям. Не знаю, почему они умолчали об этом здесь перед судом. Но пришло время материальной нужды, и мне не удалось осуществить мой замысел. Но когда мое материальное положение укрепилось, я опять начал думать о борьбе и

решил поехать в Россию легально. Я собрал немного денег и приехал в Варшаву, а когда мне было в этом отказано, я решил убить Войкова, представителя международной банды большевиков.

Мне жаль, что я причинил столько неприятностей моей второй родине—Польше. Вот в газетах пишут, что я монархист. Я не монархист, а демократ. Мне все равно: пусть в России будет монархия или республика, лишь бы не было там банды негодяев, от которой погибло столько русского народа».

Это заявление Коверда произнес при напряженном внимании всех присутствующих.

На вопрос прокурора о том, как он узнал Войкова и откуда знал, что Войков будет на вокзале, Коверда ответил:

«Я знал Войкова по фотографиям, печатавшимся в иллюстрированных изданиях. Кроме того я его видел в советском консульстве. О том, что Войков должен быть на вокзале, я узнал из газет—я прочел, что Войков выезжает в Москву. Я знал, что есть только один скорый поезд отходящий в Советскую Россию в 9 часов 55 минут утра, и знал, на каком пути этот поезд стоит.

Я хочу еще прибавить, что я убил Войкова не как посланника, а как члена коминтерна».

На этом закончились показания Бориса Коверды.

Прокурор Рудницкий начал свою речь с утверждения, что Коверда является русским не только по происхождению, языку и вероисповеданию, но и по «одушевляющей его экзальтированной, плохо понятой, ведущей на неверные пути, но тем не менее глубокой любви к своей стране». Затем он продолжил:

«На какую бы ошибочную дорогу ни завела его эта любовь, мы не можем не принять во внимание той правды, которая в нем живет, руководит его неопытным умом, его ошибочными, преступными шагами.

Но, господа судьи, мы не можем преступление, убийство посланника Войкова, считать за спор сегодняшней России с завтрашней Россией или же России сегодняшнего дня с Россией вчерашнего дня, а тем более мы не можем считать, что наш приговор должен разрешить великий спор между двумя лагерями одного народа. Мы не можем ни минуты

задумываться над вопросом, кто прав: сегодняшние правители России или же ее эмиграция, которая, измученная и раздраженная, как всякий лишенный своей земли человек, желает ввести какой-то другой порядок в России. Мы не можем ни разрешать, ни касаться этого спора не только потому, что никто из современников не в состоянии разрешить, за кем правда в великих исторических переворотах, но прежде всего потому, что это спор русских с русскими, спор внутри государства, борьба сил чужого общества.

Мы не можем также поставить вопроса, был или не был террористический акт Коверды вызван и оправдан террором в России. Мы не можем этот вопрос ставить так, как его поставил русский писатель, книга которого была для Коверды настольной. Мы не можем ставить вопрос, кто первый начал применять террор. Террор не является содержанием революции, он является излишне часто применяемым способом борьбы, и я думаю, что никогда история, отмечая завоевания или отдавая надлежащую дань революционным переворотам, не найдет слов признания или хотя бы оправдания террора. Безусловно, террор не умаляет завоеваний Великой французской революции, но все то, что она завоевала для человека и гражданина, не может узаконить и оправдать гибель десятка тысяч человеческих жизней.

Террористический акт является всегда преступлением. Человеческая справедливость должна его преследовать и наказывать виновных.

Откинув в сторону те соображения, о которых я говорил выше, которые могли бы нарушить спокойствие, необходимое для вынесения приговора, мы должны подойти к настоящему процессу, как к процессу об убийстве посланника Петра Войкова Борисом Ковердой.

При этом подходе мы сталкиваемся сразу с понятием о вечной и никогда не исчезающей человеческой гордыне. Коверда убивает за Россию, от имени России. Право выступать от имени народа он присвоил себе сам. Никто его не уполномочивал ни на это сведение счетов, ни к борьбе от имени России, ни к мести за нее».

Обвинению нужно было разрешить очень важный вопрос о том, действовал ли Коверда один или за его спиной стояли другие люди или организации.

Прокурор Рудницкий ответил на этот вопрос следующим образом:

«После всего этого мы должны заняться разрешением вопроса, был ли поступок Коверды результатом заговорщической деятельности какой-либо организации или же хотя бы мало с собой связанных, но действующих совместно нескольких лиц. Обыски, произведенные у русских эмигрантов и у лиц, которые по тем или иным причинам казались подозрительными полиции, не дали никаких результатов. Ни в Вильно, ни в Варшаве, ни в Белостоке не найдено никаких следов, связывающих Коверду с чем-либо, ничего, что могло бы служить поощрением или помощью для Коверды в его кровавом поступке. Конечно, эти отрицательные данные еще не исключают существования более законспирированных террористических организаций, действующих против представителей СССР в Польше. Однако, по- моему, это исключают обстоятельства, предшествовавшие покушению и сопровождавшие его. Коверда, как известно, прибыл в Варшаву 23 мая, т.е. за две недели до убийства, остановился вначале на один день в гостинице «Астория», а затем в течение двух недель занимал угол в убогой квартире Фенигштейн, платя злотый за каждую ночь. Жил он без прописки. Разве организация, замышляющая покушение и заботящаяся об его успехе, не создала бы для своего агента возможности легального пребывания в Варшаве, снадбив его хотя бы фальшивым паспортом, которого Коверда, как мы знаем, совсем не имел, и крупными деньгами, облегчая ему может быть трудный, но возможный побег? А денег, как мы знаем, Коверда в день покушения совсем не имел. Разве затем организация не старалась бы ему облегчить бегство, хотя бы приготовить ему автомобиль? А ведь мы знаем, что Коверда после покушения не двинулся с места и спокойно ждал, когда подойдет полиция и арестует его. Очевидно, что никто не думал об его бегстве, что при наличии заговора нельзя себе представить, хотя бы с точки зрения безопасности других заговорщиков, которых полицейские власти могли найти, имея в руках фактического виновника покушения. Поведение Коверды в отношении полиции является весьма неразумным с точки зрения заговорщика. Почти каждый день он бывает в консульстве, хлопочет о бесплатном въезде в Россию, где, как он нам говорил, он собирается вести борьбу с правительством. Такое чуть ли не ежедневное посещение могло

обратить на него внимание, вызвать подозрение, интерес к его личности и намерениям, могло привеети к открытию заговора, если бы Коверда принадлежал к заговорщикам, и сделать невозможным покушение. А ведь до первого июня, до даты окончательного отказа со стороны консульства, Коверда, не скрывая своей фамилии, ежедневно там бывает, оставляет там свою фотографию. Следовательно, он поступает так, как нельзя поступать заговорщику, так, как никогда ни один заговорщик не поступит. Самое покушение на посланника Войкова происходит в условиях самых неудобных для этой цели. Коверда, на основании газетных сообщений, ищет Войкова каждый день на одном и том же месте, в продолжение нескольких дней, не зная даже, когда произойдет предполагаемый выезд посланика в Москву и произойдет ли он вообще. А ведь для людей, хотя бы сколько-нибудь знающих образ жизни посланника, было известно, что его легко можно встретить, как нам рассказал свидетель Григорович, без всякой охраны гуляющим по улице, или правящим автомобилем, или разъезжающим на моторной лодке по Висле. Посланника было легче встретить, в продолжение 4-5 дней, где-нибудь в другом месте, чем на главном вокзале; при этом не было известно, когда он туда приедет, а возможность бегства после покушения была очень невелика.

Все эти внешние обстоятельства, сопровождавшие покушение, безусловно указывают на то, что Коверда совершил его один, без чьего бы то ни было соучастия и без посторонней помощи.».

Вторым ключевым вопросом, на который надо было ответить прокурору, было выяснение причин и побуждений, толкнувших Бориса на его рискованный шаг.

По этому вопросу прокурор Рудницкий представил суду следующую аргументацию:

«Очевидно причиной этому не были годы, прожитые Ковердой в России. Из периода гражданской войны в России он вынес смутные воспоминания, воспоминания не непосредственные всех тех ужасов, с которыми связана всякая гражданская война; эти воспоминания могли бы глубоко запасть в его душу, если бы он пережил их непосредственно, и если бы он собственными глазами видел пролитие братской крови, но, как мы знаем, самые страшные вещи доходили до него, мальчика 13-14 лет, только в форме рассказов.

По-моему, другой фактор формировал сознание Коверды и старательно воспитывал в нем элементы ненависти и мести. Этим фактором была та литература, вернее журналистика, которой питался Коверда в течение последних лет. Он рано начал жить в мире газетных сообщений, освещаемых соответственно с направлением газеты. Мы ведь знаем, что в последнее время помимо чисто технической работы, он делал из газет, в которых работал, специальные вырезки, касающиеся всех тех зарубежных событий, которые, согласно мнению большинства прессы, особенно эмигрантской, являются исключительным содержанием жизни теперешней России. Чтобы судить свою страну, сказал я сегодня, нужно жить в этой стране, в ней работать и страдать. Нельзя, однако, судить ее, живя в атмосфере газетных сплетен и эмигрантских надежд. Ибо этот суд никогда не будет глубоким и правильным. Эта искусственная атмосфера, в которой билось сердце Коверды, не могла не влиять на его мысли, на его волю. Находясь в состоянии постоянного возбуждения, Коверда вернулся к воспоминаниям детства, о которых нам говорила его мать. Он захотел стать, как герой его мечтаний, Сусанин, спасителем гибнущей России и начать борьбу с теми, которых он всегда считал ее врагами и угнетателями. Если мы прибавим, что эта экзальтированная и фанатическая натура, не могущая найти никакого выхода в своих мечтаниях о служении родине и видящая это служение прежде всего в совершении преступления, столкнулась с книгой, может быть, написанной с большой сердечной болью, но наполненной ненавистью к людям сегодняшней России и сочувствием к каждому поступку, направленному против этих людей, то мы должны будем придти к определенному выводу, что не русская действительность, а ее отражение в литературном зеркале было тем моментом, который вызвал смерть посланника Войкова.

В психике Коверды мы должны искать ответ на вопрос, сам ли решился Коверда на этот кровавый поступок, или его кто-нибудь толкнул на него?

Я уверен, что в этой не успокоившейся до сегодняшнего дня атмосфере междуусобной борьбы русских между собой, экзальтированный и неуравновешенный юноша сам решился на убийство».

Заканчивая свое выступление, прокурор Рудницкий обратился к трем судьям со следующими словами:

«Коверде, господа судьи, следует дать суровое наказание, суровое даже, несмотря на его молодой возраст, ибо его вина весьма велика. Выстрел, произведенный им, убил человека, убил посланника, убил чужестранца, который на польской земле был уверен в своей безопасности. Этот безумный и роковой выстрел, последним эхом которого будет ваш приговор, Польская республика, которая будет говорить вашими устами, должна осудить и сурово наказать. Слишком тяжелое оскорбление нанесено ее достоинству, чтобы она могла быть мягкой и снисходительной. Она обязана быть суровой в отношении виновного, значит, и вам нельзя не быть суровыми.

Через несколько минут вы должны стать мыслью и совестью республики, болеть ее заботами, возмущаться ее гневом, карать ее мудростью. И если вы из-за милосердия, которое ей свойственно, захотите проявить снисхождение, взвесьте и помните, что это не вы, но она сама будет оказывать милосердие!»

На этом закончилось выступление прокурора, которое произвело на слушателей глубокое впечатление и, повидимому, очень неприятно подействовало на Розенгольца.

Когда после прокурора заговорил первый защитник, Розенгольц покинул зал.

Бориса Коверду защищали четыре адвоката: три поляка (Недзельский, Эттингер и Пасхальский) и один русский по отцу и поляк по матери (Андреев).

Все четыре защитника прекрасно справились со своей задачей.

Говоривший первым, адвокат Недзельский защищал Коверду по приглашению всех русских общественных организаций и учреждений в Варшаве.

Противопоставляя заповеди христианства догмам коммунизма, Недзельский сказал:

«Во тьме веков истории человечества таится зарождение заповеди, которая заключается в простых словах „не убий". Еще в то время, когда происходила ежедневная кровавая борьба за любую добычу, когда сильный перегрызал горло слабому в борьбе за пищу или жилище, стало пробуждаться в человеческих душах первое туманное понятие о том, что человеческое сожительство не может основываться на убийстве, а должно основываться на уважении к жизни ближнего...

Почти две тысячи лет прошло с тех пор, как Великий Учитель дал этой заповеди, уже созревшей в умах лучших людей того времени, новое глубокое содержание и значение, сказав: „люби ближнего твоего как самого себя"».

Вся последующая история Европы и всего мира есть ни что иное, как борьба зо воплощение этих заповедей в жизнь!.. И вот, в XX столетии оказалось, что близок момент полного триумфа этой святой заповеди. Сознание ее правды сделалось общим во всем мире и только в самых глухих его уголках, на островах среди океана, сохранились следы людоедства. А у народов цивилизованных продолжало существовать лишь понятие о допустимом пролитии крови в военных столкновениях, в защите прав и интересов отдельных народов. Но и эти пережитки прошлого уже колебались под могучим дуновением идеи всеобщего мира, могущего раз навсегда вычеркнуть войну из числа средств к разрешению человеческих споров. И вот, в этот исторический момент, на востоке Европы разверзлись врата адовы и на земной поверхности оказалась кучка лжепророков, провозглашающих новые принципы: ошибочен путь, по которому до сих пор шло человечество, бесплодна любовь к ближнему. Лишены всякого значения завоевания христианской этики в человеческой совести и писаные законы народов, убийство и месть являются заповедью будущего, которое следует строить на крови и развалинах.

„Мы уничтожаем девять десятых человечества ради того, чтобы одна десятая дожила до победы коммунизма",—сказал первый пророк Ленин. „Единственной формой победы является уничтожение противника",—прибавил второй пророк Троцкий. Третий, Бухарин, заявил, что только казни и убийства образовывают сознание коммунистического человека. Дзержинский считал кровавый террор чрезвычаек признаком народного гнева, получившего систематическое оформление.

Диктатор Украины, Лацис, цинически выдвинул новый принцип юстиции, перед которым содрогнулась бы душа полудикого, примитивного человека: „Не ищите доказательств того, что подсудимый словом или делом выступал против советской власти. Первым вопросом должно быть, к какому классу он принадлежит. Это должно решить вопрос о его судьбе. Нам нужно не наказание, а уничтожение". А

существует, кроме того, заявление еще одного из этих лжепророков, которое, как молния, освещает самые глубокие тайники темной души новой религии и возглашает миру смертный приговор всем достижениям христианской цивилизации: „Долой любовь к ближнему!"—сказал Луначарский. —„Мы должны научиться ненависти. Мы ненавидим христиан, даже лучшие из них—наши враги. На знаменах пролетариата должны быть написаны лозунги ненависти и мести!»

Далее защитник привел итоги большевицкого владычества:

«По подсчетам русского социалиста Мельгунова—уже в первый период большевицкого господства пало по приказу кровавой Чека миллион семьсот тысяч людей. Проходят годы, и каждый день поглощает новые жертвы».

Недзельский тепло говорит о трагедии русской эмиграции, детально разбирает вопрос сообщников, приходит к заключению, что таковых у Коверды не было и заканчивает эту часть своего выступления следующими словами:

«Несмотря на все эти бросающиеся в глаза доказательства, не оставляющие места для каких-либо сомнений, люди, проникнутые враждебной нам политической тенденцией, повторяют с упорством маньяков: „А все же должна была быть организация. Коверда должен был иметь сообщников"».

Согласен, признаю, что он имел сообщников, однако, других, чем вы предполагаете. Таких, которые не смогли снабдить Коверду ни деньгами, ни оружием—по той простой причине, что эти сообщники Коверды не от мира сего: в момент, когда Борис Коверда очутился с глазу на глаз с кровавым советским сановником, за его плечами, словно стена, стали миллионы душ замученных советами людей, старых и молодых, женщин и детей, священнослужителей, врачей и сестер милосердия... Эти души дали нечеловеческую силу слабой руке Бориса Коверды и подняли эту руку, дабы нанести смертельный удар».

Сопоставляя организованный государственной властью террор в Советском Союзе, с безопасностью и защитой, которой в Европе пользуются советские дипломаты и представители, Недзельский сказал:

«За все время, в течение которого кошмар большевизма висит над Европой—свершились только два акта мести: один в Швейцарии в 1923 г., когда убит был Воровский; другой—

спустя четыре года на польской земле—убийство Войкова. Неужели эти две жизни являются таким ужасом в сравнении с миллионом семьюстами тысяч невинных жертв Чека? С десятками миллионов жизней, поглощенных по вине советского эксперимента, гражданской войной, голодом, нуждой и болезнями?

Вся культурная Европа, польский народ, а также русская эмиграция, рассеянная по всему земному шару, оказались непоколебимо верными христианской культуре, неизменно послушными заповеди: „не убий"».

Заканчивая свое выступление, адвокат Недзельский приходит к заключению, что столкновение между всемирной христианской культурой и попыткой большевиков вернуть человечество на путь варварства неустранимо, и, обращаясь к судьям, говорит:

«Вот почему бремя великой исторической ответственности падает не на личность Бориса Коверды, а на весь тот строй, на совести которого уже столько преступлений и совесть которого еще запятнается не одной катастрофой, прежде чем наступит в мире победа правды и справедливости... Пусть на чашу милосердия будет брошен символ, который Коверда хотел защитить—крест, на котором написана заповедь „не убий". А если этого мало, то бросим на чашу весов любовь к родине, которой Коверда посвятил свою молодую жизнь. И чаша милосердия должна перевесить!»

Следующим выступал защитник Павел Андреев, который начал свою речь с оспаривания утверждения прокурора, что столкновение между Ковердой и Войковым—это борьба между двумя русскими, различно относящимися к состоянию своей родины:

«Нет!

Коверда страдал за несчастия своей родины, боролся за нее—Войков же не представлял родину Коверды, а созданное на крови и кровью питающееся государственное новообразование, которое даже со своих знамен сорвало имя России.

Родина—это не только территория, не только совокупность людей.

Родина—это комплекс традиций, верований, стремлений, святынь, культурных достижений и исторической общности людей и земли, ими населенной.

Родина—это история, в которой развивается нация. А разве СССР может создать нацию?

Нет!»

Опровергая следующую установку прокурора, Павел Андреев говорил:

«Борис Коверда—жалкая пылинка—выступил против ужасной силы не во имя гордости, не во имя ненужного реформаторства, как это хочет видеть господин прокурор. Гордость?

Господа судьи, разве в этом мальчике, сидящем здесь на скамье подсудимых, можно усмотреть хотя бы тень гордости, этого сатанинского искушения? Разве вы не поняли, господа судьи, что Борис Коверда—это мальчик с чистой, кристальной душой, с голубиным сердцем; мальчик, способный на жертву, мальчик, которого на страшный поступок убийства толкнула не гордость, а любовь к неисчислимым массам сородичей, уничтожаемых, попираемых и убиваемых III-им Интернационалом».

Заканчивая свое короткое выступление, защитник Андреев обратил внимание слушателей на неподсудность Бориса Коверды чрезвычайному суду следующими словами:

«Приводя этот закон, господин прокурор несколько рано прервал его цитирование, ибо этот закон не всегда охраняет государственного чиновника, и не во всех случаях.

Тогда только, когда убийство государственного чиновника совершилось при исполнении или вследствие исполнения им служебных обязанностей, преступнику грозит чрезвычайный суд.

Кого убил Коверда?

Войкова—посла при Польской республике или Войкова—члена Коминтерна? А ведь убитый Войков был таким двуликим Янусом.

Ответ мы найдем в словах Коверды—„Я убил Войкова не как посла и не за его посольскую деятельность—я убил его как члена Коминтерна и за Россию".

Где же здесь убийство государственного чиновника по причине или во время исполнения им служебных обязанностей? О, господа судьи, если бы я имел сейчас улики деятельности Войкова в Польше как члена Коминтерна—не

могло бы быть и речи о суде вообще, а о чрезвычайном суде тем более!

Господа судьи! Завтра праздник „Божьего Тела", праздник пречистой крови, пролитой за грехи мира, праздник величайшей жертвы и любви. Я не хочу, я не могу верить и не поверю тому, что польский суд, суд народа, который столько крови пролил за свою и чужую свободу, что этот суд прольет жертвенную кровь ребенка и погрузит в мрак небытия бедную голову мальчика».

Третья защитительная речь блестящего варшавского адвоката Эттингера была наиболее сильной с юридической точки зрения и произвела большое впечатление своей аргументацией против подсудности дела чрезвычайному суду.

Свое выступление Мечислав Эттингер начал следующими словами:

«Господа судьи!

Мы разделили между собой защиту, и моей задачей является представить вам наши выводы по вопросу о подсудности вам этого дела.

Позволяет ли вам закон республики судить Коверду и наказать его согласно немилосердно суровым предписаниям о чрезвычайных судах?

Можно ли лишать его тех гарантий, которыми пользуется подсудимый при обычном судебном разбирательстве и оценки его вины согласно принципам нормального закона?

По глубокому убеждению защиты, предание Коверды чрезвычайному суду противоречит закону. Мы требуем, чтобы вы исправили эту ошибку обвинения и направили дело на путь обычного разбирательства. Обвинение полагает и недавно в своей речи г. прокурор выразил этот взгляд и убеждал суд в его правильности—что посол Войков, как представитель Советов при правительстве республики, пользовался в нашем государстве опекой и защитой закона, коим республика охраняет своих чиновников.

Я полагаю, что легко смогу убедить вас в том, в какой степени этот взгляд обвинения далек от юридической действительности и не находит обоснования».

Далее адвокат Эттингер представил суду очень ясную и полную аргументацию позиции защиты, которую, к сожалению, невозможно привести полностью или даже пересказать в журналь-

ной статье.

Последним выступал адвокат Франциск Пасхальский, который сравнил суд над Конради в Швейцарии с судом над Ковердой в Польше.

Он сказал, что Швейцария стала ареной процесса, во время которого прошел длинный ряд свидетелей, пополняя обвинительный акт против режима Советов. В условиях чрезвычайного суда в Варшаве защита не имела возможности использоваать рассеянных по Европе многочисленных свидетелей, которые при другом судопроизводстве своими показаниями могли бы дополнить сведения юного обвиняемого и взять на себя моральную ответственность за его поступок.

Таким образом, рамки процесса были значительно сужены, что повлекло за собой удаление из судебного разбирательства всего, что происходит в Советской России, с которой Польша подписала мирный договор!

Заканчивая эту часть своего выступления, Пасхальский воскликнул:

> «Никто, однако, не может нам запретить здесь говорить обо всем, что Коверда пережил и что толкнуло его на убийство».

Вернувшись к воспоминаниям детства Бориса в советской России, защитник сказал, что, в отличие от взрослых, видевших многое, для детской души, которая впервые смотрит на мир, такая картина, как «ледяное крещение» в реке священника, оставляет неизгладимое впечатление и ложится в основу жизненного опыта ребенка. Борис вернулся в Польшу 11-летним мальчиком и вскоре начал работать экспедитором белорусской газеты, симпатизирующей большевизму. Его товарищи по белорусской гимназии упоены коммунистической идеологией. Он читает советские газеты, в которых публикуются приговоры по делам контрреволюционеров. Это будит в нем воспоминания и восстанавливает его против товарищей по школе, слепо верящих большевицкой пропаганде. Борис переходит в русскую гимназию, читает русские заграничные газеты, журналы и книги, начинает работать в белорусской газете правого направления и вскоре становится убежденным противником большевизма.

По мнению адвоката Пасхальского книга Арцыбашева «Записки писателя» замкнула цикл размышлений Бориса и дала ему напряжение воли, необходимое для исполнения принятого им раньше решения.

Из этой книги, в которой Арцыбашев обращается к швейцарским судьям по поводу дела Конради, Пасхальский приводит следующие цитаты: «Вы избрали террор средством тирании. Ваш террор—преступление. Террор, направленный против вас—справедливое возмездие...»—и далее—»Родина не дается даром. Мы и только мы имеем право решать судьбу нашей родины!»

Обращаясь к судьям, Пасхальский говорил:

«Я не могу согласиться с господином прокурором, когда он отказывает личности в праве прокладывать пути истории. Для господина прокурора человек—это только незначительная крупинка, зернышко песка, гонимое временем. О нет! Мне кажется, что один пример Коверды, который записал свое имя в историю, является ярким опровержением такой теории».

Свою речь Пасхальский закончил следующими словами:

«Господа судьи, я верю, что ваш приговор, в котором должно заключаться величие народа, покажет миру, что Польша, памятуя свои страдания, умеет понимать чужое горе!»

Речью Адвоката Пасхальского закончились выступления четырех защитников Бориса Коверды.

После этого суд предложил Борису последнее слово, от которого он отказался.

После выполнения последних формальностей суд удалился для совещания.

Как я уже писал, обсуждение и вынесение приговора не заняли много времени.

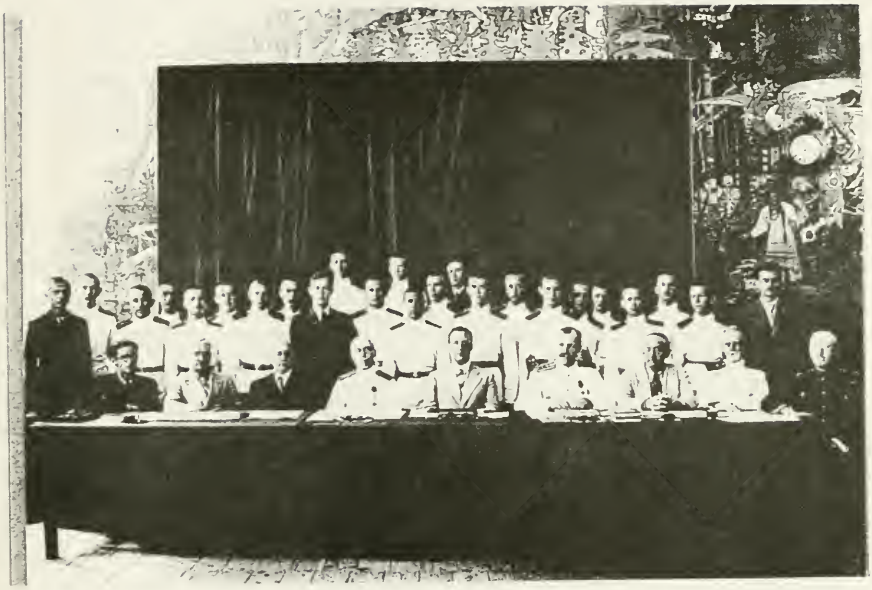
Окружной суд в Варшаве, в качестве чрезвычайного суда, в составе председателя, двух судей и секретаря вынес приговор в документе, озаглавленном: «РЕШЕНИЕ СУДА, 15 июня 1927 года, от имени РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПОЛЬСКОЙ».

На основании признания обвиняемого и показаний свидетелей, суд нашел вину Коверды совершенно доказанной.

Более подробной мотивировки потребовал поднятый защитой вопрос о подсудности дела Коверды суду в порядке чрезвычайного судопроизводства.

После детального разбора статей закона и обстоятельств покушения суд пришел к выводу, что «все сомнения о подсудимости дела об убийстве Войкова чрезвычайному суду следует признать несущественными во всем их объеме».

Белая Церковь, июнь 1938 года. Письменные экзамены. Борис Коверда в первом ряду слева.



Белая Церковь, июнь 1938 года. Выпускники 18-го выпуска с Борисом Ковердой (стоит в штатском за ген. Поповым).

Две резкие ноты советского правительства от 7 и 11 июня несомненно сыграли свою роль в этом решении суда.

В вопросе о размере наказания суд постановил, что нет необходимости применения самого сурового наказания (смертной казни), но нашел нужным приговорить Бориса Коверду к бессрочным каторжным работам.

Однако, принимая во внимание принцип исправления преступника и смягчающие вину обстоятельства, как-то: молодость подсудимого, его нравственные достоинства, глубокий патриотизм и понимание им страданий его сородичей, суд постановил: «Обратиться через господина министра юстиции к господину президенту Речи Посполитой с ходатайством о замене Коверде бессрочных каторжных работ теми же работами на пятнадцатилетний срок».

Так закончился суд над Борисом Ковердой.

Как я уже писал, покушение на полпреда Войкова и суд над Борисом Ковердой вызвали большой интерес в русской заграничной, польской и европейской прессе.

Присутствие 120 журналистов на суде говорит о необыкновенном внимании, оказанном западной общественностью этому событию.

После суда Коверда для многих превратился в героя; со всех сторон на его имя посылались приветствия; газеты сообщали подробности его пребывания в тюрьме.

Белая эмиграция ликовала; создавался своего рода культ Коверды, и даже появились высказывания о роковой связи между преступником и мстителем и о неизбежности судьбоносного события.

Я прекрасно помню, как один из моих товарищей разделил обе фамилии на две части,—«Вой/ков» и «Ков/ерда»,—написал фамилию «Войков» над фамилией «Коверда» и прочитал в вертикальном направлении те же фамилии, что и в горизонтальном. После этого ему нетрудно было меня убедить в том, что смерть Войкова от руки Коверды была предопределена судьбой.

Приведу для примера два отклика белой русской эмиграции на казнь Войкова: один более аналитический, другой эмоциональный.

Первый отклик принадлежит перу С. Л. Войцеховского, присутствовавшего в зале суда в Варшаве.

«Особые политические условия помешали процессу Коверды превратиться в такой суд над коммунистической властью в России, каким был в свое время процесс Конради. Но значение поступка Коверды это не уменьшает. И, быть может, главное значение этого поступка не в самом факте обособленного и неорганизованного террора, а в том, что в лице Коверды против коммунистической власти восстал представитель молодого, только что начинающего жить поколения русского народа.

Напрасно большевики утверждают, что Коверда является „наемником иностранных империалистов". Девятнадцатилетний мальчик, сын того крестьянства, именем которого коммунистическая партия установила в Москве свою диктатуру, человек, не лишившийся во время революции никаких имущественных благ и этих благ не искавший, Борис Коверда выступил против большевиков во имя поруганной Родины, во имя той России, которая была и будет вновь.

В поступке Коверды, в наличии смелости и патриотизма в молодом русском поколении, приходящем на смену усталым бойцам,—залог ее возрождения».

На Дальнем Востоке поэтесса Марианна Колосова посвятила Борису Коверде следующее стихотворение:

РУССКОМУ РЫЦАРЮ.

С Дальнего Востока—в Варшаву,
Солнцу—привет из тьмы!
Герою воспетому славой—
В стенах варшавской тюрьмы.

Золотыми буквами—Имя
На пергаменте славных дел.
И двуглавый орел над ними
В высоту голубую взлетел!

Зашептались зеленые дали...
Зазвенела Русская ширь...
Ты—литой из блестящей стали
Из старых былин богатырь!

И закорчился змей стоглавый,
Видно пули страшней, чем слова?
И под стены старой Варшавы
Покатилась одна голова...

Нам еще отрубить осталось
Девяносто девять голов...
Но нам ли страх и усталость?
На подвиг каждый готов!

И огнями горит золотыми
Путеводная наша звезда—
Дорогое, любимое имя:
«Русский рыцарь Борис КОВЕРДА!»

Советское правительство немедленно реагировало на варшавские события.

Уже в день покушения, 7 июня, польскому посланнику в Москве была вручена первая нота, в которой говорилось:

«...Союзное правительство усматривает в убийстве своего посланника результат непринятия польским правительством всех необходимых мер против преступной деятельности на территории Польши русских контрреволюционных террористических организаций, особенно опасных для дела мира в теперешней напряженной международной обстановке...

...Заявляя поэтому свой решительный негодующий протест и считая, что польское правительство не может уклониться от ответственности за случившееся, союзное правительство оставляет за собой право вернуться к вопросу по получении более подробных и исчерпывающих сведений о совершенном в Варшаве преступлении...»

В ответной ноте от 9 июня, направленной польским правительством комиссару иностранных дел Литвинову, мы читаем:

«...Глубоко взволнованное и возмущенное фактом убийства, жертвой которого пал посланник Союза Советских Социалистических Республик в Польше господин Петр Войков, польское правительство желает еще раз дать выражение чувству искреннего сожаления и возмущения, которое у него вызвал факт этого убийства.

...Польское правительство не может считать себя ответственным за поступок безумца, который, как это, кажется, выясняется из первоначальных результатов следствия, является индивидуальным актом. Польское правительство тем более вынуждено отклонить от себя ответственность, ибо в свое время оно предлагало представителю Союза Советских Социалистических Республик личную охрану, которой, однако, посланник Войков, к сожалению, не хотел воспользоваться...»

Наконец, 11 июня, т.е. за четыре дня до суда над Борисом Ковердой, красная Москва предъявила Польше следующие требования:

«Принимая во внимание выраженное польским правительством сожаление, возмущение и категорическое осуждение акта 7 июня, союзное правительство ожидает:

1) что польское правительство примет все необходимые меры для всестороннего расследования дела, выяснения всех виновников и раскрытия всех нитей преступления, а также для быстрого и сурового наказания виновных, в особенности непосредственного физического убийцы;

2) что польское правительство в соответствии с предварительными переговорами временного поверенного в делах Союза Советских Социалистических Республик в Варшаве г. Ульянова с представителями польского министерства иностранных дел допустит г. Ульянова или другого уполномоченного союзного правительства к участию в следственных действиях по данному процессу, и

3) что польское правительство, наконец, примет на деле немедленные и энергичные меры к ликвидации на польской территории деятельности террористических и бандитских организаций и лиц, направленной против Советского Союза и его представителей, и вышлет из пределов польской республики лиц, занимающихся такой деятельностью».

По сведениям супруги Бориса Коверды Нины Алексеевны, уполномоченный со стороны советского правительства в следствии не участвовал, но у меня нет сомнения, что советские требования и упреки повлияли на решение предать Бориса Коверду чрезвычайному суду.

Вскоре по окончании суда советские обвинения были распространены на Англию и на другие «темные силы реакции»:

«В Варшаве был убит т. Войков, полпред СССР в Польской республике. Этот неслыханный акт, нашедший отклик во всем мире, в настоящей тревожной международной обстановке еще более подчеркивает преступность политики реакционных сил, активно старающихся сорвать дело мира. Убийство т. Войкова является одним из звеньев в целой цепи событий, в сумме своей означающих все большую и большую угрозу миру».

Такими словами возвестило правительство СССР всему миру о событии, которое совершилось в столице Польши:

«Выстрел белогвардейца Бориса Коверды раздался в тот момент, когда ярко обрисовалась провокационная работа

английского империализма по окружению Союза Советских Республик. Международная обстановка, складывавшаяся под угрозой непосредственного нападения на СССР, расшевелила все темные силы реакции во всем мире. Выстрел на варшавском вокзале должен был, по замыслу Чемберленов и Болдуинов, сыграть роль Сараевского убийства в 1914 г.—должен был вовлечь СССР в военную авантюру и тем самым облегчить польской буржуазии мобилизацию рабочих и крестьян Польши на войну за интересы английского капитала. Русская эмиграция, живущая только надеждой на интервенцию капиталистических держав в СССР,—учла сразу все выгоды момента. Уже с начала 1927 г. в кругах белогвардейской эмиграции стало заметно небывалое оживление. „Сам" генерал Врангель приехал „инкогнито" в Венгрию для того, чтобы отсюда удобнее руководить военными действиями против СССР. Центры активной белогвардейской работы приблизились к нашей западной границе... Почуяв, что в воздухе „пахнет жареным", зашевелилась белогвардейская эмиграция в Польше. Со времени польско-советской войны 1919-1920 годов в Польше образовалось гнездо золотопогонного сброда...» и т.д.

Самый суд над Ковердой представлен советскому читателю в следующем виде:

«15 июня Борис Коверда предстал перед чрезвычайным судом Польской республики. Два дня продолжалось это дело... Что можно сказать о суде над Ковердой? Это была такая же гнусная комедия, как та, которая развернулась в 1923 г. в Швейцарии, когда судили Конради—убийцу т. Воровского. Перед судом прошел ряд специально подобранных свидетелей, которые всеми способами обеляли Коверду, изображая его невинным отроком с кристальной душой и голубиным сердцем. Обычно с понятием суда связано представление о защите и обвинении. Суд над Ковердой в сущности не имел обвинения. Прокурор и защита разделили между собой труд, целью которого было представить Коверду в виде „национального героя". ...Сто́ит ли после этого говорить о защите?.. Фактически после речи прокурора защите оставалось лишь дополнить и уточнить выдвинутые им положения. Весьма характерен состав защиты: монархист Недзельский и пилсудчик Пасхальский, специалист по бракоразводным делам Эттингер и темный виленский проходимец Андреев,—вся эта компания изощрялась в течение нескольких часов в

плюгавых нападках на СССР при „благожелательном нейтралитете" со стороны председателя суда, которому не пришло в голову приостановить красноречие адвокатов, направленное по адресу страны, с которой Польша находится в нормальных отношениях. В других условиях можно было бы лишь посмеяться над речами этих адвокатов, над этим винегретом из обычных белогвардейских рассказов „об ужасах Совдепии", сдобренных соусом семинарской риторики и ханжеского пафоса. В одну неблаговонную кучу свалены здесь и собственного изобретения „цитаты вождей революции", „ужасы Чека", гимназическая фуражка Коверды, мифический „батюшка", убиенный большевиками, прилизанная головка дитяти Бориса и запах ладана православных церквей...»

Не обошлось, конечно, без избитых фраз коммунистического жаргона,—«Трудящиеся СССР встретили приговор варшавского суда с возмущением»—и без угроз по адресу «буржуазной» Польши:

«Союз Советских Социалистических Республик глубоко запомнил поведение варшавского суда. С гордостью и отрадой вспоминаем мы зато те десятки тысяч славных варшавских рабочих, которые пришли к советскому посольству отдать последний долг погибшему на революционном посту послу первой в мире страны трудящихся. В этом проявлении международной пролетарской солидарности—залог того, что настанет день, когда судьями в Польше будут рабочие и крестьяне Польши»..

Благодаря близорукости и попустительству западных демократий в годы второй мировой войны, предсказания 1927 года исполнились в 1944 году, и в польских судах по сей день хозяйничают товарищи комиссары, не обращая никакого внимания на мнения и желания крестьян и рабочих.

Читая советские тексты шестидесятилетней давности, удивляешься тому, насколько они современны по форме и содержанию.

Та же социалистическая солидарность трудящихся, миролюбивый Советский Союз и коварные козни капиталистов.

Такие же фразы заполняли столбцы советских газет и волны эфира, когда подавлялись восстания в Германии и Польше и когда советские танки врывались в Чехословакию, Венгрию и в Афганистан...

Окончился суд в Варшаве, интерес к судьбе Бориса Коверды стал постепенно спадать, и только его выход из тюрьмы в 1937 г. на время оживил воспоминания о событиях между 7 и 15 июня 1927 года.

Отгремела вторая мировая война и затмила в памяти людей многое, что было до нее.

За исключением дружеских бесед, Борис Сафронович все эти годы хранил молчание по поводу событий, в которых он был главным действующим лицом.

Только в 1984 году, сознавая важность восстановления исторической истины и, возможно, предчувствуя, что его жизнь подходит к концу, Борис Сафронович написал статью под заглавием «Покушение на полпреда Войкова 7 июля 1927 года».

Эта короткая статья, названная автором «свидетельским показанием», написана языком делового отчета и почти полностью ограничивается передачей фактов и событий.

О самом важном решении во всей своей жизни Борис Сафронович пишет так:

> «В моих беседах с Павлюкевичем и Яковлевым мы все чаще обсуждали план покушения на Войкова и в конце концов, к началу 1927 года, я выразил желание совершить это покушение».*

Я думаю, что невозможно проще и скромнее сказать о решении, которое могло стоить жизни 19-летнему юноше.

Как мы уже знаем, на суде и обвинение и защита считали доказанным, что у Бориса Коверды не было сообщников. Однако в статье Бориса Сафроновича несколько раз упоминаются доктор Арсений Васильевич Павлюкевич, издатель газеты «Белорусское Слово», в которой Борис Сафронович работал, и есаул Михаил Ильич Яковлев, участник гражданской войны и издатель газеты «Новая Россия». Ознакомившись с обстоятельствами, предшествующими покушению, я считаю, что сообщников, в моем понимании этого слова, у Бориса Сафроновича не было. Никто с ним *сообща* в покушении не участвовал и ему в этом не помогал. От Павлюкевича Борис Сафронович получил 200 злотых на проезд

---

* Нина Алексеевна, супруга Бориса Сафроновича, говорит, что были колебания. Польша *сначала* Войкова послом не приняла, повидимому из-за его участия в убийстве царской семьи. Говорили, что Войков носил перстень на руке, снятый с царских мучеников.

Факт участия Войкова в убийстве царской семьи повлиял на решение Бориса Коверды.

в Варшаву и на расходы, а от Яковлева—старый маузер с патронами и обучение стрельбе из него.

Двое знакомых Бориса, на которых вначале рассчитывали, не смогли, по разным причинам, участвовать в покушении, а роль третьего, некоего Шипчинского, свелась к тому, что он устроил Бориса в Варшаве на квартиру к бедной торговке и показал ему, где находится советское посольство.

Таким образом, приехавши из Вильны в Варшаву, молодой Борис оказался совершенно один.

В своем выступлении перед судом адвокат Пасхальский сказал: «Удивительное в этом ребенке (Борисе) соединение чего-то взрослого и чего-то совершенно детского».

Я считаю, что «взрослый» Борис проявил необыкновенную убежденность, настойчивость и хладнокровие, проведя 14 одиноких дней в Варшаве без сообщников, руководства и опыта, выискивая способ привести свое намерение в исполнение и поднимая руку с револьвером на страшное дело убийства другого человека. А Борис «ребенок», после того, как Войков упал смертельно раненый, остался стоять на перроне, просто и твердо веря, что сделал правое дело.

На суде Борис решительно и спокойно заявил, что действовал сам, без сообщников, что несомненно принесло ему более строгий приговор. Признай он, что инициаторами покушения были два известных в Польше антикоммуниста, суд бы совсем по другому отнесся к его участию в покушении, строго наказавши взрослых вдохновителей и значительно мягче молодого исполнителя.

Такое моральное качество Бориса я назову—верность слову, даже в ущерб самому себе...

Вся же последующая жизнь Бориса Сафроновича может послужить примером скромности любому из нас.

В моих глазах идейность, стойкость, верность и скромность являются неотъемлемыми качествами настоящего героя...

В этом году исполняется 70 лет со дня захвата власти большевиками и 60 лет со дня казни на варшавском вокзале видного большевика и одного из организаторов убийства царской семьи Петра Войкова. За эти годы выросло два поколения русских людей в Советском Союзе и заграницей.

Громадное большинство из них не знают имени Бориса Коверды и не слышали о его героическом поступке. На националь-

ном русском зарубежьи и особенно на нас, кадетах, лежит моральная обязанность сохранить память о нем до того дня, когда русские историки получат доступ ко всем архивам и смогут вынести беспристрастный суд о вооруженной и идеологической борьбе сторонников и противников коммунизма.

Уже сейчас слышны молодые голоса из Советского Союза, которые признают, что правда на нашей стороне. Я совершенно уверен, что суд истории прийдет к такому же заключению и что новая Россия сохранит имя Бориса Ковердy наряду с именами других борцов за свободу и достоинство русского народа.

Алексей Боголюбов
17 мая 1987 г. кадет 17-го вып. Р.К.К.

Библиография

1. *Дело Б. Коверда, июнь 1927 г.* (Книгоиздательство «Возрождение», Париж).
2. *Убийца тов. Войкова перед польским судом* (Государственное издательство. Москва, Ленинград, 1927).
3. *Покушение на полпреда Войкова 7 июня 1927 года*, статья Бориса Коверды. «Русская Мысль», февраль 1984 г. и журнал «Часовой».
4. Газеты.

«ВЕЧЕ»

независимый русский альманах

В Америке и др. заокеанских странах
цена отдельного номера 9 ам. долл.
подписка на 4 номера 30 ам. долл.

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
West Germany

Павел Пагануцци

БОРИС САФРОНОВИЧ КОВЕРДА

Полковник Роберт Вилтон в своей книге «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РОМАНОВЫХ» утверждал, что по началу над большевистским режимом доминировал не Ленин (Ульянов), а Свердлов (Розенфельд), председатель всесильного ВЦИКа и один из основателей зловещей ЧРЕЗВЫЧАЙКИ. Одна из редких фотографий, которую мне удалось вырезать из сербского коммунистического журнала, снятая на Красной площади в первую годовщину «красного октября», изображает группу большевистских главарей во главе с красным Гиммлером, СВЕРДЛОВЫМ, с ног до головы зашитым в черную кожу, и ЛЕНИНЫМ, на втором плане, окруженных приспешниками не русского и не славянского вида.

Вот у этого самого Свердлова, организатора ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЗЛОДЕЯНИЯ, одним из главных заплечных дел мастеров на Урале был ПЕТР ВОЙКОВ (он же ВАЙНЕР ПИНХУС). За революционную деятельность царское правительство его преследовало, и Войков бежал заграницу. А затем, вместе с 28-ю другими вожаками революции и будущим цареубийцей Сафаровым, он попал в так называемый немецкий «запломбированный вагон», о котором историк Мельгунов писал следующее:

> «Социал-демократ Парвус (Гелфант), перейдя на сторону большевиков, помог им „наладить дело": он стал посредником между Лениным и его швейцарской группой и Германским Генеральным Штабом в организации отправки в Россию большевистской головки, как и снабжения ее немецкими деньгами».

По прибытии в Россию, после большевистского переворота, Войков командируется Свердловым в Екатеринбург, на Урале, где он становится, вместе с Сафаровым, членом областного Совдепа при председателе Белобородове, который на самом деле был пешкой в руках Войкова, Сафарова, Голощекина и Сыромолотова. По инструкциям Свердлова из Москвы, екатеринбургский Совдеп подготавливает убийство Царской Семьи, про которое Мельгунов позднее напишет:

> «Эту потаенную и кошмарную расправу с Царской Семьей и с близкими ей людьми могли совершить лишь те, кто в момент своего действия потеряли человеческий облик!»

А критик Георгий Адамович в Париже добавит:

> «Если в России не настанет время, когда грех цареубийства признают, то лучше и не быть русским!»

С целью замести следы своего преступления и чтобы «контрреволюционеры, играя на невежестве народных масс, не использовали их тела как мощи», красные заговорщики, получив приказание из Москвы от Свердлова «ликвидировать» узников Ипатьевского дома, начинают договариваться, как это выполнить. И тут Войков выставляет фантастический план расстрела у реки, после чего тела должны быть сброшены в воду с привязанными гирями.

В результате споров был принят план убийства в доме Ипатьева с тем, чтобы Юровский привел его в исполнение, а Войков присутствовал, как представитель областного Совдепа и потом, как химик, руководил уничтожением тел. Таким образом, Войкову любое беспристрастное правосудие должно было вменить двойную вину за его злодеяние.

Как мы знаем, план был приведен в исполнение: 400 фунтов серной кислоты и 400 галлонов керосина сделали свое дело, но только частично. Войкову не удалось до конца замести следов уничтожения тел своих жертв. Судья Сергеев, а особенно следователь Соколов помешали этому.

Кончилась гражданская война, и Войков решает сменить ремесло убийцы и грабителя на более «благородную» профессию: он становится дипломатом высшего ранга. Вот что об этой метамарфозе говорят советские источники:

> «Летом 1924 года Советское правительство запросило в Варшаве агреман (согласие) на назначение новым послом СССР в Польше П. Л. Войкова. Почти две недели польское

правительство медлило с ответом. Наконец сообщило: представление агремана ставится в зависимость от роли Войкова в екатеринбургских событиях 1918 года. Требуется от комиссара иностранных дел Чичерина подтверждение, что Войков к этому не причастен».

Что ответил Чичерин не трудно догадаться: «Конечно непричастен. Ведь был Войков всего лишь комиссаром продовольствия». Старый и коварный лис Чичерин хорошо учитывал неприязнь поляков к Царской России, а поэтому 4 сентября 1924 года он сообщил Вышинскому следующее:

«Я не помню момента в истории борьбы польского народа против угнетения царизмом, когда борьба против последнего не выдвигалась бы как общее дело освободительного движения Польши и России».

Хотя польское правительство было хорошо осведомлено о той роли, которую Войков играл в убийстве Царской Семьи, он получил «агреман».

Почти что три года Войков пробыл на посту советского полпреда в Варшаве. А под новый, для него роковой, 1927 год, под влиянием выпитого, он рассказал будущему невозвращенцу Беседовскому жуткую историю бойни в доме Ипатьева. Событие это имело место после вечера сотрудников посольства. «Это была ужасная история»,—говорил Войков, держа в руках перстень с рубином, переливающимся цветом крови, который он снял с одной из жертв после убийства. —«Мы все участники были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский,—и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней, и он сошел бы с ума».

Советский автор Касвинов пишет:

«Престуление совершилось 7 июля 1927 года[4]. В тот день на перроне варшавского вокзала белый эмигрант шесть раз в упор выстрелил из пистолета в П. Л. Войкова и смертельно его ранил. И хотя суд и состоялся, и убийца Б. Коверда был осужден, для разоблачения его сообщников и для обличения белогвардейского бандитизма ничего не сделали. Встав в позу, террорист на суде заявил перед представителями мировой прессы и международной общественности, что выстрелами в Войкова „он отплатил за Екатеринбург". В. Александров называет эти выстрелы „точными и совершенно верными", поскольку „причастие

Войкова к событиям в Ипатьевском доме ни прежде, ни сейчас не вызывает ни у кого сомнения"»[1].

Десятью годами каторжной тюрьмы заплатил Коверда за казнь екатеринбургского сверхзлодея, но заключение, по свидетельству капитана Орехова, редактора «ЧАСОВОГО», который навещал узника, не сломило Коверду ни физически, ни духовно. По выходе на свободу он отправился в Югославию где, при Кадетском Корпусе в Белой Церкви в 1938 году сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости.

А затем судьба, постигшая почти что всех нас: Вторая мировая война, немецкая оккупация, лагеря ДиПи и дорога за океан. Тяжелый недуг сломил Бориса Коверду, а его смерть и похороны прошли незаметно. Был будний день, и на русском кладбище собралась совсем малая группа его друзей, кадет Зарубежных корпусов, проводить в последний путь русского героя. Да будет легка ему американская земля. Рискуя своей жизнью, он покарал смертью одного из величайших преступников большевистской окаянной революции[2].

Нам теперь твердят справа и слева о каких-то сдвигах к лучшему у нас на родине, о признаках оттепели, о стихийной тяге русской интеллигенции к историческому прошлому России. Так это или нет—покажет будущее. Но не настало ли такое время, когда многие подсоветские люди, даже с партбилетами, узнав о подвиге Бориса Коверды, скажут себе: «Он, конечно, был прав», и одобрят его поступок.

Кончаю эту статью стихами, которые неизвестный поэт посвятил Коверде в 1927 году[3]:

Я выстрадал свое решенье,
Оно пришло, как скорбный плач,
Простит Господь мне прегрешенье:
Казнен преступник и палач.

Когда рассказ шел потрясающий
О царской смерти, словно гром,
Пред ликом родины страдающей
Карал я зло святым судом!

СНОСКИ

1. Тут Касвинов цитирует слова из книги В. Александрова, приведенной нами в библиографии.

2. Читатели вероятно заинтересуются судьбой, которая постигла остальных организаторов преступления и убийц Царской Семьи: Свердлова, Голощекина,

Белобородова, Юровского, Медведева, Ваганова и других. Все они вовсе не принадлежали к людям идейным, преследовавшим высокие моральные и политические идеалы, как до сих пор пытается изобразить их большевистская пресса. На самом деле это были самые типичные преступники-грабители, темные подонки общества. Совершив трусливое «убийство из-за угла», как выразился омский прокурор Шамарин, они ограбили свои жертвы, присвоив из корыстных целей их драгоценности и другие вещи, а затем бежали от наступающих войск армии адмирала Колчака.

Все главные участники Екатеринбургского Злодеяния, без исключения, понесли заслуженную кару, и большинство из них ненадолго пережило свои жертвы. Павел Медведев, не дождавшись суда, умер в следственной тюрьме от сыпного тифа. Ваганов, не успев бежать с большевиками, был разыскан и убит своими же товарищами-рабочими. За ним последовал Свердлов. Во время посещения бывших Морозовских фабрик, один из рабочих ударил по голове его тяжелым предметом, и он умер от сотрясения мозга в начале 1919 года. Белобородов и Юровский попались у Сталина в троцкизме и после пыток (особенно досталось Белобородову—см. мою статью «Конец Белобородова», Р. Ж., 6 дек. 1985) были отправлены своими же товарищами чекистами в преисподнюю. Юровского не спасла даже тяжелая сердечная болезнь, которую он приобрел, вероятно, во время своей преступной деятельности. Шая Голощекина «родная партия», создать которую он так старался, миловала дольше всего. По Рою Медведеву его вычистили из партии, и он пропал без вести в одном из безымянных лагерей Архипелага ГУЛАГа, как гибли тысячи невинных жертв, которых он в свое время отправлял туда же. По сообщению же книги «Комиссары» (Москва, 1964), Голощекин был расстрелян в Москве в 1939 году.

3. Стихотворение заимствовано из «ЧАСОВОГО».

4. В дате покушения известные расхождения: сов. источник, которым я пользовался, называет 7 июля, зарубежная пресса—7 июня.

Для этой работы использованы следующие источники:

1. Вилтон, Роберт. *Последние дни Романовых.* «Град Китеж», Берлин, 1923.

2. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*, т. IV, Москва, 1966, стр. 319.

3. Касвинов, М. К. *Двадцать три ступени вниз.* «Звезда», Ленинград, 1972-73.

4. Мельгунов, С. П. *Судьба императора Николая II после отречения.* Париж, 1957.

5. Мельгунов, С. П. *Как большевики захватили власть.* Париж, 1953.

6. Пагануцци, П. *Правда об убийстве Царской Семьи.* Jordanville, N.Y., 1981.

7. Alexandrov, Victor. «The end of the Romanovs». Boston-Toronto, 1966.

Алена Кожевникова

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ИМУЩЕСТВО В ИЗРАИЛЕ

17-18 августа 1986 г. в Хельсинки состоялась встреча двух советских консульских работников, Генриха Плихина и Николая Тихомирова, с сотрудниками министерства иностранных дел Израиля Иехудой Хорамом и Итуханом Шелехом. В западной прессе уже опубликованы обширные материалы, по разному толкующие масштабы и значение этой встречи. Комментируя эти толкования на пресс-конференции 12 августа, начальник управления МИД СССР Геннадий Герасимов заявил, что встреча будет посвящена чисто консульским вопросам, но добавил, что «эти вопросы , во-первых, касаются советской собственности в Израиле». Под этим явно подразумевается весь комплекс вопросов, связанных с русским церковным имуществом, которое было незаконно передано Израилем в 1948 году Советскому Союзу, и претензии СССР на то имущество, которое в настоящее время принадлежит Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (находящейся под управлением Русской Зарубежной Церкви) и Православному Палестинскому Обществу.

Посягательства советского руководства на имущество этих двух организаций, созданных в XIX веке, начались в 1923 году. Речь идет о недвижимом имуществе, стоимость которого на сегодняшний день достигает 150 млн. долларов. Русские православные христиане веками совершали паломничества на Святую Землю, хотя после падения Иерусалима в 1517 году не было никаких гарантий их личной безопасности как от бандитов, так и от издевательств и притеснений со стороны турецких чиновников, олицетворявших власть Османской империи.

По настоятельной просьбе Русской Православной Церкви российское правительство открыло консульство для оказания помощи паломникам в портовом городе Яффа в 1820 г., но по политическим соображениям избегало каких-либо действий, которые могли быть приняты за территориальные притязания на Ближнем Востоке.

В 1841 г., опять-таки по настоянию Русской Православной Церкви, российскому послу в Константинополе было поручено вступить в переговоры с турками относительно предоставления

Русской Православной Церкви права построить гостиницы для огромного числа русских паломников, приезжающих на богомолье на Святую Землю. Турки согласились. Вся последующая деятельность Русской Православной Церкви на Святой Земле финансировалась исключительно самой Церковью. Помимо постройки гостиниц, посланники Церкви занимались миссионерской и благотворительной деятельностью, на которую русский православный народ жертвовал щедро. Объем работы продолжал расти, и поэтому в 1857 г., по окончании Крымской войны, Святейший Синод Русской Православной Церкви постановил создать формальное представительство на Святой Земле. Это решение привело к созданию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в январе 1858 года.

На пожертвования верующих в России Миссия в течение последующих 10 лет приобретала земельные участки, имеющие библейское значение, строила храмы, монастыри, школы, странноприимные дома (т.е. гостиницы для паломников), а также покупала сельскохозяйственные участки. Движущей силой был архимандрит Антоний Капустин, проведший на Святой Земле 29 лет. Его достижения произвели такое впечатление на вел. князя Сергея Николаевича во время посещения им Святой Земли, что по возвращении в Россию в 1881 г. он основал Православное Палестинское Общество, целью которого было оказать содействие миссионерской работе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и собирать средства на приобретение земли и памятников культурного и религиозного значения. В 1889 г. Палестинское Общество взяло на себя заботу о паломниках из России и администрацию учебных заведений, основанных Русской Духовной Миссией.

Следует отметить, что ни Русская Духовная Миссия, ни Палестинское Общество никогда не финансировалось российским правительством, хотя некоторые члены царской семьи в частном порядке жертвовали на работу Палестинского Общества.О самостоятельном статусе обеих организаций свидетельствуют их уставы и другие официальные документы. Ошибочное представление, будто хозяином Палестинского Общества было русское правительство, возникло на основании того, что, в соответствии с существовавшим тогда завонодательством Османской империи, имущество должно было быть **формально** записано на имя русского правительства. Существующее Удостоверение российского посла в Константинополе, Гирса, ясно излагает следующие факты:

— что недвижимость, принадлежащая Палестинскому Православному Обществу, была приобретена и построена исключительно на добровольные пожертвования благочестивых русских людей;

— что имущество это служит нуждам Палестинского Общества, находясь в постоянном его ведении и управлении, а русское правительство—лишь формальный владелец, согласно существующей юридической практике;

— что Палестинское Общество всегда оплачивало расходы по администрации этого имущества из своих средств, и поэтому ему на правах суверенности принадлежит перечисленное в Удостоверении имущество, а именно—пять подворий (Елизаветинское, Мариинское, Николаевское, Александровское и Сергиевское), расположенных в Иерусалиме, Назарете и окрестностях, больница при Елизаветинском подворье, церковь св. Александра Невского, а также различные земельные участки, сады и постройки для использования паломниками.

В конце Первой мировой войны Палестину оккупировали британские войска, и вопрос о будущей администрации этой территории был передан на рассмотрение Лиги Наций, которая постановила отдать Палестину под мандат Великобритании.

После октябрьского переворота в России в 1917 г. деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Палестинского Общества несколько сократилась, т.к. прекратился поток пожертвований из России. Обе организации, однако, продолжали существовать, получая доход от сельскохозяйственных участков, купленных еще в XIX веке, а теперь сдаваемых в аренду.

В 1921 г. сформировалась Русская Зарубежная Церковь, юридическим основанием бытия которой послужило постановление Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего церковного совета Русской Православной Церкви от 20 ноября 1920 г. о временной автономии тех частей Русской Православной Церкви, которые, в силу военных и политических обстоятельств, оказались в то время за пределами домогаемости советской власти. «Русская Православная Церковь Заграницей» (как она официально называется) может, таким образом, рассматриваться как правопреемница высших органов церковной власти, созданных Всероссийским Церковным Собором в 1917-18 гг. Она взяла на себя управление Русской Духовной Миссией в Иерусалиме.

Британская администрация признала законный статус Зару-

бежной Церкви, а Палестинское Общество—самостоятельной общественной организацией.

Однако 18 мая 1923 г. глава советской делегации в Лондоне, Красин, направил министру иностранных дел Великобритании ноту, в которой от имени советского правительства требовал передачи всего имущества Русской Духовной Миссии и Палестинского Общества советской России. Это требование было обосновано тем, что, якобы, советское правительство «является законным преемником» правительства Российской Империи и, следовательно, имеет право на это имущество на основании того, что декретом от 23 января 1918 г. Церковь в сов. России отделена от государства и все ее имущество национализировано. Поскольку Палестинское Общество и Русская Духовная Миссия всегда были независимы от российского правительства, требование было отклонено. Возможно, что в этом решении сыграла роль и политика большевиков в отношении Церкви на территории сов. России, преследования верующих, разрушение храмов, осквернение святынь.

Следует помнить, что из 32 владений Русской Духовной Миссии 24 были признаны святыми местами. Положение оставалось неизменным до 1948 г., когда после арабско-израильской войны Палестина была разделена и часть русского имущества оказалась в Иордании, а часть—в Израиле. Сов. Союз был одной из первых стран, признавших новое израильское государство и установивших с ним дипломатические отношения. Вскоре после открытия советского посольства в Израиле советское правительство направило израильсим властям требование о передаче ему всех владений Палестинского Общества и Русской Духовной Миссии. На этот раз просьба исходила якобы «**от имени Русской Православной Церкви в Сов. Союзе**», хотя эта Церковь была лишена большевиками права владеть имуществом!

Первое социалистическое правительство Израиля побоялось рискнуть разрывом дипломатических отношений с одной из крупнейших держав мира: не вдаваясь в юридические аспекты дела, оно объявило имущество Палестинского Общества и Духовной Миссии «брошенным», т.е. без законного хозяина, и согласилось отдать его представителям Сов. Союза. Однако большая часть имущества обеих организаций оказалась на территории Иордании и в силу этого обстоятельства не стала собственностью советских властей.

Свидетели событий того времени рассказывают, что передача имущества, находившегося на территории Израиля была проведена поспешно и жестоко. Многие монахи и монахини были

попросту выдворены из страны. Передача же Троицкого собора в Иерусалиме была осуществлена на основании записки, написанной по-русски, за печатью военного губернатора Иерусалима, в которой говорилось:

Господину иеродьякону Мефодию: настоящим предлагаю Вам сдать ключи и всякие другие предметы, принадлежащие Русской Духовной Миссии, представителям Православной Церкви, прибывшим из Москвы, а именно, архимандриту Леониду и священнику Владимиру.

Эта записка была доставлена о. Мефодию названными «представителями» в сопровождении группы крепких молодых мужчин в штатском из советского посольства и нескольких «наблюдателей» от израильского правительства. Отец Мефодий наотрез отказался сдавать ключи вверенного ему храма. Тогда молодые люди в штатском окружили священника и стали его избивать. Израильские наблюдатели в избиении священника не участвовали, но и не защитили его, ограничившись именно «наблюдением». Сила взяла свое: избитого до потери сознания, окровавленного и с переломанным позвоночником о. Мефодия бросили в канаву, ключи от храма сорвали с его пояса, и «передача имущества» состоялась...

Интересно отметить, что большая часть имущества, переданного израильскими властями якобы во владение Русской Православной Церкви в 1948 г., была затем продана израильскому государству советскими властями в 1964 году.

Когда СССР порвал дипломатические отношения с Израилем (после арабо-израильской войны в 1967 г.), в советских владениях в Израиле осталась всего лишь небольшая группа монахинь, три священника, секретарь представительства и его шофер. После войны 1967 г. израильское правительство признало ранее существовавший статус религиозных организаций, пойдя навстречу просбам многих стран, в частности США.

Это признание распространилось и на Русскую Духовную Миссию, и на Православное Палестинское Общество, которые в результате завоеваний Израиля в войне 1967 г. оказались на израильской, а не на арабской территории.

В 1971 г. Русская Духовная Миссия возбудила иск, требуя возврата Миссии имущества, незаконно переданного Сов. Союзу в 1948 г.; в частности, это были церкви и апельсиновые рощи в Яффе.

а также постройки и земельные участки в Иерусалиме, Назарете, Тивериаде и в разных частях Галилеи. Израильское правительство, выступая ответчиком, настаивало на том, что Миссия не имеет права на свои прежние владения, но иерусалимский городской суд вынес решение в пользу Русской Духовной Миссии, хотя вычеркнул из списка некоторые владения на основании того, что они не соответствуют принятым понятиям «святого места». Неизбежно возникли и другие вопросы. Несмотря на принципиальное решение суда: например, уже во времена советского владычества на земельном участке в Тивериаде была построена церковь, а участок земли в Назарете был советской властью подарен израильской компартии, которая выстроила там штаб-квартиру.

Хотя Сов. Союз до сих пор не восстановил дипломатических отношений с Израилем, число различных советских представителей, официально причисленных к духовной миссии Московской Патриархии, сильно возросло. Известно также, что советские власти не отказались от намерения завладеть всем имуществом Русской Духовной Миссии и Палестинского Общества. Вопрос об этом имуществе был поднят «Патриархом Московским и всея Руси» Пименом в 1972 г., когда он совершил паломничество на Святую Землю и встретился для переговоров с израильским министром по делам религий Вархафтигом и министром юстиции Шапиро. Они ответили, что этот вопрос—чисто юридический, подлежащий рассмотрению судом, и поэтому правительство не имеет права в него вмешиваться.

Трудно предположить, что Сов. Союз не воспользуется переговорами с Израилем, чтобы возобновить свои требования на то русское церковное имущество, которое ему не удалось получить 39 лет тому назад. В это имущество входят Судные Врата с храмом в самом центре старого Иерусалима; здесь же находится административный центр Русской Духовной Миссии и Православного Общества; Елеонский Спасо-Вознесенский женский монастырь на вершине Елеонской горы; Гефсиманская женская обитель с храмом святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсиманском саду, у подножия Елеонской горы; община Воскресения Христова в Вифании—здесь же начальная православная школа; Собор Святых Праотец в Хевроне, где находится Мамврийский Дуб, под которым Аврааму явилась Троица; скит на месте лавры преп. Харитона в Фаре; Миссийский сад с часовней в Иерихоне; часовня на прибрежном участке у реки Иордан и некоторые другие владения.

О Гефсиманской обители надо добавить, что в ней несколько лет тому назад были открыты мощи великой княгини Елизаветы Федоровны и ее верной спутницы, монахини Варвары; обе они были убиты большевиками, а тела их брошены в шахту в Алапаевске на следующий день после убийства Царской семьи в Екатеринбурге (17-18 июля 1918 г.). Неужели святые мощи будут выданы на поругание наследникам убийц?

Перспектива возможной передачи этого имущества в руки советских властей вызвала тревогу не только среди разбросанной по всему миру паствы Русской Зарубежной Церкви, но и среди других христиан. Налицо печальный опыт того, что случается со святынями, которые попадают во владение советского правительства.

В Израиле довольно широко распространено мнение, что некоторые из сотрудников духовной миссии Московской патриархии занимаются не столько духовными вопросами, сколько деятельностью, приличествующей «органам дознания».

Уже годами поступают жалобы монахов Пантелеймоновского монастыря на Афоне. Братия жалуется на постоянные наезды сотрудников КГБ, которые издеваются над монахами и всячески стараются их запугать. Дело дошло до того, что группа монахов, не желающая далее терпеть произвол незваных гостей, покинула монастырь и поселилась в одном из пустующих скитов.

Небольшая группа монахинь, населяющих Горненский монастырь, Московской патриархии в Иерусалиме, с испугом спешит удалиться от туристов или паломников, которые по какой-либо причине обращаются к одной из сестер. Да и попасть в Горненский монастырь не каждый может. Не дай Бог той же участи святым местам, за которыми с такой любовью и преданностью смотрит Русская Зарубежная Церковь!

«Единение» (Австралия) **А. Кожевникова**

ДЕКЛАРАЦИЯ ГОДА СКОРБИ И НЕПРИМИРИМОСТИ

7 ноября этого года коммунистическая партия Советского Союза будет праздновать семидесятилетие захвата ею власти в России.

Конгресс русских американцев ежегодно напоминает о том, что события 7 ноября 1917 года явились не только началом страданий многомиллионного народа под игом коммунизма, но и началом общечеловеческих бедствий.

В этом году, по случаю семидесятилетия советской власти и ввиду мировой политической напряженности, вызванной существованием коммунистической сверхдержавы, мы должны напомнить, что коммунизм был импортирован в Россию в прошлом веке с Запада, и с Запада в критические для России годы Первой мировой войны был импортировано в нее руководство коммунистической партии большевиков во главе с Лениным, в результате чего было уничтожено Российское государство, и на его был создан Союз Советских Социалистических Республик, в котором, путем обмана и насилия, началось построение первого в мире коммунистического общества, стоившее народу неисчислимых страданий и свыше шестидесяти миллионов человеческих жизней.

Однако, на протяжении нескольких десятилетий западный мир не только игнорировал проводившийся у него на глазах чудовищный коммунистический эксперимент, но и всячески поддерживал советскую власть вплоть до отдачи ей после Второй мировой войны стран восточной Европы и насильственной выдачи около 3-х миллионов советских граждан и бывших военнопленных, не желавших возвращаться в Советский Союз.

«Посеявший ветер пожнет бурю», и теперь не только западный мир, но и все человечество пожинает плоды преступной политической игры, приведшей мир к катастрофическому положению, из которого современные политические деятели не могут найти выхода.

Поэтому, в связи с семидесятилетней годовщиной роковых событий 7 ноября 1917 года и переживаемыми всеми в настоящее время их последствиями, мы, участники Седьмого Всеамериканского съезда Конгресса русских американцев, объявляем 1987 год ГОДОМ СКОРБИ И НЕПРИМИРИМОСТИ.

СКОРБИ по всем жертвам коммунизма и о всех тех, кто, поверив коммунистическому обману, пошел за «призраком коммунизма», и о всех тех, кто в своем ослеплении загубил невинные человеческие жизни и собственные души.

НЕПРИМИРИМОСТИ по отношению к воплощению ЗЛА в лице коммунизма и любой тоталитарной системы, попирающей Божеские и человеческие законы, преследующей религию и лишающей людей свободы и элементарных человеческих прав.

Происходящая в настоящее время в Советском Союзе «перестройка» и связанные с ней у некоторых иллюзии и даже надежды не дают нам основания отказываться от нашей непримиримости к коммунизму, а тем более от проявления скорби по его жертвам, так как мы расцениваем производимые нынешним советским руководством реформы всего лишь как тактический маневр для спасения и укрепления власти, ценою ряда вынужденных уступок народным требованиям—уступок подчас даже для нее рискованных, но не меняющих ее тоталитарной сущности.

Переговоры об атомном разоружении, которые следует только приветствовать, если они действительно могут привести к полному уничтожению атомного оружия, не свидетельствуют еще об отказе советского правительства от выполнения им «интернационального долга», под которым подразумевается создание и поддержка во всем мире коммунистических революционных очагов, предназначенных для осуществления мировой коммунистической революции, и не исключают возможности военного столкновения.

Судьбы народов неразрывно связаны между собой, особенно в наш век технического прогресса и расщепленного атома, и все мы несем ответственность за наше общее будущее, которое должно быть построено на взаимопонимании, взаимоуважении и доверии. Гарантией доверия может быть только повсеместное соблюдение Божеских и человеческих законов, защищающих незыблемые права человеческой личности.

Исходя из вышеизложенного, мы повторяем нашу прошлогоднюю просьбу к законодательным органам и правительству Соединенных Штатов Америки о проведении государственного закона, объявляющего 7 ноября официальным ДНЕМ ТРАУРА по всем жертвам интернационального коммунизма с обязательным спуском в этот день по всей стране государственных флагов на полмачты.

Одновременно мы напоминаем о предложенной в 1985 году конгрессменом Робертом К. Дорнаном резолюции No 309 и внесенной в том же году сенатором Джеймсом А. Макклюром поправке к законопроекту о бюджете Государственного Департамента за No 883 и просим прекратить практику поздравлений с 7 ноября правительства Советского Союза, а тем более его населения, с «днем революции», так как этими поздравлениями правительство Соединенных Штатов санкционирует от имени американского народа все соверешенные и совершаемые советской властью внутригосударственные и международные преступления. Подобные поздравления являются оскорблением памяти сотни миллионов жертв коммунизма и неуважением к американским гражданам, оплакивающим гибель своих близких в коммунистических странах.

В прошлогодней декларации Дня Скорби и Непримиримости мы писали, что перед свободным демократическим миром встанет принципиальный вопрос морального порядка о том, какую позицию он займет по отношению к юбилейным торжествам коммунистической партии Советского Союза? На чьей стороне он будет 7 ноября 1987 года? На стороне угнетенных или угнетателей? На стороне законности или беззакония? И что ответы на эти вопросы со стороны мировой общественности определят дальнейшую судьбу человечества.

Поэтому мы обращаемся к Сенату и Палате Представителей с просьбой провести закон о ДНЕ СКОРБИ по всем убитым и замученным жертвам коммунизма и постановить отмечать этот день ежегодно 7 ноября.

Мы просим Президента и Государственного Секретаря прекратить поздравления населения Советского Союза с «Днем революции» и

просим всех губернаторов, мэров городов и штатные и местные легислатуры повсеместно объявить 7 ноября ДНЕМ ТРАУРА по всем погибшим жертвам интернационального коммунизма, число которых в настоящее время достигло во всем мире 100 миллионов человек.

Конгресс русских американцев

В. Д. Матасов
П.-пор. Конной Арт.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

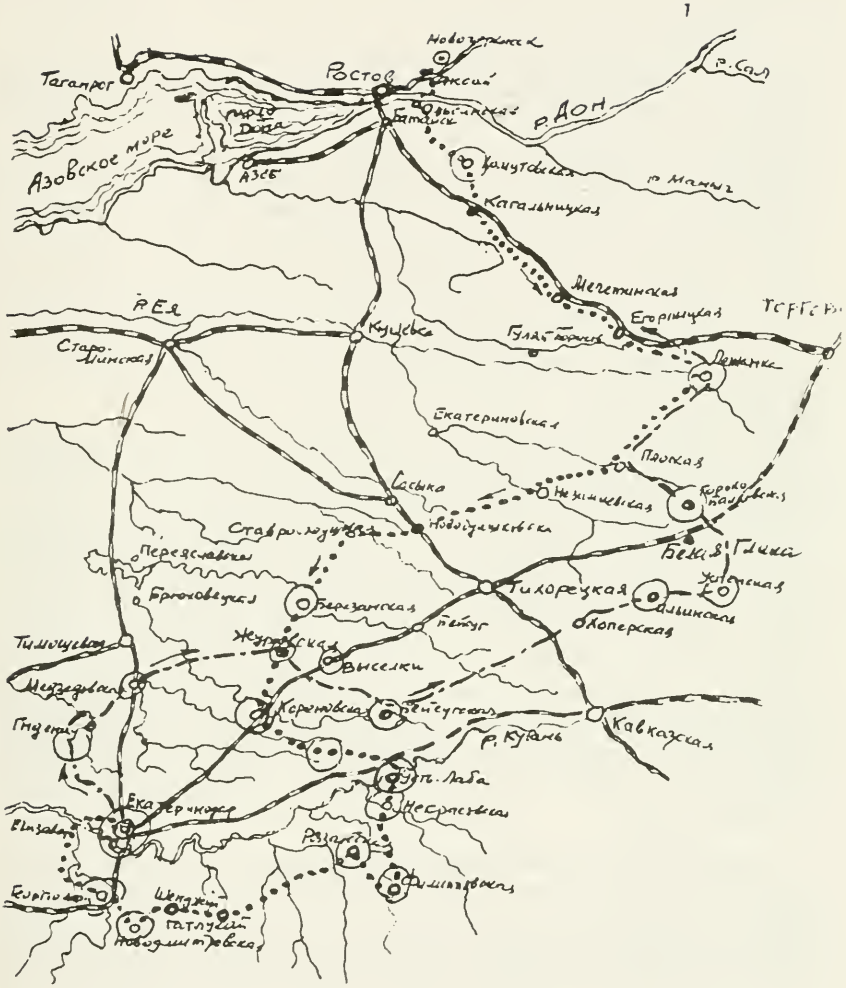
(*Продолжение. См.* No 39 и No 40)

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

В то время, когда Донской степной отряд готовился покинуть Новочеркасск и направиться в район восточных донских зимовников, ген. Корнилов отдал приказ о переходе Добровольческой Армии за Дон в станицу Ольгинскую. Здесь армия, насчитывавшая всего 4500 бойцов и 8 орудий, была реорганизована. Ростов был оставлен 9 февраля 1918 года. Численность и боевые средства Армии были невелики. Мощь Армии восполнялась другими данными: доблестью воинов, мудростью и опытом вождей, безграничной любовью к Родине и верой в правоту своего дела. Полная неопределенность и неизвестность окружающей обстановки довершали тяжелые условия похода, подобного каковому военная история не знает. Шли плохо одетые, не имея ни базы, ни снабжения, ни средств и почти без патронов и снарядов, которые нужно было добывать с боем у красных. Армия шла, окруженная со всех сторон противником. Почти каждый день бои в авангарде, на флангах или в арьергарде. Шли по проселочным дорогам черноземного Юга в самое трудное время года, то утопая в грязи, то замерзая от холода. Настроение и дух добровольцев просто и ясно выражен в словах ген. Алексеева: «Мы уходим в степи. Можем вернуться только если будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

«Армия уходила,—как вспоминает генерал Деникин.—от духовного рабства в безвестные скитания. Малая числом, оборванная, затравленная, окруженная со всех сторон,—шла, как символ гонимой России и русской государственности. На всем необъятном просторе страны оставалось одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг,—и этот флаг звал к борьбе тех, кто еще не проснулся—в этом был глубокий смысл первого Кубанского похода».

В станице Ольгинской Добровольческая Армия простояла несколько дней, приводя себя в порядок. Поход начался



КАРТА I-ГО КУБАНСКОГО ПОХОДА

— — — — Поход до Екатеринодара

— · — · — Поход после смерти ген. Корнилова

○ Место боев

движением на Кубань, в надежде поднять кубанских казаков, укомплектовать и снадбить армию в том краю, который всегда считался житницей.

Первый бой на походе был дан у ст. Хомутовской, где красная конница, пытавшаяся атаковать, была легко отогнана. Еголыцкая станица, на коей кончалась Донская область, встретила Добровольческую Армию сердечно и приветливо. Серьезный бой разыгрался 21 февраля, при переходе Армии в Ставропольскую губернию, у села Лежанка, где большевики сосредоточили крупные силы с артиллерией. Фронтальной атакой офицерского полка и во фланг—Корниловского—большевики были смяты и, оставив на месте около 500 трупов, бежали. Этот бой в первые дни Похода был как бы смотром доблести Армии и успех укрепил веру в ее силу. 23 февраля Добровольческая Армия вошла в пределы Кубанской области, у ст. Новокорсунской (Плоская).

В те дни Кубанский край был основательно взбаламучен. Главные железнодорожные магистрали были во власти местных большевистских банд, которые не подчинялись никаким центрам и творили повсюду разбой и насилия. Восточные станицы Кубани еще не испытали большевисткого нашествия, почему настроение было выжидательное. Если некоторые станицы (Брюховецкая, Назамаевская) не только радушно принимали, но и давали небольшое пополнение казакам добровольцам, то в других, где перевес был на стороне иногородних, добровольцы наталкивались на выступления против них (ст. Березанская). Добровольцам приходилось отбиваться от казаков-фронтовиков, которые в содружестве с местными большевиками из иногородних провожали Армию боем.

2 марта Добровольческая Армия подошла к Выселкам. Выбив красных из села и оставив там конный дивизион слабого состава, Армия расположилась в ст. Журавской на ночлег. Но большие силы красных вытеснили дивизион из Выселок, и генералу Богаевскому было приказано выбить ночной атакой противника из этого селения. Но в ту ночь был сильнейший холод; в маленькой станице не хватило крыш, и партизаны, голодные и усталые, оставались под открытым небом весь вечер и всю ночь, и поэтому ген. Богаевский отложил атаку до утра.

С рассветом цепи донских партизан, под артиллерийским огнем красных, развернувшись, повели наступление на Выселки. Противник за ночь окопался и встретил атакующих сильным ружейным и пулеметным огнем; партизаны бегом бросились в

атаку. Падают убитые и раненые, редеют цепи. Из каменного здания мельницы в тыл и во фланг партизанам был открыт сильнейший пулеметный огонь. Партизаны, понеся большие потери, залегли, но взвод полк. Краснянского, удачно пользуясь складками местности, продолжает наступать. Ген. Корнилов, видя серьезность положения, двигает в обход корниловцев и, прямо на село, марковцев. С грозным «ура» добровольцы и донские партизаны, охватившие левый фланг противника, неудержимо бросаются вперед; красные бегут. Их конная атака на левый фланг партизан отбита пулеметным огнем, приведены к молчанию 3 пулемета, прислуга коих перебита.

Начальник отряда полк. Краснянский руководил боем стоя в цепи, во весь рост, и на все уговоры подчиненных себя поберечь ответил отказом и погиб смертью храбрых.

Дорого обошлась партизанам атака. Погибли доблестные начальники: полк. Краснянский, есаул Власов, ранен есаул Лазарев. Громадные потери понесли рядовые партизаны: ростовская и новочеркасская молодежь—кадеты, гимназисты. Корнилов был печален: велики потери. Подъехавшему с донесением от генерала Богаевского подъесаулу Рыковскому Корнилов сказал: «Много доблести проявлено партизанами сего дня, но много потерь... Какие же они, никак не угомонятся, каждый спешит обогнать другого».

В Выселках узнали, что здесь был бой красных с кубанскими добровольцами полковника Покровского, шедшими навстречу генералу Корнилову. Но отряд Покровского потерпел неудачу и вынужден был отойти к Екатеринодару, а затем и оставить 1 марта город, сжатого со всех сторон красными.

Добровольческая Армия продолжала свое движение на юг, не имея никаких сведений о движении кубанцев, и подошла к станице Кореновской. В этой станице сосредоточилось до 10 тысяч большевиков с бронепоездами и сильной артиллерией. Красными командовал кубанский казак фельдшер Сорокин.

4 марта добровольцы атаковали Кореновскую. Начали атаку юнкера и кадеты Юнкерского батальона ген. Боровского. Главная атака по направлению на станицу велась Офицерским и Корниловским полками. Красные держались стойко и развивали бешеный артиллерийский и ружейный огонь.

Корниловцы залегли, дрогнули и стали медленно отходить; ген. Богаевский посылает ординарца подъесаула Рыковского за приказаниями к генералу Корнилову. Перед ним весь бой, как на

ладони. Простым глазом видны батареи и засевшие густые массы противника. Вдоль железной дороги движутся то назад, то вперед бронепоезда. Неподалеку от цепей наступающего вдоль железной дороги Офицерского полка небольшой холм, за коим группа лошадей и трехцветный флаг.

На холме одинокая фигурка командующего армией. Рыковский подъезжает к нему. Не отрываясь от бинокля, генерал Корнилов говорит: «Передайте генералу Богаевскому, что ему нужно двигаться... впрочем, попросите генерала ко мне». Подъезжает медленным, но размашистым галопом генерал Богаевский. Видно, как генерал Корнилов, отдавая приказание, показывает рукой вправо.

Быстро вперед и вправо выдвигаются партизаны, и как раз пора: густые цепи красных начали обходить наш фланг. Партизаны пошли в штыки; батарея полковника Третьякова движется в цепях. Снялась и прямой наводкой бьет по юго-западной окраине станицы. Молодежь Юнкерского батальона вместе с партизанами неудержимо бросается вперед, и через полчаса станица взята. Противник бежит в беспорядке на Плантировскую станицу.

Добровольческая Армия значительно пополнила в Кореновской свои хозяйственные и боевые припасы: прибыло также около трех сотен казаков из станицы Брюховецкой. Успех достался дорогой ценой—около 400 человек убитыми и ранеными выбыло из строя.

В станице Кореновской уже выяснилось, что кубанские добровольцы и Кубанская войсковая власть (войсковой атаман и Рада) оставили Екатеринодар и направились за реку Кубань в горы.

Это была печальная весть для Добровольческой Армии и тяжелый удар, так как столица Края была магнитом для добровольцев и, являясь важным экономическим и военным центром, расценивалась как конечный этап Похода. При создавшихся условиях и всего в расстоянии двух переходов от Екатеринодара рушились все надежды на приращение боевой силы и средств борьбы; предстоял неравный бой за овладение городом, хозяева которого его покинули. В столь тревожной и безотрадной обстановке командование решало вопрос о дальнейшем направлении Армии. Генерал Корнилов решил идти за Лабу и Кубань, в черкесские аулы, где рассчитывал дать Армии отдых. В ночь на 6 марта Армия двинулась на Усть-Лабинскую переправу; движение Армии совершалось под напором противника. С Армией шел и обоз с ранеными (500 чел.). Почти каждый день длинный

утомительный поход; в тряской телеге, в невылазной грязи, по кочкам, рытвинам, иногда рысью. Три четверти дня под открытым небом в поле, под проливным дождем или в жестокую стужу, от коей не спасала износившаяся шинель. Ночлег в только что взятой с боя станице, которая не могла дать в краткий срок ни достаточно крыш, ни продовольствия. Почти не было ни инструментов, ни медикаментов, ни перевязочных средств... Раненые испытывали невероятные страдания, умирали от заражения крови даже легко раненые. Работа сестер милосердия совершалась в невероятных для лазарета условиях. Их было не так много, и тем более велика была их работа. Днем и ночью по невылазной грязи, они редко садились на подводу. Шли зачастую под артиллерийским и пулеметным огнем противника, вечером устраивали и укладывали своих раненых в только что отнятых у красных станице. Ночью, когда все спят, сестры сидят у раненых, ухаживают, дают им воду, кормят. Утром же будят, поят чаем, укладывают на подводы, ничем не показывая, что они почти 24 часа на ногах. (Так, преклоняясь перед подвигом сестер, рассказывал Б. Суворин).

Вопрос о раненых усугублял тревогу вождей, ибо ген. Корнилов требовал бережного отношения к ним. «Армия должна до последнего человека умереть, защищая каждого из своих раненых, иначе она не армия. Всякого от кого услышу предложения бросить раненых, я прикажу, не считаясь с чинами, положением и заслугами,—немедленно повесить». Этот приказ вождя строго выполнялся всеми при его жизни, являясь составной частью цемента Армии.

При движении на Усть-Лабинскую переправу в арьергарде шли партизаны. С рассветом красные начали наседать на арьергард. Партизаны рассыпались в цепь и задержались до отхода всей длинной колонны обоза, огнем пулемета не подпуская противника. Начинается медленный отход партизан, цепи красных увеличиваются все больше и больше. Одновременно и в авангарде завязывается бой, ибо Усть-Лабинская занята красными. Снаряды красных, ведущих бой с авангардом, рвутся частью над арьергардом. Слева замаячила красная конница, то появляясь, то исчезая в тумане. Бьются на три фронта добровольцы, в центре же громадный обоз с ранеными и со всем снабжением армии. В арьергарде патроны на исходе. Нажим красных сорокинцев усиливается, и генерал Богаевский в первый раз посылает к Корнилову за помощью. Корнилов ускоряет наступление авангарда; в арьергард подвозят патроны, снова затрещал пулемет партизан.

Наконец, лихим ударом авангард врывается в Усть-Лабинскую; дорога свободна. Однако, получено донесение, что к Кавказской станции подошел и выгрузился большой эшелон красных, и скоро со стороны Кавказской начинают рваться по Усть-Лабинской тяжелые 6-дюймовые снаряды. Батальон корниловцев вместе с Офицерским полком бросается в новую сторону, и большевики бегут. Добровольческая армия не останавливаясь движется на ночлег в ст. Некрасовскую. За сутки, с боем на три стороны и совершив переправу через Кубань, прошли 46 верст.

Тяжелые бои вела Армия и в следующие дни, перейдя с боем на левый берег Лабы. Прокладывая путь на юг, Армия, сверх ожидания, попала в сплошной большевистский район. Каждую пядь земли приходилось добывать только с боя, двигаясь по местности, озаренной пожарищами. Задерживаться в хуторах и селах не было смысла, так как не хватало людей на охрану квартирного расположения. Путь движения преграждался селом Филипповским, военным центром всего закубанского района большевиков. Доблестью Корниловского полка путь был расчищен 10 марта, и Армия двинулась далее, изменив направление к западу. При выходе головных частей из с. Филипповского начался бой с раннего утра. Целый день Армия вела бой, находясь в долине реки Белой, и вынуждена была сосредоточить там же и все обозы, так как с севера теснил противник, и селение обстреливалось. Личное мужество генерала Корнилова, самообладание боевых начальников, храбрость и доблесть добровольцев исключили надвигавшуюся катастрофу. Путь был открыт, и очередная на пути движения станица Рязанская выразила покорность.

11 марта разъезд полк. Барцевича вошел в связь с кубанскими добровольцами; представлялась уже реальная воможность соединения белых сил, оказавшихся за Кубанью. 14 марта в ауле Шенджий, где сосредоточилась добровольческая Армия, состоялось свидание вождей Армии с полк. Покровским. Было решено после соединения двигаться на Екатеринодар.

15 марта, т.е. до фактического еще соединения, Добровольческой Армии пришлось вынести тяжелый бой в последний день своего боевого одиночества. Всю ночь накануне лил дождь, продолжавшийся и утром 15 марта. Армия шла по сплошным пространствам воды в жидкой грязи. Люди вымокли до костей. К полудню повалил снег и задул холодный, пронизывающий ветер. Одежда обледенела, захватывало дыхание. Впереди слышалась перестрелка. Не доходя 2-х верст до станицы Ново-Дмитриевской,

движение уперлось в реку, где мост оказался снесенным. Переправлялись вброд под артиллерийским огнем противника, через ледяную воду, покрытую у берегов тонким слоем льда. Переправа затянулась до ночи. В голове переправился Марковский офицерский полк, подошедший уже в темноте к станице. «В такую ночь все равно замерзнем в поле»,—сказал ген. Марков и кинулся с полком в станицу.

Полузамерзшие офицеры, падая, проваливаясь в снегу и месиве грязи, держа в окаменевших руках винтовки, бросились вперед и в темноте завязали рукопашный бой с выбегавшими из домов красными. Станица была взята. Утром большевики пытались отобрать ее обратно, но были отброшены. Переход в Ново-Дмитриевскую был окрещен «Ледяным», откуда и пошло название 1-го Кубанского Похода.

Через несколько дней подошли кубанские добровольцы, и Армия была переформирована, получив, наконец, недостающую ей конницу, и увеличила свой состав до 6 тысяч бойцов.

В отличие от Дона, обстановка на Кубани была сложней из-за отсутствия единомыслия между слоями населения. Иногородние враждовали с казаками на почве земельного вопроса, а в самой казачьей среде шли несогласия из-за сепаратистских тенденций части казачества. Кубань, являясь тылом турецкого фронта, наводнялась солдатской массой, вкусившей большевистскую заразу, не только с юга, но и со стороны Новороссийска, где скоплялись эшелоны, перевозившиеся морем из Трапезунда. Под влиянием текущих событий, атаман и кубанское правительство уже к началу декабря (1917) определенно стали на позицию непризнания Советов. Для противодействия надвигавшейся опасности было приступлено к формированию добровольческих отрядов под командой войскового старшины Галаева, капитана Покровского и полк. Лисвицкого. Революционный совет, организовавшийся в Новороссийске, двинул войска на Екатеринодар 20 января 1918 г. Сборный казачий отряд, силой 700 бойцов, под командой кап. Покровского, разбил и рассеял большевиков, несмотря на их численное превосходство. Большевистский командир Серадзе, разгневанный неудачей, решил раздавить непокорных кубанцев и потребовал пополнений войсками и припасами.

Большие силы большевиков сосредоточились у ст. Георгие-Афинской; назревала серьезная операция для кубанских добровольцев, которыми снова командовал капитан Покровский. Он

начал движение в полночь с 26 на 27 января вдоль железнодорожного полотна и внезапным ночным налетом решил исход боя. Большевики понесли огромные потери, потеряв своих командиров (Серадзе и Яковлева), 14 орудий, 60 пулеметов, огромное количество винтовок и боевого снаряжения. Они были отброшены к Новороссийску, но на кубанское казачество надвигалась беда с направления противоположного, где не имелось никаких заслонов, но столпились большие эшелоны с Кавказского фронта. Поэтому было принято решение выдвинуть в направление к узловой станции Тихорецкой отряд Покровского (уже в чине полковника), а в направлении к другой узловой станции Кавказской (куда стекались казаки восставших станиц),—отряд полковника Лисвицкого. Пронесся слух, что с Дону направляется на Кубань ген. Корнилов с Добровольческой Армией и ждали его с нетерпением.

Однако большевики с большими силами войск с Кавказского фронта (39-ая пехотная дивизия) повели наступление на кубанских добровольцев. Ими была занята станица Кавказская, где они учинили кровавую расправу с офицерами и казачьими старшинами, а у Выселок задержали и остановили отряд полк. Покровского. Оба отряда отошли к Екатеринодару, который постепенно стал окружаться противником со всех сторон. Возникла неизбежность его оставления, так как терялась надежда на скорый подход ген. Корнилова.

Закончив переформирование добровольческих сил в один отряд под командой полк. Покровского, кубанцы в ночь на 1 марта оставляют Екатеринодар. Отряд двинулся в общем направлении на Майкоп и 4 марта достиг ст. Пензенской, преследуемый красными со стороны Екатеринодара.

Движение на Майкоп было также прегражденo, и на совещании было решено двигаться на соединение с Армией ген. Корнилова. Отряд двинулся на север к аулу Шенджий 7 марта и в тот же день захватил переправу через Кубань у ст. Пашковской. Здесь отряд Покровского ведет бой с красными, движение преграждается, и снова теряется надежда на соединение с ген. Корниловым. Военный Совет возвращается к первоначальному плану-движению на Майкоп. Отряд двинулся в направлении к аулам Гатлукай и Вегепший, и на переправе у аула Вегепший, 10 марта, бой затянулся до ночи. Полк. Покровский снова теряет веру в правильность действий.

Он докладывает Военному Совету обстановку, и в четвертый раз на протяжении десяти дней изменяется план действий. Решено

направиться к черноморскому побережью, т.е. в обратном направлении от Майкопа; отряд круто поворачивает на запад и двигается к ст. Калужской.

Неудача поисков Добровольческой Армии породили утомление, расстройство и недовольство руководством и дали достаточный срок большевикам разобраться в обстановке и принять меры противодействия. Движение на ст. Калужскую они уже преградили и перешли в наступление. Кубанцы встретили сильного противника и влили в боевую цепь всех поголовно людей и даже неспособных к бою и остались победителями. Но сами были так изнемождены физически, что не могли довершить победу и преследовать большевиков. В самый решительный момент этого боя, ура на фронте слилось с ура в тылу. Там приветствовали долгожданный разъезд, прибывший из Добровольческой Армии; соединение Белых боевых сил было не за горами.

12 марта кубанцы заняли ст. Калужскую, 14 марта состоялось свидание вождей, а 17 марта фактическое соединение Добровольческой Армии с Кубанским правительственным отрядом. Кубань была вовлечена в общую Белую борьбу на юге России.

Численность Добровольческой Армии после соединения с Кубанцами:

1-ая Бригада ..... командир: ген. Марков
Офицерский полк ..... командир: ген. Боровский
1-ый Кубанский стр. полк ..... командир: ген. Тунеберг
1-ая инженерная рота
1-ая и 4-ая батареи

2-ая Бригада ..... командир: ген. Богаевский
Корниловский Ударный полк . командир: полк. Неженцев
Партизанский полк ..... командир: ген. Казанович
Пластунский батальон ..... командир: полк. Улагай
2-ая инженерная рота
2-ая, 3-я и 5-ая батареи

Конная бригада ..... командир: ген. Эрдели
Кубанский дивизион
Черкесский полк
Конная батарея

Общая численность ..... 6000 бойцов и 14 орудий.

Теперь предстояла на очереди операция за обладание

Екатеринодаром.

Было решено: 1) разбить отряды противника, действовавшие южнее Екатеринодара, для того, чтобы обеспечить возможность переправы и увеличить запас боевых припасов за счет большевистских складов, 2) внезапным ударом захватить паромную переправу у Елизаветинской и 3) переправиться через Кубань и взять Екатеринодар.

К 24 марта бригада ген. Богаевского захватила Григорьевскую и Смоленскую. В этот день ген. Марков после упорного боя занял Георге-Афинскую станицу, где был центр закубанских красных отрядов. Конница ген. Эрдели была брошена к Елизаветинской для захвата переправы. Форсированным 90-верстным переходом конница ген. Эрдели подошла к ст. Елизаветинской и захватила переправу. За конницей подошла бригада ген. Богаевского.

Точно установить численность красных, занимавших Екатеринодар, трудно. Впоследствии, в «Екатеринодарских Известиях» было указано, что оборона города обошлась большевикам в 15 000, из коих 10 тысяч раненых. Цифра эта, вероятно, преувеличена, но ранеными красными были забиты все лазареты, а санитарные поезда непрерывно шли на Тихорецкую. Повидимому, численность красных была между 25 и 40 тысячами, при 3 броневых поездах и двух десятках орудий, имевших громадный запас снарядов. Забаррикадировав все улицы, красные оказывали упорное сопротивление.

В это время конница ген. Эрдели совершила 100-верстный рейд в тыл противника. Ей было приказано: зайти в охват города с севера и северо-востока, взорвать железнодорожные пути, преградить большевикам пути по железным дорогам и поднять казаков станицы Пашковской.

За время этих двухдневных ожесточенных боев была закончена переправа 1-ой Бригады, были взяты с боя кирпичные и кожевенные заводы в непосредственной близости к южной околице города. Встретив самое упорное сопротивление, боевые линии добровольцев остановились и не могли продвинуться вперед— отсутствие снарядов не позволяло подготовить атаку огнем артиллерии.

29 марта бой не прерывался целый день. Части 1-ой Бригады завладевают артиллерийскими казармами. Красные проявляют небывалое упорство и вводят в бой все новые и новые силы. К

вечеру наступление Партизанского полка на западную окраину города привело к успеху; большевики бежали и добровольцы, преследуя их, оказались в районе города и, не встречая сопротивления, достигли Сенной площади. Дальше партизаны не пошли, ожидая подхода частей 1-ой Бригады. чтобы передать ей захваченный район и только тогда продолжать наступление на городское кладбище. В глубокой тьме добровольцы ждали и не дождались подкреплений; разведка установила наличие красных цепей у них в тылу, и отход назад был проведен подделываясь под «своих». К рассвету, ген. Казанович привел свой отряд в 250 добровольцев на свои позиции. В эту ночь с 29 на 30 марта погиб во главе корниловцев полк. Неженцев, ряд других выдающихся военачальников, расстроился план движения и преемственность боевого командования ночью, в глубокой тьме. Эти роковые случайности оставили ген. Казановича в одиночестве, и развитие успеха не могло осуществиться.

День 30 марта прошел в перестрелке. Несмотря на понесенные громадные потери, особенно в командном составе, и несмотря на выяснившееся численное и техническое превосходство противника, ген. Корнилов не отказывался от конечного штурма города, но приняв во внимание крайнюю утомленность войск, перенес атаку на 1 апреля.

31 марта, с утра, противник открыл сильный артиллерийский огонь. Обстреливалась и ферма, где был расположен штаб ген. Корнилова. В 8 час. утра неприятельская граната, пробив стену, взорвалась под столом, у которого сидел Корнилов. Когда ген. Казанович и адьютант Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал вождь. Кровь сочилась из небольшой ранки на виске.

Неумолимый, беспощадный рок сразил вождя и душу Армии в часы наибольшего ее напряжения... Вначале смерть Главнокомандующего хотели скрыть от Армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась, как бы по внушению. Казалось, что самый воздух, напоен чем-то жутким и тревожным, и что на передовых линиях уже знают, почувствовали, что свершилось роковое. Скоро узнали все; впечатление потрясающее. Люди плакали, говорили между собою шепотом... В Корнилове, как в фокусе, сосредоточилось все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца, даже самых храбрых, начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Так чувствовал и передавал настроение ген. Деникин, который и вступил в командование Армией.

В это время положение Армии ухудшилось в тактическом отношении: на фронте генерала Эрдели началось движение большой колонны красных в обхват левого фланга добровольцев. Ген. Эрдели бросил свою конницу в атаку. Непревзойденные конники, рассыпавшись в лаву, с лесом поднятых шашек понеслись в атаку. Остановилась колонна красных, из пулеметов и винтовок открыла беспорядочный огонь, но не остановила добровольцев. Несколько секунд, и толпы красных начали искать спасение в бегстве. К несчастью, правый фланг атакующей конницы попадает во впереди лежащее болото размякшего чернозема, и лошади и всадники на несколько мгновений загрузают в нем. Видя это, уходившие большевики почти в упор открывают пулеметный и винтовочный огонь. Падают гвардейцы, донские казаки: есаул Рыковский, подъесаул Плеве, полк. Рашпиль, все вместе со своими лошадьми.

Несмотря на большое превосходство в силах, обходная колонна красных была разбита и в беспорядке отступила, но потери конницы ген. Эрдели были так велики, что она должна была оставить Сады и отойти к главным силам. Гвардейская сотня потеряла ¾ своих лошадей и ¼ состава своих людей. Незаменимую потерю казаки-гвардейцы понесли в лице есаула Рыковского, о котором «Донская Волна» вспомнила такими словами: «Их было много в Корниловской Армии—этих безумно-храбрых, сильных волей, громадного боевого таланта людей. Ими была жива Армия, их страшной отвагой творила она свои сказочные подвиги и благородными сердцами их она окружила себя ореолом величия и чистоты. Много их было, славных сподвижников Корнилова. Есаул Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка Яков Федорович Рыковский в Белой Армии командовал взводом спешенных казаков в отряде полк. Краснянского и только впоследствии, за несколько дней перед смертью, получил Гвардейский конный взвод. Но знали его все по поразительным делам его взвода. Это был не только лично герой, своим примером увлекавший других на ратном поле, это был герой-вождь, герой начальник, который всех своих бойцов делал героями силой своего необыкновенного авторитета и обаянием своей исключительной личности. В бою, под сильным орудийным огнем, идя вперед навстречу рою пуль, он совершенно спокойно и внимательно вглядывался в расположение противника и с поразительной точностью руководил действиями своего пулемета и взвода. В полный богатырский рост, размеренным шагом он шел в атаку, за укрытия во время атаки не позволял заходить ни себе, ни

другим,—и все же потерь в его взводе почти что не было. Он горел в бою и жил в нем».

Не меньшей потерей для гвардейцев-казаков была и смерть убитого рядом с Рыковским подъесаула Плеве, сына одного из лучших боевых генералов Российской Армии. Он провел всю великую войну в рядах Лейб-Казачьего полка и был выдающимся офицером, ровным и спокойным в боевой обстановке, обладавший необыкновенной способностью в ориентировке.

Погибли известные военачальники, и их смерть оплакивали русские патриоты; погибли десятки и сотни безвестных добровольцев. Они оставили свои школы на заре своей юности по призыву Отечества на борьбу против зла и произвола и на защиту чести родной земли.

Отдали свою жизнь в боях за Екатеринодар два моих товарища-одноклассника, ученики 6-го класса Ростовской-на-Дону гимназии, Калинин и Новицкий. Им было по 16-17 лет; скромные и тихие, неразлучные друзья, они ушли 9 февраля, будучи в ночном наряде, когда большинство из нас спало по домам. Новицкий был очень похож на Пушкина, отрастив себе маленькие баки, и мы, в шутку, звали его Александром Сергеевичем. Нельзя не вспомнить их, первых жертв далекой, бурной юности и чистый порыв их светлых душ.

Гибли молодые жизни, истинные сыны России, а народ российский не знал, кого он теряет. И узнает ли?

Смерть генерала Корнилова нанесла последний удар утомленной нравственно и физически пятидневными боями Армии, повергнув ее в отчаяние. Поэтому, ставя главной целью спасение Армии, ген. Деникин решил, с наступлением темноты, снять осаду Екатеринодара и быстрым маршем, с большими переходами, вывести Армию из-под удара Екатеринодарской группы большевиков. Ночью 31 марта Армия выступила в направлении на колонию Гначбау. Конница ген. Эрдели прикрывала отход.

Под вечер Армия, выдерживая нажим большевиков со стороны Екатеринодара, двумя колоннами подошла к станице Медведковской. В авангарде шла бригада ген. Маркова, а конница ген. Эрдели была направлена севернее Медведковской для порчи пути и отвлечения внимания противника. Шли в полной ночной тишине; вдруг раздалось несколько выстрелов, а через несколько минут со стороны станции показалась движущаяся громада бронированного поезда, медленно, с потушенными огнями

надвигавшегося на добровольцев... Поезд подошел вплотную. Генерал Марков бросился к паровозу и бросил ручную гранату в машину, за ним кинулись марковцы... Полк. Миончинский, под градом большевистских пуль, подвел в упор орудие и огнем сбил паровоз... Несмотря на отчаянное сопротивление, бронепоезд был захвачен, а в нем артиллерийские снаряды и ружейные патроны,— все, в чем нуждалась так Армия. Офицерский полк ворвался в станицу.

Эта победа, первая под начальством ген. Деникина, подняла дух Армии. После привала в Медведковской, Армия без всякого давления противника двинулась в мирную, дружественную станицу Дядьковскую, а оттуда в пределы Ставропольской губернии.

Во время остановки в Ильинской пришли хорошие вести с двух сторон: Лабинский и Баталпашинский отделы прислали гонцов просить добровольцев к себе, чтобы поднять восстание и захватить Армавир. С Дону пришли известия о поголовном восстании донцов и о захвате Донской столицы—Новочеркасска. Армия воспрянула духом. В станицу Егорлыцкую был послан с разъездом полк. Барцевич, который, сделав пробег в 200 верст, вернулся с сотней донских казаков и привез радостные известия: Дон восстал, задонские станицы ополчились поголовно и ведут отчаянную борьбу с большевиками.

Оставив отряд ген. Покровского для поднятия восстания на Кубани, Добровольческая Армия двинулась на Дон. 19 апреля (1918) Конный полк полковника Глазенапа был двинут прямо в Егорлыкскую станицу, а Армия двинулась на Лежанку.

21 апреля, в Великую субботу, конница вступила в Егорлыкскую, где была встречена казаками с хоругвями и иконами. Встретив здесь под звон пасхальных колоколов Светлый праздник, конница Глазенапа наутро двинулась в восставшую против большевиков Мечетинскую станицу. Большевики держались под самой станицей, обстреливая ее из орудий. Полк полк. Глазенапа развернулся, конная батарея открыла огонь, и красные бежали. На следующий день таким же порядком была очищена и Кагальницкая станица.

Добровольческая Армия, совершив свой легендарный поход, прошла всю Кубань, но освободить ее от красных не смогла, лишь присоединив к себе верных России кубанских казаков. Армия вернулась, утратив Корнилова, ряд выдающихся начальников, пережив ряд критических положений, когда только высокий героизм состава—от рядового до начальника—спасал от полной и

конечной гибели. Тяжелый и славный путь Добровольческой Армии, омытый кровью, не остался бесплодным—борьба продолжалась и ширилась.

К празднику св. Пасхи Добровольческая Армия сосредоточилась в южных станицах Донской области—Мечетинской и Егорлыцкой, имея в тылу восставший Дон. Одновременно, после почти 2-месячного похода с Румынского фронта, пришел на Дон отряд полк. Дроздовского, оказал помощь донцам освободить от красных Ростов и Новочеркасск и отправился на соединение с Добровольческой Армией в станицу Мечетинскую.

На 1-ый день Пасхи, по главной улице Ростова, все еще занятого красными, проскакал на лихом коне такой же всадник—одинокий офицер-дроздовец, сияя золотом погон, и исчез. Это был лучший подарок к Пасхе; буханье пушек на подступах к Ростову и несказанно дерзкое появление белого офицера возвещали изгнание красных.

Прибытие доблестных дроздовцев в числе 1100 человек (из которых 2/3 были офицеры) было радостным событием и подкреплением Добровольческой Армии.

Уже 3 мая (1918) в освобожденном от красных Новочеркасске собрались казачьи делегаты—«Круг спасения Дона». «Круг» взял на себя всю полноту верховной власти на территории Дона и выбрал атаманом генерала П. Краснова, вручив ему власть управлять войском. К тому времени на освобожденной территории были уже разрозненные, отдельные отряды с общей численностью около 17 тысяч. Была объявлена мобилизация десяти возрастов казаков, мелкие отряды сводились в полки, восстанавливалась регулярная армия донцов.

Новые формации Донской Армии незамедлительно двинулись на север, освобождая станицы от красных и в то же самое время обеспечивая тыл Добровольческой Армии. На Дону создалось к этому времени сложное положение в связи с появлением на Украине и в пределах Дона частей германской армии, о чем повествование впереди.

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

С обеспеченным тылом Добровольческая Армия приступила ко второй фазе своей борьбы и, для пополнения своего вооружения, предприняла в конце апреля рейд в направлении на Сосыки,

где и захватила большую военную добычу.

На Кубани в это время были сосредоточены большие силы красных, состоявшие из войск быв. Кавказского фронта, а также вытесненные с Дона. Это были опытные фронтовики, одурманенные большевизмом сознательно или безсознательно и слепо шедшие за своими комиссарами. Численность этой, так наз. Северо-Кавказской армии под командой Сорокина исчислялась прибл. в 100 тысяч бойцов.

Численность Добровольческой Армии, сосредоточенной в южных станицах Донской области, не доходила до 10 тысяч штыков и сабель и 20 орудий. Эти силы были сведены в пять полков пехоты и 8 конных полков, из которых 7 полков были кубанцы. В самом начале 2-го Кубанского похода в июне месяце левый фланг Добровольческой Армии прикрывался большим отрядом донских казаков под командой полк. Быкадорова. Этот отряд донцов был силою в три тысячи при 8 орудиях и действовал в долине реки Маныч.

12 июня (1918) Добровольческие части начали свой 2-ой поход на Кубань движением в направлении станции Торговой, которая и была занята добровольцами после длительного, целый день, боя. В этот день был убит легендарный, мужественный воин, генерал Марков,—шпага генерала Корнилова.

Был убит человек, в котором сочетались качества выдающегося офицера Генерального штаба и качества храбрейшего строевого офицера. Одаренный исключительными военными дарованиями, 39-летний офицер был уже генерал-лейтенантом, имел стаж профессора Николаевской военной академии и признание своих боевых качеств в виде ордена св. Георгия и Георгиевского оружия. Генерал Сергей Марков являлся прообразом и символом русского офицера мученика долга и чести. Безвременно ушел из жизни от разрыва русской гранаты витязь, драгоценный сын Национальной России.

Добровольческая Армия стремилась в первую очередь захватить узловые станции железной дороги и тем прервать всякую связь красных с Царицыным. В последующие дни июня были взяты с боем мосты через реку Маныч офицерской ротой, двинувшейся во весь рост в атаку; заняты станица и станция Великокняжеская, где была захвачена большая военная добыча. Обеспечив тыл, добровольческие части снова повернулись на юг и двинулись в направлении на Белую Глину. С 18 по 23 июня шли упорные бои с приближением к этому огромному селу. В занятом с

боем селе Песчаноковском было обнаружено очень много скрывшихся матросов—«красы и гордости революции»; мужское население села было почти полностью мобилизовано красными.

В ночь на 23 июня, 2-ой батальон Дроздовского полка, под командой полк. Жебрака, атаковал Белую Глину и занял хутор перед селом, где попал под сильнейший огонь и понес очень большие потери. Красные перешли в контратаку и вытеснили батальон из хутора. Подошедшие к рассвету части ген. Боровского и полк. Кутепова стали продвигаться вперед с запада и юга, артиллерия открыла огонь, дроздовцы снова двинулись в атаку и большевики, не выдержав, снова бросились бежать. По занятии села началось вылавливание красных, которые там скрывались массами. Были обнаружены трупы свыше 100 чел. дроздовцев и среди них трупы 43 офицеров и полк. Жебрака. Трупы были изуродованы в результате пыток и издевательств; у многих были отрезаны уши, носы, языки, вывернуты руки и ноги. Часть офицеров было сожжена живьем, будучи ранеными. Полк. Жебрак был также сожжен. Погиб храбрейший воин и благороднейший человек. И над павшими воинами,—кровью и честью на поле брани венчанными,—издевались чудовища в человечьем облике, порождения сатаны и большевизма, достойные выученики российского палача Ленина.

На рассвете 1 июля было приступлено к овладению узловой станцией и станицей Тихорецкой. На марше, без большого боя, была взята станица Терновская и станция Порошино. Перед станцией Тихорецкой разыгрался упорный бой с красными, имевшими несколько бронепоездов, ведших огонь по нашим цепям. Здесь впервые был пущен в атаку Солдатский, впоследствии Самурский, полк, сформированный из военнопленных красных. Первым его командиром был полк. Шаберт. Полк действовал очень хорошо и, при содействии пластунского батальона и корниловцев Тихорецкая была взята. На станции была захвачена большая военная добыча, несколько эшелонов и 2 бронепоезда.

Одновременно, движением на юго-запад, дивизия ген. Боровского заняла 5 июля станцию Кавказскую, большой железнодорожный узел, и отбросила красных за Кубань, а полк. Шкуро с Партизанской дивизией, прорвав фронт красных, быстрым маршем занял 8 июля город Ставрополь, к восторгу настрадавшегося под красными населения.

К 1 августа (1918) части Добровольческой Армии достигли подступов к Екатеринодару. С раннего утра того дня началось

наступление по всему фронту. Под вечер кубанская конница генерала Эрдели широким охватом с северо-запада атаковала дрогнувшие красные части, начавшие отход, и в 9 часов вечера проникла за город. Части 1-ой пехотной дивизии вступили в город 2 августа с северной стороны.

Утром 3 августа генерал Деникин и кубанский атаман Филимонов, верхом на лошадях, в сопровождении штабных офицеров и членов Кубанского правительства, торжественно въехали в город, восторженно приветствуемые народом, и направились в Войсковой Собор. После торжественного благодарственного молебна состоялся парад добровольческих частей и кубанской конницы. Но не было на параде генералов Корнилова, Алексеева и Каледина,—истинных вождей и вдохновителей Белой Борьбы.

Доблестью и кровью давались победы по освобождению Кубани и Северного Кавказа. Весь октябрь месяц велись ожесточенные бои с большими силами красных в районе Ставрополя, которые им удалось захватить. За его обладание были сосредоточены не только пехотные добровольческие части, но и большие силы конницы. В этих боях добровольцы понесли очень большие потери. Был тяжело ранен начальник 3-ей дивизии полк. Дроздовский (ранение завершилось заражением крови, и обожаемый вождь и рыцарь скончался 1 января 1919 г.), был убит командир Корниловского Ударного полка полк. Индейкин, ранен командир Самурского полка полк. Шаберт; в Корниловском конном полку убит командир полка полк. Федоренко. Очень большие потери были в офицерских дроздовских рядах.

Потери в личном составе частей возмещались притоком добровольцев из Кубанской, а позднее из Терской области. Конные дивизии ген. Покровского, ген. Врангеля и полк. Шкуро продолжали теснить красных, освобождая Сев. Кавказ, и повели наступление в направлении на Царицын. Численный состав Добровольческой Армии значительно возрос: было уже 10 пехотных полков, 20 батарей. С декабря 1918 г. началась переброска добровольческих частей в Донецкий бассейн.

Павел Пагануцци

Мое пребывание в Маньчжурии наглядно доказало, что Российская Армия есть великое военное братство.

П. Краснов.

ОСАДА И ЭПИЗОДЫ ГЕРОЙСКОЙ ОБОРОНЫ ПОРТ АРТУРА

Историко критический очерк

Восемьдесят лет тому назад закрылась одна из последних славных страниц истории Русской Императорской Армии, закончилась «симфония смерти, горя и легендарной доблести»[1]): 2 января 1905 года, по новому стилю, истекая кровью, пал героический ПОРТ АРТУР. Как ни странно, теперь, через 80 лет, это событие не привлекло внимания наших зарубежных авторов и было обойдено полным молчанием[2]).

В своем докладе на 5-ом Кадетском Съезде в Ст. Аделль, Канада (1976), касаясь СЕВАСТОВОЛЬСКОЙ СТРАДЫ, пишущий эти строки упомянул о том как Лев Толстой, сам принимавший участие в защите города, рассказал потом Тургеневу и Некрасову, что пожалуй никогда еще русский солдат и матрос не проявил столько сознательного мужества, как в обороне Севастополя. С легкой руки Толстого и его «Севастопольских рассказов» у нас на родине еще и поныне упоминают о «героической защите русской земли от иностранных интервентов». Севастополь еще не забыт.

А о ПОРТ АРТУРЕ ни «мы», ни «они»—там, предпочитаем не упоминать, как бы считая всю японскую войну темным пятном на русском оружии. В истории войн оборона СЕВАСТОПОЛЯ и защита ПОРТ АРТУРА имеют много общего. По велению судьбы эти два трагических события отстоят ровно на 50 лет друг от друга. Севастополь пал 27 августа 1855 года, а Порт Артур 2 января 1905 года. Один наш историк писал, что по существу это были тяжкие поражения, но поражения героические, подобные поражению греков в Фермопильском ущелье. Для сравнения приведем статистические данные, включив еще одну крепость, «неприступную твердыню» Британской Империи СИНГАПУР.

СЕВАСТОПОЛЬ пал после 11-месячной осады (349 дней). Его защищало 85 000 солдат, матросов и офицеров, имея тыл, против 175 000 армии англичан, французов, сардинцев и турок. Защитники вывели из строя несколько десятков тысяч противников[3]).

ПОРТ АРТУР пал после почти 11-месячной осады (326 дней) и 8-месячной полной блокады. Его защищало только 50 000 солдат, матросов и офицеров против отборной армии генерала Ноги в 180 000 штыков и сабель при мощной осадной артиллерии и постоянной возможности быстрого пополнения. Потери японцев по тому времени были исключительными: 110 000, в том числе 80 000 убитыми.

СИНГАПУР те же японцы захватили почти с налета: он пал 15 февраля 1942 года с богатейшей добычей. В плен попало 100 000 англичан, австралийцев и индусов.

Из приведенных выше статистических данных мы можем с правом утверждать, что слава Порт Артура затмила славу Севастополя.

Движение Северной Руси и Московского Государства по направлению востока, в Сибирь, началось уже на заре русской государственности. Новгород Великий, проникнув за «Большой Камень» (Урал), распространил свою власть на остяков, живших около Тобольска. Татарское нашествие связало Русь Восточную с азиатскими окраинами. Хорошо знакомая со слабостью монгольских племен, с их укладом жизни, она неуклонно начала продвигаться в холодный, угрюмый, но богатый край. В 1642 году

русская волна достигла Охотского моря и Камчатки. Затем произошла задержка: войны на Западе и против Оттоманской империи. И только в середине прошлого века Российская Империя становится твердой ногой на Амуре (реке Черного Дракона по-китайски), распространяет свою власть на Уссурийский край, по договору графа Игнатьева. Как раз в это время Китай и Япония становятся более или менее открытыми странами, а влияние США, Англии, Японии и Германии в этой части света неуклонно растет. Заключается целый ряд конвенций и договоров с Китаем. Пользуясь его слабостью и нерешительностью, великие державы добиваются всевозможных уступок и начинают просто хозяйничать в желтой империи. После победы над Китаем, в войну 1894-95 гг., Япония достигает степени великой державы.

До китайско-японской войны Россия не принимала никакого участия в махинациях других великих держав в Китае и Корее, которая была до того вассалом Китая. Осенью 1894 года японские войска вторглись в Южную Маньчжурию, их эскадра уничтожила китайский флот в Желтом море, и, после короткой осады, японцы захватили Порт Артур, вырезав всех его защитников.

Оккупация Маньчжурии японцами являлась прямой угрозой русскому Дальнему Востоку. Амурская область, Приморье с Владивостоком могли оказаться под угрозой нападения. Только в 1986 году для охраны растянутого маньчжурского участка Великого Сибирского Пути Россия заключает с Китаем конвенцию о распространении ее влияния до Ляодуна. Захват Германией Цзяо-Чжоу, Францией порта Гуан-Чжоу и Англией Вей-Ха-Вейя побудил русское правительство решиться на занятие незамерзающего Порт-Артура. Тогда Япония не была еще достаточно сильна и, затаив злобу, она очистила Порт-Артур[4]), по-китайски Лю Шан, и начала усиленно готовиться к войне и искать союзников, которые бы ее поддержали деньгами, боеприпасами, провиантом и на дипломатическом поле. К 1904 году она их нашла и решила развязать войну против России.

Защита железной дороги, которая проходила по китайской Маньчжурии, по особому трактату была возложена на корпус пограничной стражи, казачьи части и китайцев. Трудно себе представить те трудности, которые лежали перед русскими землепроходцами-строителями, прокладывавшими бесконечный стальной путь, через непроходимые суровые просторы северной Маньчжурии, строившими мосты через бурные реки, пробивавшими туннели. И все эти работы велись на территории, которая

кишела шайками хунхузов, беглыми каторжниками и другими мародерами.

В 1897 году русские военные корабли, броненосец СЫСОЙ ВЕЛИКИЙ и крейсер Рюрик бросили якорь на рейде Порт Артура. Там они застали небольшую эскадру Британских крейсеров. На следующий день англичане ушли, а русские моряки сошли на берег. В начале 1898 года в Порт Артур пришел транспорт САРАТОВ, имея на борту один взвод Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска, батальон Восточно-Сибирского Стрелкового полка и полубатарею.

Вскоре был подписан договор с Китаем о передаче России на 25-летнее пользование Квантунского полуострова и Порт Артура с Талиенваном. Китайские войска погрузились на транспорты и покинули порт, а казаки и сибирские стрелки заняли крепость и город с узкими улочками. Вел. кн. Кирилл Владимирович, прибывший в Порт Артур на броненосном крейсере РОССИЯ, под звуки национального гимна поднял Андреевский флаг на Золотой Горе.

Лю Шинь Коу, как все китайские города, имел кривые узкие улицы. Дома обычно не имели выходящих наружу окон. Русская администрация сразу же приступила к планировке новой части города. Начали строить каменные дома, казармы, прокладывать мостовые. Открылись хорошие магазины, где все продавалось беспошлинно.

Вот как П. Краснов описывает этот русский форпост в 1901 году: «Это город Дальнего Востока, края света. Дома одноэтажные, каменные. Все это фанзы, искусно инженерами и архитекторами переделанные в дома. На синезеленых волнах колыхаются мачты джонок и вертлявые сампаны, дальше, точно большое семейство, флотилия черных судов морского пароходства. А влево, у подножья Золотой Горы, виднелись чистые, белые корпуса военных судов, краса и гордость нашего флота: ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ, ГРОМОБОЙ, НАВАРИН, НАХИМОВ, ГИЛЯК и СЕВАСТОПОЛЬ. В городе магазины все русские, «Чурин и Ко», «И. Ф. Солвей» и другие. Что самое главное,—в Порт Артуре есть женщины. Женщины служат в порту, женщины работают в управлении дороги, на них есть спрос как на невест, и кроме дам в Порт Артуре есть барышни».

Боксерское восстание и бомбардировка Благовещенска, летом 1900 года, заставили Русское Правительство с боями занять Сев. Маньчжурию и оккупировать ее. Но как один из военных

историков того времени заметил, традиционное миролюбие Руси сказалось и здесь. Имея полную возможность оставить занятый край в своих руках, по конвенции 1902 года, Россия установила сроки очищения занятой территории.

В 1903 году японское правительство, под предлогом установления равновесия и более прочного порядка вещей на берегах Тихого океана, обратилось к Русскому Правительству с предложением о пересмотре существующих договоров по корейским делам. В августе начался обмен мнениями по возбужденному вопросу. Однако японское правительство не только уклонилось от принятых условий, являвшихся гарантией независимости Кореи, но подняло маньчжурский вопрос. Такие притязания Японии, по мнению Русского Правительства, не могли быть допустимы. Тогда японское правительство решилось на войну. 24 января 1904 года японский посол сообщил о разрыве дипломатических сношений между Японией и Россией. Хотя перерыв дипломатических сношений вовсе не знаменовал собою открытие военных действий, японцы, без объявления войны, произвели неожиданную атаку на русский флот в Порт Артуре. Однако социалистическая и леволиберальная печать вину за вспыхнувшую войну старалась свалить на «несговорчивое» Царское Правительство.

О политическом положении на Дальнем Востоке, в связи с русско-японским конфликтом, проф. Н. С. Тимашев писал следующее:

> *К концу 19-го века, когда завязалась драма, развязкой которой был Порт-Артур, колониальная политика была в полном разгаре. Незадолго перед тем состоялся окончательный раздел Африки между европейскими державами, а со времени боксерского восстания Китай стал почитаться „больным человеком", к кончине которого и разделу имевшего остаться после него имущества начали готовиться великие державы. В книгах, газетах и журналах того времени можно найти немало схематических карт, намечавших, что должно попасть под английское влияние, что под французское, что под русское. Мало того, в 1894-95 гг. Япония выиграла войну против Китая и отторгла от него Формозу и Пескадорские острова, ныне, по иронии судьбы, представляющие последние осколки исторического Китая.*

Выше упоминалось о поездке П. Краснова в Порт-Артур. Был он послан Военным Министерством на Дальний Восток и в Индию, в результате чего вышла в свет, в Петербурге, его

монументальная работа «ПО АЗИИ», дашащая глубоким патриотизмом[5]). Краснов побывал в важных стратегических местах будущего театра военных действий. В Японии он посетил воинские подразделения, сделал смотр самого блестящего кавалерийского полка и составил «Заключение об японской армии и ее солдатах». Вот его сущность:

Лишь немногие старые ротные командиры, люди бывшие бок-о-бок с японцами под Шанхай-Гуанем, Тянь-Тзинем и Пекином, знают цену японскому солдату. Японский солдат, человек глубокого патриотизма, страшного великого сознания долга. Он все сделает по приказанию своего офицера. Он умрет за пустяк, да еще банзай крикнет.

Вернувшись из командировки с Дальнего Востока, Краснов писал: «История возникновения войн нас учит, что если столкнутся две культуры, разница между которыми слишком велика, то естественным следствием столкновения этих культур будет война». Таким образом, войну с Японией Краснов считал неизбежной. Он оказался прав: через два года война началась, и Краснов опять в Маньчжурии, в рядах действующей армии[6]).

Сразу же после занятия Порт-Артура русскими войсками началась постройка крепости. Но времени оказалось очень мало, а сделать нужно было многое. Ожидали, что японца нападут на крепость с моря. А поэтому, к началу войны, закончили постройку фронта приморских батарей числом в 22, из них 9 бетоных. Из 6-ти фортов, защищавших крепость с суши, был готов только форт No 4. Номера 1, 2 и 3 находились в постройке, а 5 и 6 в начальной фазе[6*]).

Русские левые круги обвиняли наместника, адмирала Алексеева в том, что он не разбирался в политическом положении, не понимал, что войной уже пахло в воздухе и продолжал верить в возможность избежать конфликт. На самом деле все обстояло иначе. Один из защитников Порт-Артура, награжденный тогда за доблесть Георгиевским крестом, мичман Б. И. Бок, будущий зять Столыпина, непосредственно перед началом войны занимал пост дежурного адьютанта наместника. 20 октября 1903 года прибыл в Порт-Артур из Японии российский посол, барон Розен. Так как наместник имел право вести непосредственные переговоры с

Дальневосточными державами (Япония, Китай и Корея), то беседа, при которой присутствовал мичман Бок, шла исключительно о конфликте с Японией. В своих воспоминаниях Бок писал, что оба, наместник и Розен, были настолько уверены в неизбежности войны, и что Япония ее первой развяжет, что тут же составили и отправили шифрованную телеграмму Государю, с предложением открыть первыми военные действия против Японии. В ответ Император Николай II извещал, что он не может допустить, чтобы большая Россия первой напала на маленькую Японию. В достоверности этих сведений не приходится сомневаться, т.к. мичман Бок принимал участие в отправке и получении шифрованных телеграмм[7]).

В начале двадцатых чисел января 1904 года пришло из Петербурга распоряжение возобновить переговоры с Японией и дать согласие на принятие ее предложений. Но установить контакта с русским послом в Токио уже не удалось. Порт-Артурская станция международного кабеля с Японией не могла отправить депеши, т.к. Нагасаки не отвечал на позывные сигналы.

Война началась в ночь с 26 на 27 января 1904 года внезапной минной атакой японских миноносцев на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде и не спустившую сети для защиты от мин. Утром в этот день в Порт-Артур из Чифу прибыл японский консул, чтобы забрать последних японцев, еще остававшихся в городе. Русское командование было уверено, что на японском пароходе находились морские офицеры, которые, во время прохождения его мимо русской эскадры точно, по пеленгам, определили якорную стоянку каждого из русских судов, что в значительной мере облегчило задачу нападавшим. В тот же день, 27 января, весь японский флот в составе 6 броненосцев, 12 крейсеров и других судов подошел к Порт-Артуру и начал обстрел крепости. Русская эскадра и береговые батареи энергично отвечали противнику и заставили японский флот отойти.

Повреждение японцами двух флагманов русского флота, только что пришедших на Дальний Восток, вызвало разные толки в России, и молва и левая печать начали обвинять русское командование в том, что оно легкомысленно «проворонило» японцев и не приняло нужных мер. Лет 45 назад появилась в СССР

книга Степанова «ПОРТ-АРТУР», не без доли патриотизма, в которой он писал, что в ночь японского нападения на русскую эскадру, флотские офицеры были на суше и беспечно веселились на балу в Морском собрании по случаю именин супруги адмирала Старка. В книге Степанова много мелких и точных подробностей из жизни крепости, а поэтому уцелевшие защитники Порт-Артура, собравшиеся в Париже, пришли к заключению, что он был или участником обороны, или пережил осаду с родителями довольно взрослым мальчиком. А клевета, которой Степанов воспользовался, нужна была советской пропаганде.

Не лучше были и сообщения западной, особенно американской, печати из Чифу о том как командующий эскадрой в ночь нападения давал бал, зал горел тысячами огней, отражавшихся на блестящих эполетах и золотом шитых мундирах. Нарядные пары кружились по паркету в вихре вальса... И вдруг раздались минные взрывы на рейде... Танцоры оставили своих дам и в панике бросились на набережную, но было уже поздно: поврежденные корабли лежали мертвой массой на боку, залитые водой!

Это, конечно, была злостная «газетная утка».

В ночь с 26 на 27 января 1904 года не было никакого бала в Морском собрании, да он и не мог там состояться по причине малого размера зала. В действительности на дому у адмирала Старка праздновали именины дочери, и кое-кто из молодых офицеров там был в этот день.

Что касается мер против нападения с моря, в условиях мирного времени, то они были полностью приняты. И если гарнизон мог ожидать начала военных действий, то не таким способом. «Понятия русских офицеров о чести и морали, в которых они были воспитаны и служили, совершенно исключали возможность подобного нападения—начала войны. Это был закат старых, рыцарских приемов войны, смененных коварством и предательством» (генерал Шварц).

В ночь японского нападения всем, находящимся на берегу морякам, надлежало вернуться на суда в 3 часа дня, после чего прекращалась всякая связь с берегом. С заходом солнца сигнальные рожки на судах проиграли сигнал: приготовиться отразить минную атаку. По этой тревоге все орудия были заряжены боевыми зарядами, и половинное число прислуги оставалось у орудий. Таким образом, боевая вахта могла открыть огонь в любой момент. Два миноносца вышли на всю ночь в открытое море в дозор, а два крейсера, с наступлением темноты,

начали освещать горизонт. Не были только спущены «кринолины»—предохранительные сети против мин. Советский генерал Сорокин, в своей книге о Порт-Артуре, к его чести, отбрасывает клеветнический навет Степанова[8]).

В результате японской атаки были подорваны два броненосца: ЦЕСАРЕВИЧ и РЕТВИЗАН[10]), а также крейсер ПАЛЛАДА. Но благодаря хладнокровию своих командиров, они не затонули, а собственным ходом приткнулись в береговую мель. При первых взрывах корабли русской эскадры открыли артиллерийский огонь в подозреваемом направлении, и дальнейших атак не последовало, как это случилось 37 лет позднее во время воздушного нападения тех же японцев, в 1941 году, на американскую военно-морскую базу на Гаваях. После нужного ремонта, в середине лета, поврежденные корабли вступили в строй.

Душою обороны Порт-Артура с моря был известный адмирал МАКАРОВ, которого можно назвать отцом строительства русских ледоколов. Его ЕРМАК до сих пор бережно хранится в музее Северного флота в Мурманске. Многие считали Макарова самым современным адмиралом флотов мира, не считая японского. Прибыв в Порт-Артур уже после начала войны, Макаров вступил сразу же в командование Дальне-Восточным флотом, и все пошло по новому. Совершенно справедливо на него возлагали большие надежды, но Макарову не суждено было повести русский флот против японцев: 31 марта 1904 года он погиб на броненосце ПЕТРОПАВЛОВСК, который наскочил на поставленную ночью японскую мину.

Перед рассветом этого трагичного для обороны Порт-Артура дня крейсер БАЯН получил приказание немедленно выйти на выручку русским миноносцам, так как на море была слышна канонада. И действительно, один из них—СТРАШНЫЙ, окруженный японцами, уже тонул. При приближении БАЯНА вражеские миноносцы, расстреливавшие СТРАШНЫЙ, поспешно отошли к показавшимся из мглы японским крейсерам, которые, приблизившись к БАЯНУ, открыли сильный огонь. В это время со стороны Порт-Артура шел на выручку на ПЕТРОПАВЛОВСКЕ Макаров, сопровождаемый броненосцем ПОБЕДА и крейсерами.

Заметив русскую эскадру, японцы начали медленно удаляться, как будто бы желая завлечь русские силы подальше от Порт-Артура. Мгла поднялась совсем, и на юго-востоке появились главные силы противника в составе 6 броненосцев, 6 броненосных крейсеров и других судов. Не прекращая боя, на БАЯНЕ старались

определить настоящие силы японцев и сообщить об этом адмиралу.

Получив сообщение с БАЯНА и направив его в кильватер эскадры, адмирал Макаров повернул к Порт-Артуру, очевидно желая принять бой поближе к крепости. На ПЕТРОПАВЛОВСКЕ взвился сигнал: миноносцам войти в гавань. И в тот же момент раздался страшный взрыв. Облако черного дыма поднялось над носом корабля, и вырвалось пламя. Немедленно за первым последовал второй взрыв и облако белого пара, и броненосец затонул в течение 1 *мин* и 43 *сек*. За ПЕТРОПАВЛОВСКОМ получила пробоину и ПОБЕДА, но ей удалось своим ходом войти в гавань. Гибель ПЕТРОПАВЛОВСКА была снята с берега, и три снимка поместили в *ЛЕТОПИСИ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ*[11]).

В момент взрыва адмирал Макаров находился на капитанском мостике с командиром корабля, капитаном первого ранга Н. М. Яковлевым и великим князем Кириллом Владимировичем. Художник ВЕРЕЩАГИН стоял на корме, делая какие-то зарисовки. Волна взрыва выбросила всех, находившихся на капитанском мостике, в море. Чтобы легче держаться на воде, адмирал снял пальто, но будучи немолодым, он не смог продержаться в ледяной воде до прибытия спасательных команд. В море потом было замечено адмиральское пальто. Вел. кн. Кирилла Владимировича спасли, потрясенного, с легкими ранениями ног. На следующий день его отправили по железной дороге в Россию.

Нашлись свидетели, видевшие гибель художника Верещагина со всеми моряками, находящимися в момент взрыва на борту броненосца. Командира ПЕТРОПАВЛОВСКА, капитана 1 ранга Яковлева, спасли два матроса, рискуя собственной жизнью. А когда они были непосредственным начальником представлены к Георгиям, то скромно заявили: «Нет, Ваше благородие, не для того мы спасали Миколая Матвеича».

Через месяц русские реваншировали японцам сторицею. В начале мая два современных японских броненосца ХАТСУЗЕ и ИОШИМО подорвались на искусно расставленных минным транспортом АМУР минах, причем один из них затонул так же быстро, как и ПЕТРОПАВЛОВСК. Гибель японских судов русские имели возможность наблюдать с Золотой Горы. Вскоре таким же способом был потоплен крейсер ХОЙ ЙОН и бывший китайский броненосец САЙ ЙЕН, приносивший много хлопот русским береговым укреплениям, т.к. имея мелкую посадку мог подойти близко к берегу. Однако из-за известной слабости русского флота,

по отношению японского, устарелости боевых кораблей, недостатка доков для починки броненосцев и гибели адмирала Макарова, русская эскадра осуждена была на относительное бездействие[12]).

На суше небольшой гарнизон Квантунского укрепленного района в течение всей осады наносил сокрушительные удары во много раз превосходящему себя врагу. Первый бой с японцами начался в 50 верстах от Порт-Артура, на перешейке, который соединяет Квантунский полуостров с материком. По имени залива эти позиции получили название Киньчжоуских.

За год до начала войны в Киньчжоу прибыл из Китая 5-ый ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК, укомплектованный кадровыми солдатами. Начались работы по укреплению позиций. Недоставало артиллерии, и полк получил 65 устарелых поршневых китайских пушек. Гарнизон Киньчжоу состоял из 11 стрелковых рот, 2-х охотничьих команд—всего 4 тысячи штыков на 4 км перешейка. И сибирякам пришлось вступить в единоборство с 35-тысячной армией генерала Оку, при 200 орудиях и 50-ти пулеметах. Два дня продолжался кровопролитный и ожесточенный бой. Японцы атаковали русские позиции густыми стрелковыми цепями. В первый день боя сибиряков поддерживали с фланга два миноносца и одна канонерная лодка. В ходе боя, пройдя по мелкой воде залива, японцы отрезали три роты стрелков и положение их стало угрожающим, но:

окруженные роты 5-го полка продолжали упорно сражаться. Японцы лезли со всех сторон, но славные сибиряки встречали их в штыки и гибли в неравной борьбе. Ни один солдат не сдался в плен,

писал советский генерал А. И. Сорокин в своей книге «ОБОРОНА ПОРТ-АРТУРА».

На третий день боя пришло приказание покинуть оборонительные позиции и отойти в крепость. В первых боях за Порт-Артур Русские потеряли 20 офицеров и 770 солдат, но японцам не удалось взять в плен ни одного сибирского стрелка. Их потери исчислялись в 3,5 тысяч солдат и около 50 офицеров.

Обложив Порт Артур с моря и суши плотным кольцом, японцы приступили к систематической осаде. 50-тысячный

гарнизон, включая экипажи кораблей, состоял из 9-ти трехбатальонных пехотных полков, 3-х запасных батальонов, казачьей сотни, саперов, 10-полевых батарей и крепостной артиллерии. Как мы уже сказали, Порт Артур осаждала 180 тысячная японская армия генерала Ноги с мощной артиллерией. Неприятель располагал большим количеством 11 дюймовых орудий, от снарядов которых не было защиты при прямом попадании даже в блиндажах.

3 августа генерал Ноги прислал в крепость парламентеров с предложением сдаться. Командующий Квантунским Укрепленным Районом, генерал Стессель, собрал военный совет, который единогласно отклонил предложение о сдаче. Тогда генерал Ноги сделал хвастливое заявление западным журналистам, что в ближайшие дни они будут свидетелями падения крепости. Этого не произошло, и Порт Артур, продержавшись еще 5 месяцев, стоил японцам фантастических жертв.

6 августа, после артиллерийской подготовки, неприятель перешел в наступление по всему фронту, направив главный удар против позиций ОРЛИНОГО ГНЕЗДА. Первые дни японцы атаковали густыми цепями, несли большие потери, доходили до цели, обыкновенно в малом составе, и не выдерживали русского штыкового удара. Под ОРЛИНЫМ ГНЕЗДОМ бои непрерывно продолжались от 6 до 12 августа, и редуты неоднократно переходили из рук в руки. Более месяца после этого команды китайцев убирали разложившеися трупы погибших японцев. Русские потеряли в августовских боях 50 офицеров и 2,5 тысячи нижних чинов. Японцам неудачный штурм ОРЛИНОГО ГНЕЗДА стоил 15 тысяч солдат и офицеров.

Не всегда японцы давали осажденным убирать трупы. Порт Артурская газета «НОВЫЙ КРАЙ»[13]) сообщала: «Один из ужасов осады—смердящие горы неубранных тел. Несмотря на то, что все убитые—исключительно японцы, неприятель не только не позаботился убирать их, а напротив не позволял убрать их нашим санитарам, открывая по ним огонь. Японцы считали, что разложение трупов заразит воздух, и это вызовет болезни в осажденной крепости».

Однако Ф. И. Булгаков в своей двухтомной работе «ПОРТ АРТУР» рассказывает следующее:

В ночь с 3 до 4 июля несколько охотников под командой старшего унтер-офицера Чабана, пробрались против нашего правого фланга к передовым неприятельским позициям, где залегли их цепи. Ночь была настолько темной, что

охотники доползли до цепи неприятеля. Благополучно миновав проволочные заграждения и острые колья, они наткнулись на веревку, на которой были нанизаны баночки из-под консервов и этим себя выдали. Немедленно поднялась стрельба. Унтер-офицер Чабан был ранен в руку, а другой стрелок получил смертельную рану. Рядовой Черепанов, пытаясь спасти товарищей, тоже был ранен. Все попытки санитаров убрать наших стрелков вызывали сильный огонь неприятеля. Тогда выслали санитара с флагом КРАСНОГО КРЕСТА. Стрельба мигом прекратилась, и с обеих сторон солдаты высыпали из окопов. Японцы начали махать фуражками и кричать: „Здравствуйте! Идите сюда! Идите сюда!" Санитары подобрали раненых в 50 шагах от неприятельского окопа.

Эпизод, описывающий, как японцы, имея абсолютное превосходство в живой и огневой силе, не прерывая атак и продвигаясь к сердцу крепости, тщательно страховали свои позиции проволочными заграждениями, острыми кольями, консервными баночками,—для тревоги,—много говорит в пользу защитников. Гарнизон крепости состоял, главным образом, из сибиряков. Было среди них достаточно звероловов, людей бывалых, ходивших с контрабандой в Маньчжурию. Генералы Кондратенко, Горбатовский и другие начальники сухопутной обороны выискивали слабые стороны противника, чтобы по ним наносить свои удары. Русские все время тревожили японские позиции, стараясь не давать им покоя ночью. А вылазки производились иногда крупными подразделениями.

Так в ночном набеге 30 мая 1904 года участвовала полурота 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, силой в 120 солдат, под командой поручика БИЦОЕВА при двух младших офицерах. Сибирякам удалось выбить японцев из одной линии окопов, но в своем продвижении они наткнулись на хорошо замаскированную вторую линию, в которой находилось до двух рот японцев. Часть роты под градом пуль овладела этой линией и обратила японцев в бегство. «Поручик Бицоев был смертельно ранен. Зная, что скоро умрет, он простился с командой, просил передать привет товарищам и произнеся следующие слова—„Пусть японцы знают, как умеют наступать русские..."—тихо скончался» («НОВЫЙ КРАЙ»).

Отличался в налетах на японские передовые окопы 14-летний мальчик-герой, НИКОЛАЙ ЗУЕВ. За храбрость и умение

действовать в любой обстановке он получил два георгиевских креста. Ему удалось прорвать японскую блокаду и доставить важное донесение в Главный Штаб Русской Армии.

В период боев за ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО японцы повели усиленную бомбардировку редута No 1. Вот что по этому поводу сообщал тот же «НОВЫЙ КРАЙ»:

К утру 9 августа на редуте остался единственным комендантом и офицером мичман Б. Бок. Но его энергия ни на минуту не ослабевала, и он появлялся всюду и воодушевлял нижних чинов, которые сражались с силой сверхъестественного героизма, но число их с каждым моментом уменьшалось. Через 4 дня героев защищавших редут осталось всего 11 человек, и их комендант, вторично контуженный, лежал в бессознательном состоянии на груде осколков снарядов, засыпавших редут. Наконец и последнее орудие было подбито, и остались одни винтовки против батальона японцев. Тогда герои вынули замки у подбитых орудий, положили на носилки своего коменданта и тихо двинулись с редута. Враг не замедлил взобраться на пустой редут и водрузил свое знамя, которое через несколько часов сорвал командир ОТВАЖНОГО, капитан 2-го ранга Лебедев. Когда моряки пошли в контратаку, то редут No 1 был полностью занят японцами, которые уже успели установить там орудия. Лебедев стремительно повел на штурм свои морские батальоны. Впереди всех, он врубился палашем во вражеские ряды, левой рукой стреляя из револьвера, и повалил лично 30-50 японцев. Враг был выбит и обращен в бегство, но капитан Лебедев, два лейтенанта, один мичман и много матросов сложили на редуте свои головы.

Во время августовских боев особую доблесть и хладнокровие проявил комендант редута No 2, капитан В. Н. Гусаковский. Раненый двумя пулями, он остался в строю и во время штурма и, став в ряды своих стрелков, меткими выстрелами убил трех японских офицеров. Японские атаки были отбиты с большим для них уроном, но капитан Гусаковский еще раз был ранен, и, на этот раз, тяжело.

В последний день напряженных августовских боев неприятель начал наступление на капонир форта[14]). Сибирские стрелки дрались отчаянно. Им помогал перекрестным огнем форт No 2. В один из крайне критических моментов, когда оставалось незначительное число защитников, поручик Флоров обратился к сибирякам: «Ребята! Не отдадим капонир. Лучше смерть, чем позор!»—«Умрем, умрем лучше»—раздалось в ответ, и японцы были отбиты.

В защите горы Дангуш отличился старый ветеран, сибиряк, капитан Курковский. Японцы лезли на гору как саранча. Капитан Курковский во главе своих солдат с шашкой в руках бросился на врага. Обладая необыкновенной физической силой, он изрубил 8 японцев и, раненый пулей в грудь навылет, падая, продолжал рубить и «ругать япошек на чем свет», пока ему не перерезали горло.

Подпоручик 5-го славного Восточно-Сибирского полка, Костюшко (вероятно выходец из поляков), с пятью оставшимися в живых из его охотничьей команды, в темноте молодецким броском ворвался в японский окоп, стреляя по врагу налево и направо. Все его пять солдат погибли, а он раненый упал в окопе. В темноте японцы не решались в него стрелять, боясь попасть в своих, а только забрасывали камнями. Тяжело раненого и всего побитого камнями, его спас унтер-офицер Макурин, кавалер с «полной колодкой» георгиевских крестов. И таких примеров самоотверженности и доблести было очень много, и они описаны в «НОВОМ КРАЕ», «ВЕСТНИКЕ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ», «РУССКОМ ИНВАЛИДЕ» и других русских изданиях.

Убедившись, что лобовой атакой Порт Артур им не взять, японцы решили начать минную войну, при помощи подкопов и взрывов. С августовских боев ни на минуту не прекращался артиллерийский обстрел крепости. 13 сентября густыми колоннами неприятель пошел на штурм ПЛОСКОЙ ГОРЫ, которая являлась подступом к ключу обороны, ВЫСОКОЙ ГОРЕ. Ее защитники называли Малаховым Курганом Порт Артура.

Обе стороны в боях проявляли исключительную стойкость, которая у японцев граничила с фанатизмом, и иногда по-рыцарски относились друг к другу, ценя храбрость в своем противнике. Опишем один такой эпизод, являющийся наглядным примером вышесказанному. Назовем его: ШАШКА РУССКОГО ОФИЦЕРА И САБЛЯ ЯПОНСКОГО САМУРАЯ.

В октябре месяце шли упорные, непрекращающиеся, изнурительные для защитников бои, в районе ФОРТА No 3, который входил в состав Восточного фронта, начинавшегося укреплением No 3 КУРГАННОЙ БАТАРЕЕЙ, у долины речки Лунже. Как мы уже упоминали, после поражения в августовских боях и на этом секторе фронта, японцы начали приближение к русским позициям подведением траншей, приблизившись в середине октября совсем близко к краю русского фронта. Чтобы не дать японцам его захватить, нужно было выбить их из этих подкопов и ходов.

Несколько попыток 9-ой и 8-ой роты КВАНТУНСКОГО ФЛОТСКОГО ЭКИПАЖА не увенчались успехом. Тогда выбор пал на 7 роту, которой командовал опытный охотник, поручик Тапсашар. В ночь с 15 на 16 октября 7-ая рота Квантунского Флотского Экипажа с такой силой обрушилась на 2 батальона врага, что японцы поспешно очистили все подведенные траншеи. На другое утро, когда взошло солнце, защитники с окрестных бастионов увидели страшную картину: далеко внизу за фортом, в серой шинели и сибирской папахе, лежал доблестный командир 7-ой роты, держа свою обнаженную ШАШКУ, направленную острием в сторону врага. Вокруг него лежало веером 60 молодых матросов. Остатки роты, под командой бравых унтер-офицеров, задерживали японцев в течение дня, а ночью подошли подкрепления, и форт был спасен. Но за сутки 7-ая рота потеряла убитыми и ранеными весь свой состав. Через несколько дней, ночью, тело командира роты исчезло, а матросы, погибшие с ним, продолжали лежать.

Несколько позднее, бешеным и лихим натиском, японцы ворвались в КУРГАННУЮ БАТАРЕЮ. Защитники в это время обедали в своих блиндажах. Побросав ложки и схватившись за штыки, они перекололи всех ворвавшихся смельчаков. В этой молодецкой атаке японцев предводил офицер, имевший дорогую саблю с какими-то непонятными для русских надписями. Всех погибших схоронили в братской могиле позади Курганной батареи.

В самом начале ноября на линии восточного фронта состоялось перемирие для уборки убитых и раненых. И русские заметили, что японцы настойчиыо ищут тело какого-то знатного самурая. Командир КУРГАННОЙ объяснил им, что все японцы, погибшие в дневном штурме, похоронены в одной братской могиле, а начальник боевого участка, поручик Карамышев добавил, что он снял с убитого офицера, руководившего атакой, саблю, и приказал принести ее. Увидев саблю, японские парламентеры пришли в большое волнение, стали низко кланяться ей и, шипя, в знак глубокого почтения, втягивали в себя воздух.

Тронутый их горем, Карамышев возвратил японцам САБЛЮ САМУРАЯ. Принимая ее, один из парламентеров, полковник генерального штаба, на хорошем русском языке сказал поручику, что если после войны он сделает честь посетить их страну, то двери всех японских домов будут перед ним гостеприимно открыты.

Кончилось перемирие, снова началась стрельба и «смерть и ад со

всех сторон». На следующий день неожиданно в том же месте заиграл горнист, японцы вывесили белый флаг, стрельба прекратилась, и парламентеры опять встретились. На этот раз японцы вручили русским подарок в виде корзин с яствами и напитками. А затем передали тело убитого русского офицера, который выбил 2 их батальона под гласисом форта в середине октября. Они объяснили, что делают это в знак благодарности за возвращенную САБЛЮ САМУРАЯ, а о подвиге русского офицера будет сообщено Микадо.

Вернувшись из японского плена, командир одного из Восточно-Сибирских стрелковых полков в Порт Артуре, флигель-адъютант полковник Семенов, рассказал, что от японцев он узнал о подвиге поручика Тапсашара, и что его ШАШКА была помещена в Токийский военный музей. После войны Микадо повелел уведомить Государя о геройской гибели его офицера.

Как то вечером, во время августовских боев, к адьютанту десантной роты подошли унтер-офицер и матрос Сибирского экипажа и спрашивают: «Правда ли, ваше благородие, что за взятие в плен вражеского штаб-офицера полагается Георгий?» Получив утвердительный ответ, моряки попросили разрешения попытать счастья. Узнав, что они звероловы (сибирские охотники) и люди бывалые, генерал Горбатовский, начальник Восточного фронта, дал разрешение. Получив нужные пропуска, смельчаки исчезли во мраке ночи. К утру моряки благополучно возвратились, ведя с собой раненого ими японского майора генерального штаба, который вышел в ту ночь на разведку русских позиций. При нем оказались важные документы. И в результате ночной вылазки отважные моряки украсили свою грудь Георгиями.

Как уже было сказано, ключем к обороне Порт Артура была двугорбая ВЫСОКАЯ ГОРА, или ВЫСОКАЯ, которую на картах отмечали «Высота 203», так как она возвышалась над морем на 203 метра. С ВЫСОКОЙ как на ладони была видна гавань со всеми портовыми сооружениями. Овладев ей, японцы могли корректировать огонь тяжелой артиллерии по судам русской эскадры. Высокую начали укреплять уже после осады. Постепенно японцы сосредоточили свои главные усилия чтобы овладеть этой горой. В сентябре, на очень короткий срок, им удалось закрепиться на одной из ее вершин, но 5-ый полк, поддержанный моряками в упорных и тяжелых боях, отстоял Высокую.

К осени 1904 года у храбрых защитников Порт Артура появилось смертоносное оружие—ручная граната, которую в

КВАНТУНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ С ПОРТ-АРТУРОМ И ЕГО УКРЕПЛЕНИЯМИ

крепости называли «ручной бомбочкой». Результаты действия этой гранаты были настолько успешны, что буквально каждый защитник с ними не расставался. Штурмы ВЫСОКОЙ ГОРЫ весьма успешно отбивались вот этими «бомбочками». Пленные и раненые японцы с ужасом вспоминали об их действии. При вылазках охотники подползали к вражеским окопам, кидали в них бомбочки и, после взрыва, бросались на ура.

Защитники Порт Артура поражали врага и его собственным оружием. Дело в том, что во время многочисленных нападений на Порт Артурскую эскадру, японские миноносцы выпускали много торпед Уайтхеда. Неразорвавшиеся торпеды моряки вылавливали и передавали саперам, а те их зарывали впереди русских позиций. Колоссальные потери японцев в последних боях были понесены от их собственных мин.

Оригинален и эффективен был способ расстановки проволочных силков вперели окопов, невидимых даже днем. Идя на штурм, японцы в них путались, падали, а задние ряды в замешательстве отступали.

Нельзя не отметить, что и со стороны японцев была проявлена высокая доблесть. Народ этот отличался решительным фанатизмом и пытался хитростью и коварством одолеть своего врага. Но если до и в начале войны некоторые наши военные круги недооценивали возможностей Японии и храбрость японского солдата, то, по мнению немецкого «Нойе Милитерише Блаттер», японцы также недооценивали русскую мощь в Порт Артуре, опьяненные вероятно легкой победой над китайцами в 1894 году, за что жестоко поплатились.

Из-за больших потерь, особенно в офицерском составе, без достигнутого результата, среди известного числа японских солдат осадной армии стала замечаться физическая и моральная усталость. Начали появляться признаки морального расстройства. Поползли слухи, что русские действуют так успешно против нападающих потому, что они имеют замаскированные «призраки» —позиции, которые не удается открыть. И японское военное командование решает для нового штурма Порт Артура перебросить из Японии одну из лучших дивизий—7-ую армейскую, под командой генерала Озака.

С сентября месяца был усилен до предела артиллерийский обстрел русских позиций, и с тех пор японцы безостановочно атаковали ВЫСОКУЮ. Особенно упорным был штурм 13 ноября, когда неприятелю удалось ворваться в один из фортов. Ожесто-

чение в этот день достигло предела, а японцы все время вводили в бой свежие силы, и редуты по нескольку раз переходили из рук в руки. Дрались всем, что было под руками: прикладами, штыками, саперными лопатами, даже камнями. Все атаки японцев были отбиты.

В тот же день (13 ноября) поздно вечером, отряд «БЕЛЫХ ПОМОЧЕЙ» генерала Накамуры атаковал расположенную недалеко КУРГАННУЮ БАТАРЕЮ. «Белыми помочами» назывался отряд отборных и храбрейших японских солдат, обвязывавшихся накрест белыми помочами, чтобы различать друг друга во тьме. Без выстрела они ворвались на батарею но в ожесточенной схватке были отброшены; еще раз повторили атаку и были опрокинуты и разбиты тремя десантными ротами доблестного лейтенанта Мисникова. Сам генерал Никамура был ранен и едва избежал плена.

После этих неудач японцы усилили давление на ВЫСОКУЮ. Каждый день, по многу раз, они ходили на штурм русских редутов. Особенно ожесточенные были атаки 14, 15 и 17 ноября. Не раз неприятель захватывал верх горы, поднимал свой флаг на его вершине, но русскими контратаками был принужден очистить Высокую, и снова русский флаг реял над горой, и весь гарнизон Порт Артура ликовал.

Ввиду серьезности положения командир 5-го Восточно-Сибирского Стрелкового полка все время находился на передовой, а штаб полка не покидал генерал Кондратенко. Ночью 17 ноября на гору подошел последний остававшийся резерв. Он состоял из слабосильной команды не совсем оправившихся от ран и болезней солдат и матросов.

На 127 день неприятельских атак ВЫСОКОЙ, из-за больших потерь, ген. Ноги, держа вершину под непрестанным огнем тяжелых осадных орудий, направил сюда всех саперов его армии для рытья параллелей и сап к самому гребню.

21 ноября японцам удалось захватить ВЫСОКУЮ, и их флаг взвился на вершине, но командир 5-го полка лично повел своих сибиряков в контратаку, сбил японцев и в последний раз водрузил на горе русский флаг. Вскоре после этого он погиб от разрыва 11 дюймового снаряда, а с ним комендант ВЫСОКОЙ и еще несколько офицеров. И в командование полком вступил не строевой офицер, т.к. таковых на этом секторе уже не было в живых, а судовой инженер-механик Лосев.

22 ноября пять неприятельских полков атаковали и захватили окончательно ВЫСОКУЮ ГОРУ. Большой ценой досталась она японцам. Они уложили на ней 12 000 солдат и офицеров. Русские потери исчислялись в 4 000.

Душою и начальником сухопутной обороны Порт Артура был генерал-майор Р. И. КОНДРАТЕНКО, начальник 7-ой ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ. Никто из защитников не представлял себе Порт Артур без Кондратенко. Никто не верил, что генерал может погибнуть, а поэтому он являлся той несокрушимой базой, на которой зиждилась оборона крепости. Офицеры видели в Кондратенке замечательного во всех отношениях начальника, солдаты ценили в нем человека, снисходившего к ним и лично знавшего многих из них. Генерала Кондратенко смело можно было назвать легендарной личностью. Погиб он на форту No 5 2 декабря 1904 года.

С падением ВЫСОКОЙ и гибелью генерала Кондратенко дни Порт Артура были сочтены. Но крепость и дальше, грозно ощетиниваясь, давала геройский отпор врагу. В конце декабря в боевом составе из 50 тысячного гарнизона оставалось приблизительно 15 тысяч защитников, и не все они были профессиональными солдатами. И много было таких, которые вступили в строй не достаточно оправившись от ран. На бастионах дрались люди, составленные из госпитального и административного персонала. Ротными командирами назначались инженеры, врачи. И они также, как и кадровые офицеры, самоотверженно вели свои роты на врага и доблестно гибли.

Продуктов питания в осажденной крепости постепенно становилось все меньше. Давно уже всех кормили ослятиной и кониной, и этого мяса не хватало, и стали выдавать его по полфунта в неделю. В результате недостатка питания гарнизон начала косить цынга, иногда со страшными последствиями. По подсчетам военно-медицинского персонала процент цинготных в строю превышал 40%: «Цынга съела Порт Артур»,—вспоминал участник обороны, полковник Сейфулин. Недоставало медикаментов и перевязочного материала. Бинты перемывались и снова употреблялись. Но несмотря на все трудности и опасность военно-медицинский персонал крепости работал самоотверженно, постоянно рискуя своей жизнью, и отличался высокой профес-

сиональностью.

Русские дореволюционные энциклопедические словари в своем описании осады Порт Артура полностью признавали героизм его защитников и давали следующие сведения: в начале осады гарнизон насчитывал всего 37 тыс. человек. Во время боев, за 326 дней, погибло 10 тыс., 14 тыс. было ранено. Ко дню сдачи на позициях числилось 13 тыс., из них здоровых всего 8 тыс.

Вот что писали издатели ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ Ф. А. БРОКГАУЗ и И. А. ЕФРОН:

> *Как по продолжительности осады, так и по пущенным в ход ужасным средствам разрушения, как по мужеству защитников, так и по упорству атакующих, осада Порт Артура представляет исключительный пример в истории осад. Нравственные страдания гарнизона станут особенно понятны, если вспомнить, что в течение 8 месяцев защитники крепости были совершенно отрезаны от всего света.*

После отступления Куропаткина от Ляояна дальнейшая оборона Порт Артура могла иметь только моральное значение и привела бы только к гибели уцелевших. Однако, когда защитники крепости поняли, что они обречены, и надеяться на выручку не приходится, дисциплина ничем не нарушалась, и никто не помышлял о сдаче.

В середине декабря остатки гарнизона принуждены были очистить 1-ую линию обороны и перейти на 2-ую, от Орлиного Гнезда до Курганной батареи. На этом секторе 19 декабря было 6 японских атак, но их удалось отбить с большим уроном для врага. И тут 11-ти дюймовый снаряд попал в склад «ручных бомбочек», о которых мы говорили, и от взрыва образовалась огромная брешь. В то же время японцы атаковали русские позиции на Западном фронте от горы Фальшивой к Голубиной бухте, силой одной дивизии, численность которой превышала весь оставшийся гарнизон под ружьем. Доблестные защитники отошли к Ляотешаню. Это уже была агония.

Прийдя к заключению, что дальнейшее сопротивление пользы не принесет, а приведет к гибели лучших сынов России, генерал А. М. СТЕССЕЛЬ сдал крепость. Военно-Уголовным судом он был

приговорен к расстрелу, но Государь смягчил приговор, заменив его 10-ти летним заключением в Петропавловской крепости. Вскоре, по болезни, генерал Стессель был освобожден и через несколько месяцев умер.

И теперь, вспоминая трагические события, которые пришлось пережить нашей Родине 80 лет тому назад, мы видим, насколько ген. Стессель был прав. Многие доблестные Порт Артурцы послужили своей Родине в Первую мировую войну и принимали участие в Белом Движении. И среди них лейтенант-артиллерист, командир десантной роты А. В. Колчак, будущий Верховный Правитель Сибири.

Генерал Стессель позаботился, чтобы овеянные славой полковые знамена и другие военные реликвии, как и все секретные документы, не попали в руки врага. Накануне переговоров об условиях сдачи крепости, миноносец СТАТНЫЙ под командованием барона Коссинского прорвал блокаду и на рассвете другого дня сдал русскому консулу в Чифу все реликвии.

Прошло 36 лет, и таким же коварным способом Япония напала на своего бывшего союзника и покровителя, Соединенные Штаты Америки. А в 1942 году 90 тысяч американцев и филлипинцев сдались на милость победителя, но японцы ее не проявили. Они гнали пленных усиленным маршем по тропической жаре, и 10 тысяч солдат и офицеров американской армии погибли на этом марше. Весь мир облетело известие о «марше смерти». Когда в 1985 году в связи с сорокалетием бомбардировки японских городов атомными бомбами подняли вопрос: нужно ли было применять такие жестокие меры против полуповерженного врага,—многие участники минувшей войны ответили утвердительно. Японцы своей жестокостью заслужили это.

А как обстояло дело в 1905 году? Совсем иначе. Дело в том, что генерал Стессель решился на сдачу крепости частично опасаясь примера взятия японцами Порт Артура в 1894 году. Последний штурм вероятно стоил бы нападающим несколько десятков тысяч жизней, и в озверении японцы могли вырезать уцелевших защитников.

Условия сдачи Порт Артура оказались весьма почетными, хотя японцы хорошо знали, что мало осталось защитников, и силы

их на исходе. Но они также убедились, во время всей осады, что имели против себя храбрых противников, достойных уважения... и сдавшимся офицерам оставили холодное оружие! И всем тем, которые согласились дать слово не принимать больше участия в боевых действиях против них, японцы предоставляли возможность вернуться на родину. Из этого предложения мы видим: насколько японцы уважали русского офицера. Они твердо верили, что если он даст слово, то его и сдержит!

Некоторые авторы объясняли этот японский шаг простым расчетом: для охраны пленных офицеров нужны были солдаты, более необходимые на фронте. С этим объяснением трудно согласиться. Отпущенные на родину Порт Артурцы не должны были давать обязательства не служить в России. Таким образом, они могли заменить тыловых офицеров, а этих можно было отправлять на фронт, в далекую Маньчжурию. К тому же шансов бежать с Японских островов не было. Японцы это хорошо знали и поэтому не проявляли большого рвения в охране военнопленных. А офицеров, на честное слово, отпускали в город без сопроводителей.

К чести офицеров Порт Артурского гарнизона: они не приняли японского предложения и разделили судьбу своих солдат, несмотря на то, что Государь дал им разрешение возвращаться на родину.

Японцы проявили большой такт и не вводили свои войска в крепость пока последний русский солдат не покинул ее. На Золотой Горе развевался Андреевский флаг, поднятый великим князем Кириллом Владимировичем, о чем было уже сказано. И тут японцы проявили такт, заменив его своим, только когда последние русские пленные скрылись за горизонтом крепости.

Вовремя марша пленных морских офицеров к морю, в ночь под Новый Год (тогда Россия жила по старому стилю) сделали в поле привал. В поставленных палатках было очень холодно, и офицеры грелись у костров. Вдруг из темноты ночи раздался шум подъезжающих подвод. И морякам сообщили, что японские морские офицеры поздравляют их с Новым Годом и посылают им подарки в виде продуктов и напитков.

Одно приключение с русскими моряками в плену лишний раз показывает, насколько японцы ценили в своих врагах мужество и любовь к родине. Из лагеря военнопленных морских офицеров в Миоэндзи бежало 5 мичманов. Попытка обрести свободу была безнадежной, но молодежь решила рисковать. Достав японскую

одежду, они удачно выбрались из лагеря и рисовыми полями вышли к реке, где надеялись захватить рыбачий баркас и на нем бежать. Но начался отлив, и лодка не смогла выйти в море. И вскоре беглецы были захвачены местными жителями. Они были судимы и были приговорены к 5-ти годам одиночного заключения, но военный суд посмотрел на их побег с уважением: «Каждый японский офицер будучи в плену старался бы тоже бежать!» Вскоре кончилась война, и, по приказанию Микадо, русские моряки были освобождены с почетом. На прощание начальник тюрьмы устроил им торжественный обед, на котором присутствовал губернатор провинции и все кричали «банзай». Такие проводы бывших военнопленных привели в полное недоумение американского миссионера, который ехал на пароходе с русскими моряками.

Один из Порт Артурцев, контр-адмирал Дудоров, бывший известное время в плену, писал:

Не знаю почему, но японские власти с самого начала особенное внимание оказывали морским офицерам. Уже до прибытия нашего в Матсуяма здесь находились пленные с броненосного крейсера „Рюрик", геройски утопленного его командиром Ивановым Тринадцатым, после тяжелого боя с эскадрой адмирала Уриу. Им отведено было особое помещение в одном из общественных зданий, и обставлены они были весьма комфортабельно[15]).

14 января 1905 года по новому стилю, и 1 января по старому[16]) Государь подписал ПРИКАЗ АРМИИ И ФЛОТУ. Приводим его с небольшими сокращениями:

Порт Артур перешел в руки врага. Одиннадцать месяцев длилась борьба за его защиту. Более семи месяцев доблестный гарнизон его был отрезан от внешнего мира. Без твердой надежды на помощь, безропотно неся все лишения осады, испытывая нравственные муки по мере успехов противника, не щадя жизни и крови, сдерживала горсть русских людей яростные атаки врага.

С гордым чувством следила за их подвигами Россия, весь мир преклонялся перед их доблестью. Но с каждым днем ряды их редели, средства борьбы истощались, и под натиском все новыхз и новых вражеских сил, совершив до конца великий подвиг, они должны были уступить.

Мир праху и вечная память вам, незабвенные русские люди, погибшие при защите Порт Артура. Слава живым!

Да исцелит Господь ваши раны и немощи и дарует вам силу и долготерпение перенесть новое тяжкое постигшее вас испытание.

Доблестные войска мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе. Враг наш смел и силен, беспримерно трудна борьба с ним вдали, за десятки тысяч верст от источников нашей силы. Но Россия могуча.

В Царском Селе, 1 января 1905 *НИКОЛАЙ.*

Прошло два с половиной года после падения Порт Артура, и «победители» начали воздвигать «побежденным» павшим героям памятник. Уже через год он был закончен, и в июне 1908 года состоялось открытие этого великолепного мавзолея, имеющего вид русского храма. На торжество открытия приехали из России генералы Чичагов и Гернгросс и адмирал Матусевич. Микадо командировал генерала Ноги передать братскую могилу-памятник русским. Над ее сооружением потрудились генерал-губернатор Квантунской области ген. Ошима и комендант крепости Порт Артура Саишо. На одной стороне памятника высечено: «ЗДЕСЬ ПОКОЯТСЯ ОСТАНКИ РУССКИХ ГЕРОЕВ, ПАВШИХ ЗАЩИЩАЯ ПОРТ АРТУР». А на другой стороне—«ВОЗДВИГНУТ ЯПОНСКИМ НАРОДОМ В 1907 ГОДУ», и тут же помещена эпитафия, составленная генералом Ошима. В начале торжества начальник Русской Духовной Миссии в Пекине, преосвященный Иннокентий, отслужил панихиду по русским Порт Артурцам «на поле брани живот свой положивших». А затем по двое, сначала Чичагов и Ошима, а потом и остальные, поднимались по ступеням памятника и, отдавая последний долг павшим героям, склонялись до земли. Затем японские войска и моряки прошли церемониальным маршем возле памятника, а знамя 39-го японского полка, залитое кровью и пронизанное русскими пулями, склонилось перед БРАТСКОЙ МОГИЛОЙ. После этого генерал Гернгросс сказал несколько слов и провозгласил «ура» в честь Микадо, а генерал Ноги «банзай» в честь Государя.

Русское военное кладбище находится (если его не уничтожили Мао Дзе Дуновские вандалы) к востоку от Форта No 4, у подножья Саперной горы. Если кладбище до сих пор уцелело, то оно со всех сторон, вероятно, окружено городом, т.к. бывший Порт Артур насчитывает теперь более миллиона жителей.

В 1911 году в Петербурге, в присутствии Государя, был открыт ХРАМ ПАМЯТНИК морякам, погибшим в войну 1904-1905 года. Местом постройки церкви выбрали уголок, находящийся в районе

судостроения и службы флота, на небольшом полуострове, образуемом каналом, в самом конце Английской набережной, при входе на Верфи Нового Адмиралтейства. При постройке утвержден был проект тождественной с церковью ПОКРОВА на речке Нерли, около Владимира, воздвигнутой в XII веке.

Храм памятник русским морякам, погибшим в японскую войну, являлся ценным вкладом в русское церковное зодчество. Доминирующим объектом в церкви были ЧЕРНЫЕ МРАМОРНЫЕ ДОСКИ, с бесконечными списками имен и званий погибших моряков. На этих досках были высечены имена, от адмирала Макарова, погибшего в Порт Артуре, до матросов и кочегаров, утонувших в Цусимском бою.

«Этот Памятник был поистине Народным; он показывал величие сердца и души русских людей, которые помнят и чтут не только победы и успехи своего оружия, но и всех скромных героев, погибших во время поражений».

Через какое-нибудь десятилетие безбожная и интернациональная большевистская власть, люто ненавидевшая все прошлое России, снесла этот замечательный памятник[17]). И марксистские сверхвандалы, разграбив драгоценные реликвии храма, какую-то часть распродали западным ростовщикам. Бывший офицер императорского флота, сын адмирала Макарова, обходя как-то антикварные магазины Нью-Йорка, обнаружил в одном из них НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ХРАМА ПАМЯТНИКА, с огромным списком имен погибших русских моряков. Он немедленно приобрел эту драгоценную реликвию и даровал ее одному из русских храмов Нью-Йорка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отгремела Японская война, был заключен Портсмутский мир, и пошли перетолки о том, из-за чего Россия «потерпела поражение». Особенно изощрялись западные историки и авторы, выискивая причины «русской капитуляции». После революции к ним присоединилась мощная советская пропагандная машина. В неисчислимых попытках дискредитировать старую Россию, ее режим и монарха, убедить своих последователей да и врагов, что накануне большевистской революции положение в стране было

похоже на сгнивший плод, готовый вот-вот упасть с дерева, все эти авторы пользовались неудачей в войне с Японией.

В 1986 году нас посетил нежданный гость, с громким литературным именем, принадлежащий к интеллектуальной элите Москвы. В жарких спорах по этому вопросу он сел на «японского конька» по советскому трафарету, и, покидая Штаты, в письме подчеркнул: «Русско-японская война: бездарность командующих, плохая вооруженность, все экономическое состояние отсталой России, огромное число жертв как офицерского так и солдатского состава. Результат: поражение и первая русская революция. Надо было все-таки говорить правду, а не вешать всех собак на одну сторону!» (Это на большевиков! Наше примечание)[18]).

Да и мы, считающие, вероятно, себя верными сынами России, начинаем понемногу сомневаться и поддаваться такой упорной и планомерной пропаганде. А ведь задуматься было и есть над чем!

Обыкновенно, если происходит вооруженное столкновение между двумя государствами, то побеждающая сторона навязывает побеждаемому противнику (более слабому) свои условия, заставляет его признать поражение, просить мира, и навязывает ему свои условия во время мирных переговоров.

На примере России, в войну 1904-1905 года всего этого не было. Войну пришлось вести за 10 тысяч километров от жизненных центров страны, и совершенно естественно, что в какой-то первый отрезок времени противник имел перевес и русская армия медленно отходила, нанося врагу значительный урон. Но Россия не просила мира, не вступала в переговоры... Она знала, что за ней останется последнее слово. Наоборот, временно побеждающий противник, видя, что его силы на исходе, начал искать мира. В ходе войны Япония сделала целый ряд попыток начать мирные переговоры, и не она, а Россия ставила условия, на которых эти переговоры должны были начаться. И начались они, когда Япония их приняла. И заключен был мир скорее на русских, чем на японских условиях. И по главным пунктам: 1) ограничение русских морских сил на Дальнем Востоке, 2) выдача интернированных военных судов и 3) военная контрибуция, которой враг особенно добивался,—Япония должна была уступить. За Южный Сахалин Россия особенно не держалась, т.к. до 1875 года он был японским.

После заключения Портсмутского мира, несмотря на небольшие уступки Японии и распространение ее владычества на Корею, Россия осталась на Дальнем Востоке как великая держава, без

участия которой ни одно политическо-экономическое решение не могло быть проведено. Россия не только удержала, но и закрепила за собой позиции в Северной Маньчжурии и не переставала играть первенствующую роль в Монголии и весьма значительную роль в Китае. И чуть ли не сразу после войны Япония начала искать сближения со своим недавним врагом.

Таким образом, если Япония не имела возможности диктовать свои условия при заключении мира, то ее не следует считать победительницей, а Россию побежденной.

Я ЛИЧНО ПРИДЕРЖИВАЮСЬ МНЕНИЯ ГРАФА ВИТТЕ. ОТКРЫВАЯ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ПОРТСМУТЕ ОН ЗАЯВИЛ: «В НАШИХ ПЕРЕГОВОРАХ НЕТ НИ ПОБЕЖДЕННЫХ, НИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!» И ЯПОНЦЫ НЕ ПРОТЕСТОВАЛИ...

Павел Пагануцци

СНОСКИ

1. Полковник В. Сейфулин.

2. Пишущий эти строки прочитал в Русско-Американском клубе Ст. Питерсбурга, в апреле 1986, доклад «ПОРТ АРТУРСКАЯ ЭПОПЕЯ».

3. Сведения по советским источникам.

4. Однако, в то же самое время русских путешественников (назовем их теперь туристами) встречали в Японии приветливо. В НАГАСАКИ находилась зимняя стоянка русского Тихоокеанского флота. На берегу бухты города раскинулась колония русских моряков. В городе были русские трактиры и гостиницы: «Дальний Восток», «Николаев», «Владивосток» и др. В знаменитом ресторане «Аман Сати» был русский стол: «Чудные блины, с зернистой икрой, ши, борщ...» Во многочисленных чайных, на базарах и во многих других частях города говорили немного по-русски.

5. Эта книга приведена в библиографии.

6. «Погром». П. Краснов. Книга приведена в библиографии.

6*. Некоторые западные военные обозреватели оправдывают быстрое падение Сингапура тем, что он был морской крепостью и все орудия фортов были направлены в сторону моря. Таким же образом, как мы видели, укрепляли и Порт Артур, и все-таки он продержался 326 дней, хотя у японцев для его осады было гораздо больше возможностей, чем для осады Сингапура. И англо-союзные войска, зная о продвижении японцев, во всяком случае, имели какое-то время для фортификации крепости.

7. Мичман Бок, впоследствии капитан первого ранга, после войны жил и скончался в Калифорнии (Сан Франциско).

8. ЧИФУ расположен на южной стороне горла Печелийского залива. Во время войны 1904-1905 годов там находились консулаты всех наций и много журналистов.

Русский консул Чифу, действуя весьма расторопно и энергично, во время осады был важным звеном между осажденной крепостью, действующей армией и Петербургом. Бывали дни, когда гул артиллерийской канонады доносился до Чифу.

9. «ОБОРОНА ПОРТ АРТУРА», генерала Сорокина. См. библиографию.

10. Под конец осады РЕТВИЗАН был затоплен.

11. Пишущий эти строки имел возможность эти фотографии видеть.

12. В задачу этой работы не входит описание войны на море.

13. По воспоминаниям защитников крепости, в героическую летопись о Порт Артуре следует занести также издание независимой газеты «Новый Край». Эта газета печаталась прямо при нечеловеческих условиях, при каких жил и боролся весь Порт Артур, страдая еще и от суровой крепостной дисциплины. Раз газета была приостановлена на целый месяц, раз получила выговор от ген. Стесселя. Газета имела двойную цензуру: военную и морскую. Страдал «Новый Край» и от японских снарядов, и раз редакция получила прямое попадание 11-дюймового снаряда. Таким образом, «Новый Край», разделяя судьбу многострадального Порт Артура, по мере своих сил, возможностей и понимания, вел неуклонно правдивую историю этой выдающейся эпопеи.

14. Капонирами назывались находившиеся на дне резерва, скрытые от артиллерийского огня осаждающих, сооружения, в которых ставились пулеметы и другие скорострельные орудия, обстреливавшие ров продольным огнем.

15. Дудоров, Борис. Контр-адмирал. «В ПЛЕНУ».

16. Порт Артур пал 2 января (по новому стилю) 1905 года.

17. Описание ХРАМА ПАМЯТНИКА заимствовано из журнала «ЧАСОВОЙ» за 1952 год.

18. Трудно обойти молчанием и не реагировать на все эти ложные доводы. Нужно только сделать соответствующие сравнения чтобы убедиться в этом. Советская военная машина во Вторую мировую войну имела много бездарных военачальников, начиная с «генералиссимуса» Сталина, загубившего своей глупостью миллионы. Вспомним и бывшего вахмистра Буденного, за полную бездарность снятого с поста командующего армией... Россия была страной миролюбивой, а поэтому на вооружение тратила мало. Сталин годами готовился к войне всеми способами, а когда она разразилась, часть солдат погнал на фронт с голыми руками. Экономика старой России была таковой, что она стояла на первом месте в мире по производству хлеба. И во время Первой мировой войны недостатка в питании не ощущалось. Мало того, в гражданскую войну, в то время, как в областях под властью красных свирепствовал голод, даже в «голом» Крыму правительство ген. Врангеля обеспечило армию и население питанием. Японские потери в войну 1904-1905 гг. превосходили русские. Бессмысленные потери советской армии в минувшую войну были просто фантастическими. Даже когда Красная армия приближалась победоносно к Берлину, имея более чем двойной перевес в живой силе и оружии, по милости Сталина и Жукова, в последнем налете было загублено 300 тысяч солдат и офицеров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Для этой работы использованы следующие источники:

1. Булгаков, Ф. В. *ПОРТ АРТУР.* Японская осада и русская оборона его с моря и суши, в двух томах. С.-Петербург, 1905. С многочисленными иллюстрациями и портретами.

2. Краснов, П. *ПО АЗИИ.* Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. Издано при пособии Военного Министерства с

многочисленными иллюстрациями и цинкографиями. С.-Петербург, 1903*.

3. Краснов, П. *В МАНЬЧЖУРСКОЙ ГЛУШИ*. Литературные приложения *НИВЫ* за апрель-июнь 1904 года. С.-Петербург.

4. Краснов, П. *ПОГРОМ*. Из русско-японской войны. Петербург, изд. «Свет», 1907.

5. *ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ в лето от Рождества Христова 1904, от сотворения мира 7412*. С.-Петербург. Издание Березовского, обложка художника Билибина. Роскошное издание с многочисленными фотографиями и картами**.

6. Многочисленные разрозненные воспоминания участников обороны Порт Артура и другие мелкие источники.

7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С.-Петербург, 1907.

Советские источники:

8. Степанов. *ПОРТ АРТУР*.

9. Сорокин, А. ген. *ОБОРОНА ПОРТ АРТУРА*, Москва, 1952.

Примечания

* П. Н. Краснов, генерал от кавалерии, донской атаман и известный русский писатель.

** Книги от 1 до 5 (включая) являются библиографической редкостью.

ВСЕГДА ГОТОВА ЗА РОССИЮ

Так как Владимир Васильевич Бодиско, чьи статьи я постоянно и с интересом читаю, в своей статье «Cogito ergo sum» призывает к полемике, и ввиду того, что он затрагивает вопросы современности, с которыми нам, «Руководителям О.Р.Ю.Р.», приходится сталкиваться, принимаю вызов и «Иду на Вы»! Оба мои прадеда и деда, а также отец и дяди окончили 1-ый Московский Кадетский Корпус были офицерами Императорской, а отец и дяди и Добровольческой армии. Родись я мальчишкой, я бы несомненно окончила Крымский Кадетский Корпус. Благодаря моей дружбе со многими крымцами, мне близки и понятны основные девизы, так как они в этом же виде прививались мне отцом.

«За Веру, Царя и Отечество». Мне кажется, что Владимир Васильевич слишком вскользь касается этих вопросов, концентрируясь главным образом на возможности величайшего ужаса, 3-ей мировой войны, и утверждая, что есть Россия прошлого и есть Россия будущего, и что нет России настоящего. Я не буду касаться вопросов войны, мировой политики, лояльности или критики этого, а прямо перейду к разбору основных девизов и утверждения несуществования современной России.

Возьмем первое—«Веру».

Несомненно каждый мыслящий человек не остановился на том, что преподавалось ему в тоненьком школьном учебнике Закона Божия. Перед ним в этой области открыты огромные возможности, но, к сожалению, немногие из нас пользуются ими. Если постоянно и внимательно перечитывать 4 Евангелия, Деяния и Апостольские Послания, не говоря о богатейшей религиозной литературе,—каждый найдет в этом то духовное равновесие, которое именуется «Верою». Православные же мы—потому, что Православие есть часть нашей русской истории. Оно так связано и переплетено с нею, что нельзя отделить историю России от истории Русской Православной Церкви, не исковеркав того и другого. Для религиозно мыслящего человека ни Иона во чреве кита, ни четыре юрисдикции не имеют никакого значения и не могут нарушить равновесия его Веры. Через все существование «Веры Христовой» были и расколы, и ереси, и изуверы, и апокрифы, и взлеты, и падения,—но вчитываясь внимательно в текст Нового Завета, мы видим, что все это есть предначертанный тернистый путь из мира несовершенного в совершенный мир. В разборе вопроса России сегодняшнего дня я коснусь этого вопроса с другой стороны.

Второе: «за Царя» (предполагая это, мы говорим не о прошлом, а о будущем). Для того, чтобы говорить о монархии в будущем, следует иметь лицо или прочимое, из рядов династии, на престол, или предполагаемое к избранию на царствование. Личность предполагаемого монарха вероятно определит надобность или меру конституционных ограничений. Ведь по Солженицыну и Сталин грезил царской короной. Без имени кандидата разрешать вопрос о будущей монархии будет весьма трудно. Ответ на этот вопрос будет подобен ответу пономаря из сербской шутки, который на вопрос, почему не звонили колокола в его церкви, ответил: «Нисмо звонили из седам розлога: прво нисмо имали звоно» (Мы не звонили по семи причинам: первая—у нас не было

колокола). Задумываться над вопросом образа правления будущей возрожденной России конечно следует, однако окончательное решение в данное время находится вне нашей компетенции, так как разрешать его нужно будет не здесь. Монарха сотворит Россия.

Теперь третий, самый трудный и животрепещущий вопрос «Отечество».

Он особенно труден для всех тех, кто вкладывает все силы в борьбу с денационализацией русского юношества, борьбу, которая с каждым годом, месяцем и днем делается все труднее и запутаннее. Мы—разведческие руководители ОРЮР, считаем эту борьбу нашей главной задачей, иначе существование ОРЮР—бессмысленно. Нам кажется, что надо разъединить часто слитое воедино понятие «Родина» и «Отечество» или «Отчизна». Ребятам становится ясно, они родились, например, в Австралии,—это их родина, но откуда их корни? где могилы их предков? где все то (как бы они ни любили Австралию и ни были австралийцами)—без чего они беспочвенны? Очень известный психологический пример это усыновленные в младенчестве дети, даже если у них хорошие и любящие приемные родители и счастливая семья. Очень часто у них с возрастом появляется беспокойство и навязчивое желание докопаться, кто их настоящие родители и где их корни. Не знаю, правы ли мы, внося известный внутренний разлад в возможно мирно буржуазную жизнь ребят, можем ли мы, создавая жажду, утолить ее, это на нашей совести, но часто, даже в моменты сомнений, вдруг маленький случай покажет: «правы». Для примера возьму моих внучек. Их родина Австралия и родной язык английский: между собой говорят и на нем думают. Борясь с их денационализацией, и дома, и в разведчестве, я никогда с ними иначе как по-русски не разговаривала, и сын тоже. Обе прилично, для их поколения, знают русский язык, могут читать и писать и имеют представление о русской истории, включая современную. Сын считает, что сделали мы недостаточно. Но: старшая Анна решила менять предмет истории (английская и австралийская) на другой предмет, говоря, что история ей неинтересна. Когда же я спросила: «как же ты с таким интересом и так хорошо сдала русскую историю на 1-й разряд»?—Анна с удивлением ответила: «Так это была история моей отчизны». Не знаю, удовлетворил бы Владимира Васильевича этот ответ? Меня он удовлетворил, и Анна не единичный случай. Это дает силы и веру в целесообразность нашего трудного и ответственного пути, но вес бы это было бессмысленно и даже преступно без веры в «Живую Душу России».

Перейдем на еще более трудный вопрос «Россия сегодняшнего дня». *М. Волошин*:

«Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров,
Народный не уймут костер.
Они уйдут спасаясь от пожаров
На дно серебряных озер».

Волошин был неправ, а именно Сергиев, Оптина и Саров спасают и спасут «Живую Душу России», и это не в первый раз: вспомним Церковь во время татарского ига. Я согласна со всем тем, что пишет В. В. о демонически разрушительной работе Советской власти—все этот так, но будущая великая Россия не может возродиться из ничего, если светоч русской души угас, и от русской души лишь остался погост. Защиту мою построю я исключительно на примерах:

Пример первый: Пригласили меня на днях друзья на «Интересный сюрприз», и сюрприз был и более чем интересный. Два австралийца-студентика, пишущие тезис при русской кафедре Мельбурнского Университета, поехали в Россию за живыми впечатлениями. У них в карманах были маленькие аппараты для звукозаписи, и они запаслись лентами—безобидные иностранные туристы—и дали одну ленту моим друзьям. Друзья включили ленту—разговор на станции автобуса, ломаный русский язык, вопросы почему заперто Кириловское подворье—отвечает женский, простонародный, московский говорок, что тут службы лишь изредка, и задается вопрос,—верующие ли они? На утвердительный ответ идет разговор дальше, и она уговаривает их поехать с ней в Лавру Преподобного Сергия, куда на автобусе она едет на праздник. Лента замолкает, и вдруг, через посторонний шум сначала далекий, а затем все слышнее перезвон колоколов. «Куда зовет призывной и не здешний—подводный благовест церквей?» Сквозь посторонний шум—голоса и шарканье ног—вдруг возглас дьякона «Оглашенные изыдите!», голосом шаляпинской силы, и началась «Херувимская», огромный чудный хор—и дисциплина, и голоса. Стояли они далеко, или голос у священника, возможно, старого, был слабый. Возгласов священника не было слышно, но народ запел «Верую», очень много разных голосов и не так стройно, но петь так могут только верующие. К сожалению, после этого лента кончилась.

Пример второй: Уже года два как вдоль западного берега Австралии плавают два туристических парохода, «Александр Пушкин» и «Михаил Лермонтов»—последний недавно потонул у

берегов Новой Зеландии; спасены были все туристы, в один голос хваливше смелость и расторопность команды, но не в том дело. Сезон плавания совпадал с нашими лагерями, и мы лично не могли поехать, но наши кумовья поехали. Пароход «Михаил Лермонтов» попал в крыло тайфуна, что в тех водах переживание не из уютных. Наша кума вдруг заметила, что где-то потеряла образок—древнее благословение семьи. Стала искать с плачем и в ужасе, и вдруг матросик дает ей что-то в руку и шепчет: «Успокойся, мы найдем твой образок, возьми пока мою иконку, она у Иверской освящена» и дает ей бумажную оклееную иконку Иверской Богоматери. Оля рассказывала как она сразу успокоилась. Образок ее был найден другим матросом, и тот отказался от вознаграждения. Возвращая иконочку, Оля троекратно матросика поцеловала, как сестра брата.

Пример третий: Моя подруга с мужем безобидные, тихие, глубоко верующие люди, поехали в Россию в группе туристов. В бытность в Киеве, гид повел их во Владимирский Собор, посмотреть роспись Васнецова. Шла служба, и группе туристов войти было невозможно,—стояла сплошная стена прихожан. Гид повел туристов дальше, обещая вернуться в более удобное время. Но моим друзьям уходить не хотелось, они остались, и из-за невозможности войти, прямо на паперти встали перед входом на колени и вдруг, как чудом они были подняты под руки и очутились во храме, не успевши даже разглядеть, кто их поднимал. В храме было достаточно места, стоял гроб и шло отпевание. Не успели они опомниться, как в их руках оказались зажженные тонюсенькие свечки, а кругом были бесстрастные лица. Надо ли говорить, с каким подъемом друзья молились.

Пример четвертый: Наш друг полуавстралиец (мать русская), прекрасно говорящий по-русски и очень образованный человек,—тоже попал с группой туристов в Киев, и с гидом в Лавру и Пещерки. С группой туристов шла группа крестьян. Девченка-гид читает по подстрочнику свою галиматью и, дойдя до одной раки, читает, что тут был обман—не мощи святого, а кости собаки. Выслушавши, крестьяне опустились на колени и отдали земной поклон. Случай взбудоражил девчонку-гида, она покраснела и вдруг заметила, что на двух туристах шапки, и строго (инстинктивно) сказала: «а шапки здесь снять». Я умышленно не касаюсь ни преследуемых мучеников за веру—о них всюду пишут, ни большой работы «Keston College» в Лондоне, куда вношу мою лепту через племянницу—известного деятеля Анну Кожевникову (урожденную Бердникову), а как пример ставлю обычных маленьких русских

обывателей. То есть обыкновенный русский народ. Я сама не ожидала, какое беспокойство я буду ощущать при катастрофе Чернобыля, за Киев—город моего детства и гордость за тех героев, которые знали свой страшный мученический конец—и спасали, и гасили, и жертвовали собою.

Душа русского народа—жива.

Скм. **И. В. Халафова** (урожденная Комарова)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА».

Дорогой Николай Васильевич!

Обращаю твое внимание на неувязку в статье Владимира Бодиско, опубликованной в No 40 журнала.

Прочел я эту статью будучи на кадетском съезде в Канаде. Для меня в ней все сводится к обсуждению и критике «трех кратких слов» (которые, кстати, у нас в корпусах всегда писались с большой буквы).

Я полагал, что отвечать на нее должны были старшие кадеты, которым мне, как молодому, следовало уступить эту честь. Но ответа, по крайней мере удовлетворительного ответа, ни от старых, ни от молодых не последовало. Поэтому я беру на себя смелость, хоть и поздно, ответить на эту статью. Ответить ясно, коротко и просто.

Со времени Императора Петра Великого, который основал в Москве первый корпус «Школу матиматических и навигационных наук», и до последних дней существования последнего «Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса» в Югославии, кадетам внедрялось «то, что потом формировалось в целое и крепкое мировоззрение, основанное на вере в Бога, на преданности Царю и Родине». Вообще в корпусах «было нечто такое, что без слов говорило им об этих высоких понятиях».

В основу воспитания кадет в России, а позже и за рубежом, было положено указание Императора Николая I, гласившее: «Воспитанник кадетского корпуса должен стать христианином, верноподданным, добрым сыном, надежным товарищем, скром-

ным и образованным юношей».

Мировоззрение кадет старой России, а также кадет за рубежом, «было ясным и простым, и это мировоззрение культивировалось во всех стенах кадетских корпусов, независимо от цвета их погон. Душа у всех кадет была одна, находился ли корпус в Петербурге, Москве, Полоцке или Симбирске». Поэтому-то в годы гражданской войны кадеты не приняли революцию но принимали деятельное участие в борьбе с большевиками. Вот что говорит о них поэтесса Снасарева-Казакова.

«Как звезды были их глаза—
Простые, русские кадеты;
Их здесь никто не описал
И не воспел в стихах поэта.
Те дети были наш оплот.
И Русь поклонится их гробу;
Они все там до одного
Погибли в снеговых сугробах...»

(Взятое до сих пор в кавычках позаимствовано из книги Анатолия Маркова—«Кадеты и юнкера».)

Те, кто уцелел, и та их смена, к которой принадлежали и мы, попали в заграничные корпуса, и им там внедрялись те же ясные и простые понятия, что и в корпусах России.

Вот что говорил кадетам-крымцам, прощаясь с ними, генерал Римский-Корсаков:

«Мои дорогие, горячо любимые внучата!

...Я вполне уверен, что все вы сумеете донести до нашей истерзанной родины святые заветы, которыми вы проникнуты, и которые выражаются тремя краткими словами: Бог, Царь, Родина. Причем последние два слова у вас, как и всех кадет наших прежних славных корпусов, сливаются в одно нераздельное целое, ибо Царь неотделим от Родины, Родина же от Царя, ибо Царь по нашим верованиям является живым осуществлением Родины, ее чести, славы, доблести и силы».

В Донском Императора Александра III Кадетском Корпусе нам внедрялись, конечно, те же понятия. Вот выдержка из всем известного стихотворения кадета этого корпуса Н. Воробьева:

«Много было вас в стране далекой,
Малышей с душой богатыря;

Вас в одно вязал девиз высокий
За Отечество, за Веру, за Царя!
Стены корпуса в Хабаровске ль, в Полтаве,
В Петербурге ли, в Тифлисе ль, на Дону
Говорили нам о старой русской славе
И о том, как чтить родную старину.
Как лелеять прадедов заветы,
Шелест ветхих боевых знамен,
Имя гордое «Русские кадеты»
И с сургучным вензелем погон».

В Первом Русском Вел. Князя Константина Константиновича Кадетском Корпусе не могло быть иначе. Вот выдержка из его Звериады:

«Там Русский корпус был основан
Сплоченный массою кадет,
Одною верой крепко скован,
Одной традицией согрет.
Мы верим в силу Провиденья,
Взойдет счастливая заря,
Когда в пылу святого рвенья
Умрем за Русь и за Царя».

(Взятое в кавычки до сих пор позаимствовано из книги, изданной Объединением Кадет Российских Кадетских Корусов—«Кадетские Корпуса за рубежом».)

Дорогой Николай Васильевич! Мы, кадеты русских кадетских корпусов за рубежом, просто не смеем подвергать критике священный девиз «За Веру, Царя и Отечество», и уж никак на страницах нашего кадетского журнала. Больше того, памятуя то, что с этим девизом на устах шли умирать на полях сражений наши славные предки, наши деды и отцы и наши современники-кадеты—он должен даже быть и девизом нашего кадетского журнала.

Этот девиз является наследственной аксиомой нашего существования, как русских и как кадет. Без этого девиза мы не можем называться кадетами. Без этого девиза мы теряем связь с кадетами старой России и превращаемся в простых бывших учеников русских заграничных школ.

Мы знаем, что наша Вера прекрасна—у нас, подобно первым мученикам христианства—целый сонм Новомучеников во главе со святым русским Царем.

Наш Царь, подобно св. Александру Невскому, подобно

святым сербским Королям, принял мученическую смерть от руки безбожников и богоборцев. Мы верим, что придет время, и имя его будет сиять неизъяснимым светом!

Мы утверждаем: наше Отечество—великая вечная Россия. Она возвеличивается в своих поражениях еще больше, чем в своих победах!

Выражение Декарта, которое, оказывается, не принадлежит старым римлянам, показывает отличное от материи бытие человека. Бытие нас, кадет русских кадетских корпусов, определяет девиз славной великой и вечной России: «За Веру, Царя и Отечество». Этот девиз учит нас и вмещает в себе

Все благородное: отвагу, доблесть, долг,
Лихую удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и Вере православной.

Желаю всего доброго, Твой

БорисПлотников.
Каракас, Венесуэла.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ. Благодарим Бориса Евгеньевича Плотникова за его письмо в редакцию так полно освещающее великие принципы, на которых в России покоилось воспитание юношей в военно-учебных заведениях. Служение «Вере, Царю и Отечеству» было тем факелом, который привел военную молодежь в донские степи, чтобы светом своим осветить мрак окаянной марксистской революции. Нельзя не согласиться с основными тезисами этого письма, однако упреки, брошенные В. В. Бодиско, что он коснулся запрещенных тем (по мнению автора письма), и редакции за напечатание статьи кажутся нам необоснованными. В. В. Бодиско, по нашему разумению, не «критиковал» заветные «три кратких слова», а обсуждал их в условиях нашей современности. Разве можно назвать критикой обсуждение самодержавной и конституционной монархий, если сам покойный Государь в акте отречения от престола в пользу Вел. Кн. Михаила Александровича писал: «Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены...»

Упрек редакции за напечатание статьи отвергаем полностью. Статья написана кадетом в кадетский журнал с целью обсудить волнующие его вопросы современности. Для того и существует семья, чтобы совместно разрешать возникающие проблемы. Разве можно уклониться от настоящего, в какой-то мере нами созданного, и за которое, как бы мы ни прятались за прошлое, мы несем ответственность перед историей. Без взаимных упреков, на интеллектуальном уровне, мы должны обсудить волнующие нас вопросы. В этом, мы убеждены, и есть кадетская перекличка.

Н. В. Козякин

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

главному редактору *Нового Русского Слова*

г-ну АНДРЕЮ СЕДЫХ

Многоуважаемый г-н Седых:

Когда я прочитал Ваши «Заметки редактора», посвященные недавно умершему б. ген. Григоренко, я был шокирован. Не верилось, что в Вашей газете, в статье, подписанной Вами, участники Белого Движения могут быть названы «белой сволочью», хотя это и была цитата из рассказа пок. Григоренко.

Дав время остынуть своему возмущению, я послал Вам письмо в редакцию, которое Вы не нашли нужным напечатать, и мне приходится выступить в другом органе печати с этим открытым письмом, т.к. промолчать значит согласиться.

Я был участником гражданской войны и был той «белой сволочью», о которой бывший сталинский генерал упоминал в придуманном им рассказе. Такой же «белой сволочью» был доброволец, студент-еврей, рядовой нашей батареи, погибший геройской смертью в бою 30 сентября 1918 г. Такой же «белой сволочью» был и мой близкий товарищ и друг, еврей, подпоручик Конной артиллерии, расстрелянный немцами в 1943 году во Франции.

При освобождении городов от красных, народ радовался приходу «белых» и горько оплакивал своих родных и знакомых, умученных и расстрелянных чекистами. В ЧК же распоряжались и творили расправу без суда звери в человеческом облике, главным образом твари не русского происхождения.

Ни в одном из занятых белыми городов не было «демонстраций», как повествовал красный генерал, с лозунгом «бей жидов—спасай Россию». Таких явлений Белая власть никогда не позволяла. Это ложь, и это я утверждаю.

Я также утверждаю, что банды Махно, Григорьева и прочих «батек» и «атаманов», углублявшие революцию и воевавшие против белых, громили «буржуев» и устраивали еврейские погромы.

Зачем нужно было оскорблять память людей, жертвовавших своей жизнью для защиты Родины от красного опыта, горя и беды.

С совершенным почтением Инж. **В. Матасов.**

ВЕРНОМУ ОТ ВЕРНЫХ

60 лет со дня смерти поэта и воина Ивана Савина

Я держу в руках тонкий серебряный портсигар, держу его с глубоким душевным волнением. На внутренней стороне выгравирована надпись:

Ивану Саволайнену (Савину) - Верному от верных - 21/2 1924 - Гельсинфорс

Поэт получил этот портсигар от Кружка молодежи, в котором был председателем. Мне же этот ценный подарок сделала несколько лет тому назад вдова поэта, Л. В. Сулимовская. И каждый раз, когда я касаюсь его, и вспыхивает в памяти все то, что известно об этой короткой, но ярко сверкнувшей жизни, восстает в душе горькая обида на судьбу. Ведь не часто в человеческой массе появляются такие необыкновенные личности. «Верному от верных»—эта надпись сразу выделяет драгоценную черту характера—верность. И в данном случае это верность России. Имея очень мало русской крови, Иван Савин в душе был русским до самозабвения и своей жизнью доказал это. Его родословная довольно сложная: дед по линии отца, чистокровный финн, был женат на гречанке. У деда со стороны матери, молдаванина, жена была русская. Отец Савина женился на вдове с детьми, и у Ивана, кроме родных брата и сестры, было три брата и две сестры сводных. Это была большая, дружная семья, до конца растворившаяся в русскости, и этим объясняется ее трагедия: все сыновья ушли добровольцами в Белую армию. Двое погибли в бою, двое были расстреляны большевиками. Иван Савин, заболевший во время эвакуации тифом, попал в плен к большевикам, и только в 1922 г. его выпустили в Финляндию.

В Гельсинфорсе он вскоре включился в жизнь русской колонии, стал сотрудничать в русской зарубежной прессе, вошел в Кружок молодежи и был выбран председателем Кружка. Можно представить себе, как отнеслась к нему молодежь, оценившая не только его обаятельную личность, но и его блестящий талант.

Стихи писать он начал очень рано, и я верю, что именно творчество помогало ему в тяжелое время. Вот стихотворение с описанием боя и с совершенно неожиданным концом.

Это было в прошлом на юге,
Это славой теперь поросло.
В окруженном плахою круге
Лебединое билось крыло.

Помню вечер. В ноющем гуле
Птицей несся мой взмыленный конь.
Где-то тонко плакали пули.
Где-то хрипло кричали: огонь!

Закипело рвущимся эхом
Небо мертвое! В дымном огне
Смерть хлестала кровью и смехом
Каждый шаг наш. А я на коне.

Набегая, как хрупкая шлюпка
На девятый, на гибельный вал,
К голубому слову—голубка—
В черном грохоте рифму искал.

Мы видим, что даже в такие минуты Муза не оставляла поэта. До сих пор невозможно читать без волнения его военные стихи, его «походные песни». Недаром он навсегда остался любимым поэтом не только тех, кто сам прошел войну и все с ней связанное, но и тех, кто знает от других об этом времени. Такие стихи, как Первый бой (Я крикнул товарищу: «Слушай,/Давай за Россию умрем»), или из стихов, посвященных Корнилову:

.....
Есть умиранье в теперешнем
В прошлом бессмертие есть.
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.
Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив.
Слышу его укоризненный
Смертью венчанный призыв—
Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ.
Слышите, сердце Корнилова
В колокол огненный бьет!

или Галлиполи и другие такие стихи отзываются в душах до сих пор, представляя собой осколки истории тех лет.

Обычно все писавшие и пишущие о творчестве Ивана Савина делают упор именно на его патриотические стихи, совершенно обходя его любовную лирику. Это понятно, т.к. его лирика и, особенно, любовная не представлена большим количеством стихов. Но качественно это высокая поэзия, поражающая неожиданными образами и необычайной музыкальностью.

Когда палящий день остынет
И солнце упадет на дно,
Когда с ночного неба хлынет
Густое, лунное вино,

Я выйду к морю полночь встретить,
Бродить у смуглых берегов,
Береговые камни метить
Иероглифами стихов.

Маяк над городом усталым
Откроет круглые глаза,
Зеленый свет сбежит по скалам,
Как изумрудная слеза.

И брызнет полночь синей тишью.
И заструится млечный мост...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звезд.

И, опьяненный бредом лунным,
Ее сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам
Забытым сердцем, как смычком...

Еще в 1920 г. Савин писал:

Как это быстро все свершилось
Пришла, любила и ушла
Но мне еще так долго снилась
Неверных глаз пустая мгла

Повидимому он пережил какую-то любовь, оставившую горький след в душе. У Савина в нескольких стихотворениях прорываются строчки, полные обиды, разочарования, чувства потери.

Ты одна беспощадно утеряна,
Ты одна нестерпимо близка.

И дальше:

Дай не помнить тебя. Отпусти!

Или;

Пять лет, пять долгих пыток
Прошли. И ты прошла.
Любви и веры свиток
Ты смехом залила. *И т.д.*

Приведу полностью следующее стихотворение:

А проклянешь судьбу свою,
Ударит стыд железной лапою,—
Вернись ко мне. Я боль твою
Последней нежностью закапаю.

Она плывет, как лунный дым,
Над нашей молодостью скошенной
К вишневым хуторам моим,
К тебе, грехами запорошенной.

Ни правых, ни виновных нет
В любви, замученной нечаянно.
Ты знаешь... я на твой портрет
Крещусь с молитвой неприкаянной...

Я отгорел, погаснешь ты.
Мы оба скоро будем правыми
В чаду житейской суеты
С ее голгофными забавами.

Прости... размыты строки вновь...
Есть у меня смешная заповедь:
Стихи к тебе, как и любовь,
Слезами длинными закапывать...

В Кружке молодежи Иван Савин встретил Л. В. Соловьеву, и необычайной нежностью звучит посвященное ей стихотворение:

Л. В. Соловьевой

Птичка кроткая и нежная,
Приголубь меня!
Слышишь—скачет жизнь мятежная
Захлестав коня.
Брызжут ветры под копытами,
Грива—в злых дождях...
Мне ли пальцами разбитыми
Сбросить цепкий страх?
Слышишь—жизнь разбойным хохотом
Режет тишь в ночи.
Я к земле придавлен грохотом,
А в земле—мечи.
Все безумней жизнь мятежная,
Ближе храп коня...
Птичка кроткая и нежная
Приголубь меня!

Мне разрешено вдовой дать в этой статье одно, еще нигде не опубликованное, стихотворение, посвященное ей—тогда еще Л. В. Соловьевой—2 авг. 1924 г.

Есть в любви золотые мгновенья
Утомленно-немой тишины:
Будто ходят по мрамору сны,
Рассыпая хрустальные звенья.

Загорается нежность светло
В каждой мысли случайной и зыбкой,
И над каждой бессвязной улыбкой
Голубое трепещет крыло.

Иван Савин и Л. Соловьева повенчались в ноябре 1924 г., и последние три года были годами счастья, спокойствия и интенсивного творчества. В эти годы были написаны рассказы «Дроль», «Трилистник», «Моему внуку», «Лимонадная будка» и др., и повести «Плен», «Правда о 7000 расстрелянных» и т.д. В это же время произошло знакомство поэта, а позже и дружба, с художником Репиным, поездки в Куоккалу, на Валаам и т.д. Казалось, что жизнь, наконец, наладилась. Но—внезапный припадок аппендицита, последовавшее за этим заражение крови и,

в результате, смерть в 28-летнем возрасте. Нет, судьба осталась до конца беспощадной к этому человеку.

Прошло 60 лет, но он не забыт, его стихи все живы и близки нам. Сборник «Ладонка» был издан трижды. Вдова И. Савина, Л. В. Сулимовская, посвятила все свои силы тому, чтобы не угасла память о поэте, и, после долгой и кропотливой работы, подготовлен к выходу сборник произведений Ивана Савина, под названием «Только одна жизнь», куда войдут и стихи и проза. Будем ждать с нетерпением выхода этой книги, чтобы снова встретиться с прекрасным поэтом, большим русским патриотом и необыкновенным человеком—Иваном Савиным.

Июль 1987 г. **Нонна Белавина**

«ЗНАМЯ—СВЯЩЕННАЯ ХОРУГВЬ»

Странно, и даже очень. С тех пор, а именно с 1919 г., прошло более шестидесяти лет, и за все это время я никогда, ни разу, не вспомнил того случая, о котором сейчас хочу рассказать и который сам по себе является наиболее выдающимся и даже загадочным из всех пережитых мной за всю мою службу в рядах Добровольческой Армии. Никогда не вспомнил об этом даже тогда, когда рассказывал друзьям о всяких других интересных случаях из моей военной жизни. И только недавно, сумерничая в одиночестве, я вдруг вспомнил этот случай, и так ярко он мне представился во всех подробностях, точно случилось это только на днях.

1919 г. Добровольческая Армия прочно занимала г. Екатеринодар.

Я в это время служил офицером связи в штабе полковника Тимоновского, командира 1-го Марковского полка, входившего в то время в состав гарнизона города. Тут же в штабе, в качестве помощника и заместителя полковника Тимоновского находился и полковник Н. Н. Дорошевич (последний командир моего родного Л. Гв. Гренадерского п-ка).

По воле и желанию начальства решено было сформировать. выделив все что можно, новую часть, Сводно-Гвардейский полк.

За несколько дней, эта идея была оформлена, был сформиро-

ван новый, Сводно-Гренадерский полк, двухбатальонного состава, да и то далеко не полного. Командиром нового полка был назначен полковник Дорошевич, а он назначил меня адьютантом.

Состоялся торжественный молебен в войсковом соборе, затем парад на площади с церемониальным маршем, чем и закончилось торжество.

В этот же вечер было получено распоряжение,—полку быть готовым к выступлению на следующее утро. Полк еще не был снабжен вооружением; кроме винтовок да нескольких патронов оказавшихся в подсумках больше ничего не было. Но боевой приказ не выполнить невозможно, да еще плохо себя зарекомендовать, как новая часть, тоже нельзя.

Итак, утром мы выступили (как выяснилось, шли под г. Армавир, занятый красными). Боевой группой войск командовал генерал Казанович. В эту боевую группу входили и марковцы, и, насколько помню, дроздовцы. Нам был назначен самый правофланговый участок, правее нас не было никого.

Переночевав в каком-то промежуточном селе, мы ночью выступили дальше, чтобы с рассветом занять исходную позицию для штурма города. Подойдя к указанному рубежу, полк развернулся и занял исходное положение. Штаб полка (командир п-ка, адьютант и два конных казака для связи) разместился среди трех больших стогов сена, стоявших в открытом поле. Это было единственное укрытие, где противник не мог нас видеть.

С рассветом начался бой, сразу принявший ожесточенный характер. Очень быстро израсходованы были те немногие патроны, которые люди имели в своих подсумках. Я все время посылал донесения генералу Казановичу, находившемуся в штабном вагоне на железнодорожной линии, с требованиями срочного подкрепления патронами, но все оставалось без результата. Красные, быстро обнаружив нашу беспомощность, перешли в энергичную контратаку и, конечно, легко сбили нас с занимаемой позиции, несмотря на отчаянное сопротивление. Люди отбивались прикладами, но, конечно, долго это продолжаться не могло, началось вынужденное отступление.

Полковник Дорошевич, видя такую обстановку, решил идти сам, чтобы сделать что возможно и остановить отходящих бойцов.

Остановившись передо мной, он в тоне приказания сказал мне, чтобы я взял у казака лошадь и ехал в тыл, на железнодорожную будку, где расположен наш передовой перевязочный пункт.

Я было запротестовал, как же я могу его оставить в такой момент, но он строго меня одернул, сказав «не рассуждать, это мое боевое приказание» и прибавил: «не забудь, что на тебе наше полковое знамя». (Старое боевое знамя Л. Гв. Гренадерского п-ка висело на моем плече, уложенное в специальную кожаную сумку, и я был ответствен за его сохранность.)

При таком обороте дела мне оставалось только взять руку под козырек и сказать «слушаюсь, г-н полковник».

Повернувшись, я подошел к казаку, который подал мне своего коня, вскочил в седло и перекрестившись дал шпоры коню, который к ним не привык. Конь ринулся вперед и сразу понесся полным ходом, а я в тот же момент увидел, что я скачу навстречу красной каваленрии, которая обошла нас с правого фланга, где правее нас никого не было, вошла нам в тыл и пошла на нас в атаку.

Но думать уже было поздно, да и изменить что-нибудь в создавшихся условиях было невозможно. Конь нес меня полным аллюром против красной конницы. Отдельные всадники проскакивали мимо меня с двух сторон в расстоянии двадцати-тридцати шагов; правда я ни с одним из них не столкнулся вплотную, но ведь я был в офицерской форме, с золотыми офицерскими погонами на плечах, в офицерской фуражке со старорежимной кокардой. Все эти подробности отлично можно видеть на таком расстоянии, но ни один из всадников не обратил на меня внимания и даже на то, что я скачу в обратном для них направлении.

Так я проскакал приблизительно версту, когда наконец подскакал к переезду через железнодорожную насыпь; переехав на другую сторону насыпи, я очутился у железнодорожной будки, где нашел наш передовой перевязочный пункт с доктором Родичевым во главе и с сестрой Шурочкой, с которыми мы вместе служили и каждый день встречались в штабе полковника Тимоновского.

После предельного нервного возбуждения наступила реакция, я просто свалился с лошади и... разрыдался. Может быть это было и не совсем по-мужски, но ведь я и был-то в то время не весьма мужчинистый, ведь мне было только девятнадцать.

Доктор с сестрой взяли меня в оборот, стали приводить в чуство и, успокоив и накормив меня, уложили тут же спать.

На другое утро, чуть свет, все мы уже были на ногах, и, мобилизовав всех, кого было можно, мы отправились в поле на поиски погибших во вчерашней трагедии. Одного из первых нашли

и подобрали зарубленного и изуродованного моего командира, полковника Дорошевича, неподалеку от тех трех стогов сена, где мы с ним расстались. Много подобрали погибших, зарубленных в этот день.

Армавирская операция не удалась, и погибшие в этом бою оказались напрасной жертвой.

О том, что случилось со мной, я совершенно не думал и не отдавал себе отчета, насколько происшедшее невероятно и неправдоподобно. Мной всецело владела мысль о том, что мне, слава Богу, удалось так удачно выполнить приказ командира, и я был вполне удовлетворен, что я выполнил свой воинский долг. Ни о чем другом я не задумывался.

Итак, я СПАС ЗНАМЯ Л. Гв. Гренадерского п-ка.

Но что такое «знамя»? Старый Воинский устав Внутренней Службы так определяет это понятие: «Священная хоругвь (равнозначущая иконе), которой Государь благословляет своих воинов на трудную и верную военную службу в мирное время и на воинские подвиги во время военное». Но если так, то мы знаем сколько ЧУДОТВОРНЫХ икон на Руси. Почему же не быть и «Священной Хоругви» чудотворной? И это является единственным ответом на вопрос, над которым я теперь непрестанно задумываюсь. Как это все могло случиться и как для меня лично могло окончиться столь благополучно.

Да, я СПАС ЗНАМЯ, но и ЗНАМЯ СПАСЛО МЕНЯ.

Знамя это цело и сейчас и находится в верном и сохранном месте, где пробудет до воскресения нашей Родины, Великой РОССИИ.

Кап. **В. Высоцкий**

ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ
в Мурмелоне

Мурмелон—небольшой клочек земли во Франции, который был полит кровью офицеров и солдат Русского экспедиционного корпуса во время Первой мировой войны, отправленного во Францию на помощь французской армии. Узнав о революции, часть из них вернулась в Россию, но многие остались верны союзникам и сформировали «Легион Чести». С помощью французов в Мурмелоне была воздвигнута небольшая церковь, а рядом кладбище, могилы с крестами и именами русских воинов, павших за Францию. Посередине большая братская могила 250-ти неопознанных воинов. На католическую Троицу сотни паломников из Франции, Бельгии, Германии, Люксембурга, с хором из Парижа, присутствуют на обедне и панихиде на кладбище. Обед в больших палатках. Приходят французские ветераны, у ворот их дети с флагами разных полков и с трубачами. Французский полковник, начальник всего лагеря. Я видел много пожилых женщин на коленых с платками в руке. Я шел в глубину кладбища. И вспомнилось мне, как в 1918 году, в один чудный летний вечер, я сказал домашним: «До скорого, я вернусь», взял удочки, надел кадетскую фуражку без кокарды и, выйдя из города, бросил удочки и пошел на свидание с моей Белой мечтой. А на кладбище хор поет «Вечная память», флаги склоняются, церемония кончается.

Еще в 1936 г. группа русских, по преимуществу военные, с ген. Гартманом во главе, поехала на автокаре во Францию, где, недалеко от Эпернэй, «колыбели шампанского», городок Мурмелон и военный лагерь с казармами и полем, где происходили маневры. До первой войны на них однажды присутствовали наш Император и Императрица, для которых был построен небольшой дом, поддерживаемый в порядке французами.

Путешествие было не особенно удачное: мы выехали поздно на полуразвалившемся автокаре с шофером, фламандским механиком, не говорящим по-французски и никогда не бывавшим во Франции.

На вспаханном поле, с уходящими вдаль более светлыми зигзагами бывших окопов, одиноко стояла красивая небольшая церковь среди ряда могил.

Освящение кончилось, и мы поехали в Мурмелон, где был обед в ресторане. Возвращение в Бельгию тоже было не совсем удачным: автокар остановился и не хотел продолжать путь... Выяснилось, что наш шофер забыл заправить машину... но к счастью, мы остановились посреди села, погруженного в глубокий сон. Была поздняя ночь... Стали стучаться в двери домов. В одном доме дверь открылась, и, после объяснения генералом Гартманом нашего положения, нам предложили войти. Французы, увидев строгую наружность ген. Гартмана и почтение, с которым мы все обращались к нему, решили, что он русский маршал. Они стали очень любезны, когда узнали о кладбище в Мурмелоне, и многочисленные бутылки вина появились на столе. Для истории нужно сказать, что на многие километры вокруг Мурмелона французы очень хорошо относятся к русским. Тему для разговоров нашли легко, т.к. в этом году пришли к власти партии «народного фронта», т.е. все левые, начиная с социалистов во главе с Леоном Блюмом. Французы не взяли денег ни за вино, ни за бензин.

Прошло несколько лет, богатых историей, в течение которых была вторая война, прошли тяжелые годы оккупации, прошел постоянный страх слепых бомбардировок «ковpами», на которые были щедры англо-саксы в занятых странах. Эти «военные преступники» склонились перед коммунистической мощью и «разбазарили» Европу, о чем теперь очень жалеют.

Наше Объединение Кадет Княже-Константиновцев было основано в 1925 г. в г. Лувене и во время войны прекратило свою деятельность. После войны, когда меня выбрали председателем, я решил не довольствоваться молебном и обедом, но создать Объединение, достойное нашего корпуса. Узнав о том, что на католическую Троицу совершается паломничество на русское военное кладбище во Франции, в Мурмелоне, организовал поездку. На Троицу все гостиницы в Эпернэ, в Мурмелоне и в окрестностях полны из-за первого причастия и спортивных состязаний, так что приехав в субботу после ужина, нескольким из нас пришлось поехать ночевать на шлюз при слиянии Марны с каналом, в километре от Эпернэ. Под большим развесистым деревом маленький мостик перекинут через небольшой ручей, кругом много зелени и цветов. Столы и стулья перед двухэтажным домом, внизу довольно большой зал и магазин, в котором все, что нужно для проезжающих барж, наверху несколько комнат, чистых и с умывальником. Тишина и спокойствие. Хозяева: муж, жена и мальчик, который вырос у нас на глазах, замечательные люди.

Традиция, которой многие завидовали, установилась и кончилась после многих лет из-за отъезда хозяевъ, получивших наследство и продавших дело.

Мы съезжались в субботу после обеда, распределялись по комнатам и садились за столики в тишине наступающаго вечера. Ледник полон шампанского, которое было сравнительно недорого. На длинном столе наши дамы приготовляли холодный ужин из привезенных нами продуктов, конечно с водкой, а шампанское лилось не рекой, а ручьем.

Где спать, это была проблема, т.к. «поездка в Мурмелон» имела большой успех... Помню, спали в комнатах, в коридоре, в палатке и даже в автомобиле. Утром завтрак с еще теплыми «круасанами»—слоеное тесто в форме полумесяца. Отъезд в Мурмелон на кладбище, обед в палатках. В понедельник после завтрака хозяин ставил на стойке ряд фужеров и наполнял их до краев. Мы становились в одну шеренгу перед стойкой и пили с хозяином за здоровье и будущую встречу.

Так годами мы поддерживали установленную традицию раз в год посещать кладбище русской чести во Франции.

70 лет тому назад я видел живую картину: солдатская могила, трехцветные флаги; кто-то пел «Спите орлы бевые, спите с спокойной душой». Я собирался и теперь ехать в Мурмелон возобновить эту традицию, заведенною мною когда я был председателем Объединения Кадет Княже-Константиновцев. Поездка не состоялась из-за пошатнувшегося здоровья. «Спите орлы» очень подходит кладбищу во Франции.

Жорж Гуторович.

МОЙ КОРПУС. 1917

По случаю праздников Рождества и Нового наступающего года, мне вспомнился 1917 год, в корпусе, в Киеве.

Хочу поделиться моими переживаниями, связанными с этим тяжелым годом.

Мне было 12 лет, и я только что из Алексеевского пансиона поступил кадетом в Киевский Святого Владимира кадетский корпус.

Грозные события в России еще не доходили до Киева, а мы малыши ничего не понимали и жили своей маленькой уютной жизнью, ждали Рождество, ждали отпуск. На праздники мы разъехались еще нормально, и нашу группу сопровождали наши 1-я и 2-я роты.

Моя семья жила в Жмеринке, в 450 км от Киева, и Рождество 1917 года мы провели торжественно и радостно. Собралась в последний раз вся моя семья. Но сразу же после праздников мы кадеты получили оповещение из Киева,—снять наши дорогие нам белые погоны, заменить красные околыши и петлички черным и наши пуговицы с орлом и с сиянием также заменить или замазать.

Возвращение в корпус у меня оставило самое тяжелое впечатление; поезда, переполненные пьяными солдатами, ругань, драки, придирки к офицерам, а в Казатине на вокзале мы увидели первую кровь, молодой мальчик юнкер был убит за то, что не снял свои погоны. Приехав в корпус, офицеры воспитатели и наши преподаватели нас встретили хмуро и печально.

Наши попечители семиклассники (каждый первоклассник имел своего старшего друга однокашника) были особенно внимательны и ласковы и нам малышам передавалось их волнение и ожидание чего-то плохого и страшного.

Мало кто из этих юношей 17-18 лет остался в живых, большинство из них погибло в гражданскую войну. В январе 1918 года Киев заняли украинцы, а в марте комиссар Муравьев с красными подошел к Киеву и потребовал его сдачи.

Украинцы отказались, и начались военные действия против большевиков, у которых в Киеве оказалось среди всякого сброда много сообщников. Нам первоклассникам казалось, что пока с нами в корпусе первая и вторая роты, вооруженные и отважные, ничего плохого не случится. Вобщем так и произошло, в течение двух месячных боев, нападений и зверств красных нас никто не трогал. Погиб только наш учитель гимнастики капитан Келлер, который был расстрелян около корпуса.

Вдруг 16 марта без всякой причины железнодорожное депо открыло по нашему зданию ожесточенную стрельбу.Убили двух кадет 5-го класса, и было 16 человек раненых; больше всех пострадали 2-я и 3-я роты,—их окна находились под обстрелом.

В городе и в корпусе начался голод, недоедание, жизнь стала трудная, тяжелая, в Киеве начались обыски, насилия, убийства, все ожидали немецкую оккупацию.

Наступил апрель, приближалась наша замечательная южная весна, близилась Пасха и с нею надежда побывать дома у своих. Вернувшиеся из отпуска кадеты в один незабываемый вечер сообщили нам, что еще не все потеряно: они узнали от своих отцов офицеров, что где-то на юге России воскресает что-то новое—Русская Добровольческая Армия.

Корпус всколыхнулся, все кадеты от 1-го и до 7-го класса готовы были ехать на юг и все отдать за Россию.

Но скоро пришли чехи и заняли наш корпус, ненадолго, так как ожидали прихода немцев. На страстной неделе, за несколько дней до их прихода в Киев, мой старший друг 7-ми классник пришел со мною попрощаться навсегда, сказав: «Прощай, мой маленький друг, мы будем пробираться на юг России на Дон, а ты останься верен нашим кадетским идеям, и как мы, взрослые, до конца жизни будь белым рыцарем».

Мы распрощались; я так ему завидовал, что он будет воевать за Россию. Ему уже тогда исполнилось 17 лет.

Евгений Оглоблев
Париж

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО УЧЕНИЦЫ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ПРИ СВЯТО-ПОКРОВСКОМ ХРАМЕ В НАЯКЕ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ,
произнесенное на выпускном акте 1986 г.

Дорогие папа[1]), Екатерина Ивановна[2]), уважаемые учителя, родители и ученики!

Не знаю как вы, но я каждый год, во время нашего акта, с нетерпением жду, что будут говорит наши выпускники: какие чувства они выносят из нашей школы, чему они в ней научились и как собираются использовать полученные знания в предстоящей жизни?

Сегодня пришла моя очередь ответить на эти вопросы.

Родилась я в Америке, но с раннего детства постоянно слышала разговоры о России. Затем, поступив в нашу школу, в течение 13 лет я изучала Закон Божий, русский язык, литературу,

историю и географию России. Несмотря на это, для меня Россия всегда была отвлеченным понятием, подобно тем историческим событиям, которые происходили 100 или 200 лет тому назад.

И вот, месяц тому назад, благодаря моему дорогому деду, я попала на родину наших отцов и дедов. Увидя Москву, кремлевские святыни, памятники, монастыри, а затем побывав в городе Петра и увидя всю красоту этого города, я почувствовала, что это все мое: моя земля, мое отечество.

Многочисленные разговоры с самыми разнообразными людьми убедили меня в том, что у меня с ними много общих интересов. Все разговоры с ними были более содержательными, чем со знакомыми тут. Такое интенсивное общение, серьезность и глубина обсуждаемых тем у нас тут встречаются редко.

Говорят, что нет России, а есть СССР. Я с этим совершенно несогласна. Да, страной, управляют безбожники-коммунисты. Но народ ничего не имеет общего с чуждой России властью. И, несмотря на упорно прививаемый материализм, там люди более идеалистичны и более верующие, чем в странах свободного мира.

Мне там часто становилось стыдно: я стыдилась своего богатства, своей свободы рядом с этими скованными по рукам и ногам, но не утратившими мужества и достоинства людьми. Эти люди, в которых я вижу истинный образец морали, духовной силы и веры, живут там в условиях, которые по нашим меркам иначе как нищетой не назовешь. Это народ, который остается русским.

Уже уезжая обратно в Америку я стояла в гостинице и смотрела в окно. В глазах у меня стояли слезы. Я же русская. Я в России и ощущаю себя человеком, чье сердце и разум принадлежат России, осознаю свою принадлежность к русскому народу и свою ответственность перед ним и перед русской историей.

Что же мне дальше делать с этим дорогим для меня открытием? Как и чем оправдать свое существование? ...не знаю. Но в будущем я постараюсь приложить все свои силы и старания к тому, чтобы послужить своему отечеству.

А вам, мои преподаватели и воспитатели, я приношу глубокою благодарность за те знания о вере и о России, которые я получила здесь. Спасибо!

1. Отец Тани Лариной является настоятелем Свято-Покровского храма в Наяке.

2. Екатерина Ивановна Будзилович, заведующая Наякской школой.

Комиссия по созыву
11-го Съезда Кадет
Российских Кадетских
Корпусов
Каракас, Венецуэла

Каракас, 20 апреля 1987 г.

ОПОВЕЩЕНИЕ No 3

1.- Благословение Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви на созыв Съезда.

В ответ на наше ходатайство о получении благословения на созыв Съезда в 1988 году, являющемся годом Тысячелетия Крещения Руси, нами получено письмо от Владыки Митрополита Виталия, в котором выражено согласие на проведение Съезда в январе упомянутого года. В том же письме Владыка выразил пожелание, чтобы церковная иерархия и впредь извещалась о предполагаемых торжествах, съездах и многолюдных собраниях за год до их начала, что позволит избегать совпадения в их проведении с начинаниями возглавления Церкви.

2.- Перенос начала 11-го Съезда с 24 на 17 января 1988 г.

Во всех письмах, прибывающих от будущих участников съезда, выражается желание пробыть в Венецуэле три недели, вместо предполагавшихся двух. Если бы Съезд начался 24 января, как это было установлено, то третья неделя пребывания участников совпала бы с предкарнавальной неделей, когда все отели на пляжах, в горах и прочих туристических местах бывают заполнены венецуэльцами, занимающими комнаты в гостиницах и места на самолетах за много месяцев до начала этого периода.

3.- Изменение программы Съезда.

Перенос дня прибытия участников Съезда в Венецуэлу на 17 января обязывает внести изменения в программу Съезда, помещенную в Оповещении No 1, т.к. в день 19 января, приходящийся на вторник в 1988 году, Церковь празднует Крещение Господне. В силу этого программа трех первых дней Съезда будет следующая:

17 января (воскресенье) - прибытие участников на каракасский аэродром, переезд в отель, размещение.

18 января (понедельник)	- 10 ч. 30 мин. утра—построение, молебен перед строем, заря с церемонией. 3 ч. 30 мин.—открытие Съезда, выборы президиума, приветствия Съезду и венецуэльскому Объединению по поводу его сорокалетия. Вечером—поездка желающих в церковь на всенощную.
19 января (вторник)	- Утром—общая поездка в церковь на литургию. После обеда—доклады о Тысячелетии Крещения Руси, на которые будет приглашена вся русская колония Каракаса. Вечером—банкет.

В остальные дни программа Съезда останется без изменений.

Секретарь
Вл. Бодиско

Председатель
Б. Плотников

ОПОВЕЩЕНИЕ

На общем годовом собрании Объединения Княже-Константиновцев в Бельгии, 27 ноября 1986 г., было решено, после 62-х лет существования, прекратить нашу деятельность и закрыть Объединение, т.к. число действительных членов настолько уменьшилось, что продолжать в будущем работу стало невозможно. Касса Объединения сохраняется. Ее цель—помогать оставшимся в трудные моменты жизни.

Для поддержания связи писать по адресу последнего председателя Объединения Е. А. Иванова:

E. Ivanoff
178, Av. Ch. Michiols Bte 11
1170 Bruxelles
Belgique

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ
В ФОНД ЖУРНАЛА

Г. Мороз 10.00; А. Московченко *Доброй памяти Сергея Тырраса* 30.00; И. Агатов *В память скончавшейся Л. П. Харжевской* 15.00; Архим. Владимир (Jordanville, N.Y.) 65.00; Л. Н. Левандовская *В память моего мужа А. М. Левандовского* 10.00; Т. Б. Вертепова *Светлой памяти моего мужа Петруся Вертепова* 25.00; В. Соболевский *Кадета 17-го выпуска Первого Русского Корпуса* 5.00; И. М. Буланова 12.00; В. Мантулин 25.00; А. Федюшкин (Чили) 5.00; Н. Мурзин *В память Миши Егорова* 10.00; Е. Лазарев-Миронов 6.00; полк. В. П. Тихомиров (Австралия) 49.27; Чикагское Объединение через Л. Хантеля 20.00; Н. Воробьев *В память друга Всеволода Равского* 10.00; получено через М. И. Телятникову (Сан Франциско): А. Истомин 20.00, Е. Квасников 10.00, К. Синькевич 5.00, В. Турский 5.00, А. Шамбо 5.00; г-жа Н. Г. Гулевич *В память патриотки России сестры милосердия Ахтырского Гусарского полка Тамары Иосифовны Ольховской* 50.00; получено через Е. Иванова (Бельгия): Н. Стефанский 600 бельг. франков, Б. Петрович 1387 б.ф., Н. Титов 150 б.ф., А. Бураковская 384 б.ф., Н. Киевский 1000 б.ф., А. Анкудинов 250 б.ф.. Е. Иванов 500 б.ф.

ВСЕМ ЖЕРТВОВАТЕЛЯМ ПРИНОСИМ

ГЛУБОКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

ИСПРАВЛЕНИЯ

В докладе Т. Н. Куликовского «Е. И. В. Великая Княгиня Ольга Александровна», напечатанном в No 42 журнала, в заключительный абзац на стр. 78 должно быть внесено следующее исправление:

Какой же завет оставила нам великая княгиня Ольга Александровна?

Как и царственные Новомученики, она всей своей жизнью дала пример глубочайшей веры в Бога и

безграничного доверия к Нему, способствующего все в жизни принимать безропотно. Она также дала пример безусловной и всепоглощающей любви к России и к русскому Человеку, волею суровой судьбы оказавшемуся **по обе стороны красной черты,** но стремящегося к общей цели—освобождению России от власти безбожников.

Да будет великой княгине Ольге Александровне вечная память.

Т. Н. Куликовский

—

В том же номере в стихотворении Н. С. Белавиной на стр. 17 выпала строчка

«Все больней и чаще потери»

которую следует вписать между 3-ей и 4-ой строчками снизу. Первая строчка стихотворения, напечатанная общим шрифтом, должна быть выделена заглавными буквами.

—

Просим извинения у Т. Н. Куликовского, Н. С. Белавиной и читателей.

—

В докладе Э. Мистулова на 14-ой строчке снизу стр. 37-ой упоминается член Южно-Калифорнийского Объединения «Георгий Дудин, кадет Аракчеевского Корпуса». К сожалению, доклад не был предоставлен редакции в письменной форме, и его пришлось списывать с магнитофонной записи, что и привело к досадной ошибке. Фразу эту следует читать «пор. Георгий Николаевич Зюзин, кадет Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса».

Докладчик и редакция приносят извинения за небрежность, а купившие магнитофонную ленту за ее качество.

Вечная память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

20 марта 1987 г. в городе Льеже (Бельгия), после долгой тяжелой болезни скончался

Барон Виктор Викторович МЕСТМАХЕР де БУДДЕ

кадет Киевского-Владимирского и вице унтер офицер 4-го выпуска I-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Инженер строитель Лувенского Университета. Основатель и бывший председатиль Объединения кадет Княже-Константоновцев в Бельгии.

Кадеты-однокашники выражают глубокое, искренное соболезнование супруге Светлане Корнельевне и дочери Людмиле Викторовне.

Мир праху твоему, дорогой Вика.

Однокашники в Бельгии

—

19 января 1987 г. в Ницце (Франция) скончался

ВЛАДИМИР ТИЛЛО

кадет 8-го выпуска Русского кадетского корпуса.

Семье усопшего однокашники в Бельгии выражают глубокое соболезнование.

Е. Иванов

—

20 марта в Брюсселе (Бельгия) скончался

НИКОЛАЙ МУММ

кадет Крымского и I-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетских корпусов.

Кадеты-однокашники выражают глубокое соболезнование дочери усопшего.

Однокашники в Брюсселе

—

В Сан Хозе (США) 23 февраля с.г. скончался

АРКАДИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ФИЛИН

кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

—

В Торонто (Канада) 3 августа 1986 г. после тяжелой болезни скончалась

ЮЛИЯ ИВАНОВНА ЕСАУЛОВА

о чем в глубоком горе сообщает муж Г. Н. Есаулов.

—

В Мадриде (Испания) 2 июня с.г. скончалась

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА РОДЗЕВИЧ (ур. Широбокова)

Дочерям покойной выражаем искреннее соболезнование.

—

В Вашингтоне (США) 18 февраля с.г. после тяжелой болезни скончался русский национальный герой

БОРИС САФРОНОВИЧ КОВЕРДА

в июне 1927 года казнивший на варшавском вокзале советского полпреда—цареубийцу Петра Войкова. Низко склоняем головы в вечную память героя, вписавшего золотыми буквами свое имя в историю смутных лет российского лихолетья.

Кадеты рассеянные по всему миру и редакция журнала «Кадетская Перекличка» разделяют горе супруги покойного Нины Алексеевны и всех ему близких и дорогих.

—

В Загребе (Югославия) 27 января с.г. скончался

ИВАН КРЫЛОВ

кадет 39-го выпуска Донского Кадетского Корпуса.

В Загребе (Югославия) скончался

НИКОЛАЙ ЛЫСЕНКО

кадет 40-го выпуска Донского кадетского корпуса.

—

В Аргентине, 18 января с.г., скончался есаул лейб-гвардии Атаманского полка

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРЕКОВ

кадет Воронежского кадетского корпуса и долголетний подписчик нашего журнала.

Редакция выражает искреннее соболезнование супруге Соломии Георгиевне и дочери покойного.

—

В г. Санта Барбара (США) скончался инженер

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РОДИОНОВ

кадет Донского Императора Александра III кад. корпуса, о чем с глубокой скорбью сообщает сестра В. В. Новосельская и брат Д. В. Родионов с родственниками.

—

19 апреля, в самый день Христова Воскресения, скоропостижно скончался в Маракае (Венецуэла)

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ АКИРОВ

гимназист 15-го выпуска Белградской Гимназии, соратник Русского корпуса, талантливейший регент и ближайший друг Объединения кадет Р.К.К. в Венецуэле, на чьих собраниях неизменно присутствовал.

Объединение выражает глубокое сочувствие в незаменимой утрате супруге Юлии Борисовне, дочерям Александре и Тамаре Владимировнам и брату Николая Ивановичу.

—

В Сан-Франциско в августе с.г. скоропостижно скончался

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ АМОЧАЕВ

Кадет Донского Имп. Александра III Кад. Корпуса

ПАМЯТИ БАРОНА В. В. МЕСТМАХЕРА-ДЕ-БУДДЕ

20 марта с.г. в г. Льеже, в Бельгии, скончался барон Виктор Викторович Местмахер-де-Будде, родившийся в С.-Петербурге 3 июня 1906 года. Моя первая встреча с Викой была в 1920 году, когда в Сараево соединились Одесский и Киевский кадетские корпуса. По окончании корпуса я уехал в Бельгию и снова встретил Вику только в 1924 году, когда он, окончив корпус вице-унтер-офицером и получив стипендию кардинала Мерсье, приехал в Лувен для прохождения курса в университете, который и окончил с дипломом гражданского инженера. Вика был человеком сильного и прямого характера. Глубоко и искренне верующий, он горячо любил Россию и сохранил кадетскую душу до конца своей жизни. По приезде в Бельгию он поступил в дружину ген. Врангеля где, по окончании курса, получил чин подпоручика.

Полностью узнать, оценить и полюбить Вику мне удалось, когда мы начали совместно с ним создавать Объединение кадет Княже-Константиновцев и хлопотать о стипендиях учащимся. После продолжительной и кропотливой работы нам удалось создать Объединение, занявшее почетное место среди русских организаций в Бельгии. Вскоре Вика сменил меня на посту председателя и показал прекрасные организаторские способности.

По окончании университета Вика получил место инженера в одном из предприятий, расположенных в Льеже, куда вскоре он и переехал на постоянное жительство. Там же он вступает в брак с г-жой Солянж, которая, приняв имя Светланы, переходит в православие. Супруга Светлана и дочь Милочка свободно говорят по-русски и создают в доме Местмахеров русский уют, следя за

всеми традициями, принятыми в русском домашнем укладе. За работу на инженерном поприще Виктор Викторович был награжден орденом Короны.

В последние годы здоровье Виктора Викторовича пошатнулось, и 20 марта сердце его перестало биться.

Ушел от нас преданный друг, верный сын России, внимательный ко всем и добрый сердцем человек.

Мир праху твоему, дорогой Вика.

Супруге Светлане и дочери Милочке мы все выражаем сердечное соболезнование.

Жорж Гуторович

—

В США скончался кавалер ордена Св. Великомученика и Побеносца Георгия

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ СЕЙФУЛИН

подполковник 6-го Сибирского Стрелкового полка и офицер-воспитатель Хабаровского Графа Муравьева-Амурского Кадетского Корпуса. Кадет 9-го выпуска 1913 года этого же Кадетского Корпуса.

В США 15 июня с.г. скончался

ЛЕОНИД ЛЬВОВИЧ ЛУЗАНОВ

кадет I-го Сибирского Императора Александа I кадетского корпуса, выпуска 1916 года. Окончил Иркутское Военное Училище в 1919 г. По окончании училища вышел в 8-й Сибирский Артиллерийский дивизион. Участник Сибирского Похода. Летом в 1917 году один месяц был в Третьем Киевском Добровольческом Ударном батальоне под Тарнополем. В 1918 году в отряде атамана Анненкова, где был дважды ранен. В декабре 1922 года прибыл в США в г. Сеатл. По прибытии в Америку тяжелым трудом зарабатывал себе кусок хлеба. Поступив в Университет в Вашингтоне, окончил его в три года. В 1927 г. получил диплом и занялся научной деятельностью. Покойный был Вице-Президент Академии Наук штата Коннектикут, профессор Тихоокеанского Университета, Консультант Министра внутренних дел США и член многих научных обществ. Имеет больше 3000 трудов по разным отраслям морской биологии.

МОЕМУ ДРУГУ-МУЖУ

Борис Анатольевич Феоктистов родился в 1908 году в Курске. Он помнил и любил Россию глубокой и преданной любовью. О ней он рассказывал мне всю свою жизнь. С ним ушла от меня часть России. Отец его, офицер Белой армии, одним из последних покинул Родину и вместе с семьей осел в Греции. В Салониках Борис учился в русской гимназии. Стремясь получить более полное русское образование, он перевелся в Крымский кадетский корпус, который и окончил одним из первых. По окончании корпуса, получив стипендию, Борис поступил на технический факультет Белградского университета, где получил диплом инженера-электротехника.

В 1938 году в Парачине, где Борис служил инженером на текстильной фабрике, он женился на б. гимназистке Юлии Ковалевской. Во время оккупации Югославии немцами его с семьей вывезли на работы в Германию. Там, в Нюрнберге, родился наш сын Анатолий. Только благодаря его энергии и инициативе, Борису удалось в 1943 году вывезти семью из Германии в Грецию.

В 1947 году, в сентябре, благодаря стараниям владыки Иоанна (Шаховского), семья переехала в США в г. Гарфильд, Нью Джерси, где Борис проработал 25 лет инженером на одной из фабрик. Изобретенные им машины до сих пор производятся фабрикой. Большую часть свободного от основной работы времени он отдавал трудам на благо нашей церкви в Пасейке. Борис был глубоко верующим и честным человеком, за это его ценили многие. Казалось, что выйдя на пенсию, можно будет пожить для себя, уделять больше времени путешествиям и любимым занятиям, но начались тяжелые годы болезни. По совету

врачей пришлось перебраться на юг и поселиться недалеко от морского курорта, среди сосен. Борис переносил болезнь героически стойко. Он ушел 14 октября 1986 г. После 48 лет счастливой супружеской жизни, трудно принять, что он навсегда ушел от меня. Я все еще живу им и с ним.

Юлия Григорьевна Феоктистова

АРКАДИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ФИЛИН

Аркадий Георгиевич Филин родился 21 июня 1905 года в Новочеркасске, Донской Обл., в семье полковника Филина, командира второй сотни Донского Императора Александра III Кад. Корпуса. В 1916 г. он поступил в первый класс корпуса и 22 декабря 1919 г. был вместе с кадетским корпусом эвакуирован из Новочеркасска в Новороссийск, где кадеты были погружены на пароход «Херсон» и вывезены в Египет. 11 марта 1920 г. они прибыли в Александрию и были размещены в палатках в предместьи этого города. После окончания английской оккупации Египта в 1922 г., англичане вывезли кадетский корпус в Константинополь, где часть кадет была помещена в английскую школу для русских мальчиков; в числе этих счастливцев был и Аркадий Георгиевич. По окончании этой школы, он поступил в американскую высшую школу, где прослушал 2-х летний курс и затем перевелся в Белградский университет на механическое отделение технического факультета. По окончании войны переехал в США, в г. Сан Хозе, где работал в FMC до выхода на пенсию. Помимо своих служебных обязанностей, принимал деятельное участие в постройке церкви в г. Саратоге и организации прихода, в чем участвовала и его жена Лидия Павловна. Оба они, по выходе на пенсию, продолжали принимать участие в церковных делах, до тех пор, пока болезни не заставили их прекратить свою деятельность. Лидия Павловна потеряла зрение, а Аркадий Григорьевич был парализован. Память об Аркадии Георгиевиче сохраниться, с благодарностью, на долгие годы за его ценные статьи, помещенные в книге «Воспоминания Кадет Донского Корпуса».

После продолжительной болезни он скончался 23 февраля 1987 г.

Тебя, Аркадий, не забудут твои друзья .

Однокашники.

В Виннипеге (Канада) скончался на 93-ем году жизни подполковник

НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ ФРЕЙМАН

кадет Сумского Кад. Корпуса. По окончании училища вышел в 5-ый Драгунский Каргопольский полк. Участник I-ой Великой и гражданской войн. Был офицером в Николаевском Кавалерийском Училище. Во время Великой войны ранен и отравлен удушливыми газами. В Югославии был в составе Николаевского Кавалерийского Училища и Крымского Кадетского Корпуса. С 1929 г. служил в Русской Школе в Храстовце, где его супруга, скончавшаяся три года тому назад, была воспитательницей. Затем служил в Югославской Военно-Интендантской Академии в Белграде. Покойный до последних дней интересовался кадетской жизнью.

Мир праху твоему, дорогой старший однокашник.

Д. Иванов

—

В Аделаиде (Австралия) скончался

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ КАДУШКИН

кадет Владикавказского и Крымского Кадетских Корусов. Покойный многие годы страдал от артрита. После него остались: сестра Елена Алексеевна Баева, племянник Леонид Викторович Баев и племянница Мария Викторовна Херуц. Кадетская семья выражает им искреннее соучастие.

—

Кадетская семья в Аделанде (Австралия) с тяжелым сердцем и глубоким прискорбием оповещает однокашников и друзей, что 8 августа с.г. после двух операций и долгой тяжелой болезни тихо скончался

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ШЕВЧЕНКО

кадет Донского Императора Александра III Кад. Корпуса в Югославии, который окончил в 1930 году. Потеряли мы доброго товарища, скромного, услужливого друга, любящего и заботливого семьянина. Супруге его, верной спутнице жизни, не оставлявшей без своего наблюдения в течение всей болезни любимого мужа, а также сыновьям покойного и их семьям выражаем наше глубокое соболезнование и сердечно сочувствуем им в постигшем их неутешном горе. Да будет легка ему чужая земля и да упокоит Господь его душу в селениях праведных.

В. П. Тихомиров

ПАМЯТИ ВИКТОРА ГРИДИНА

В городе Ульм (Германия) 4 июня 1987 года скончался от рака в возрасте 76 лет Виктор Иванович Гридин, кадет Сараевского и Княже-Константиновского корпуса. Покинув корпус за несколько месяцев до матуры из-за тяжелой болезни отца, он все же рассчитывал вернуться к экзаменам. Но отец скончался, и ему пришлось остаться с больной матерью. И в корпус он уже не вернулся. Но память о нем жила в корпусе до последних корпусных дней, т.к. Виктор, бывший прекрасным художником, участвовал вместе с Г. Казнаковым, И. Свидерским и др. в художественной росписи стен, надписях девизов в зале и т.п.

Жизнь Вити сложилась неудачно: женившись на немке, он остался в Германии. И хотя брак был счастливым, он тяжело переживал свое «одиночество», т.е. полное отсутствие русских. Редкие поездки в Мюнхен к русским друзьям вырывали его из ностальгии. Он живо интересовался жизнью русских в США, особенно, конечно, кадетским Объединением, и я писала ему обо всем, посылала погончики с бала, фотографии со съездов и т.д. Вот выдержка из его письма после того, как получил снимки парада в Вест Пойнте: «Спасибо тебе за кадетский строй. Трудно сдержать слезы. Чем дальше, тем драгоценнее эта вечная духовная связь воспитанников „наших школ" — корпусов и институтов. Я лишен возможности присоединиться к этому строю на встречах, но все мои мысли и сердце с вами. Подходит время покидать этот мир (так много уже ушло друзей-кадет), и там в иной жизни я тоже стану в этот строй, хотя бы на левый фланг, но стану».

Один из его однокашников по Сараевскому Корпусу пишет: «Помню, что будучи одним из членов традиционного Вып. Совета, как ассистент Звериады, я был за назначение Виктора старшим традиционером 2-ой роты, ибо, по нашим взглядам, он был хорошим товарищем и „стопроцентным" кадетом». Да! он был настоящим кадетом и верным и преданным другом, и грустно, что судьба лишила его возможности быть ближе к своей родной кадетской семье. Но может быть сейчас за жизненной чертой стоит он в строю рядом с ушедшими прежде друзьями, и отдыхает его душа от долгого земного одиночества.

Нонна Белавина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗАРЯ»

предлагает вниманию читателей
«Кадетской Переклички»
следующие книги:

Альбом — ТАБЛИЦЫ ФОРМ ОБМУНДИРОВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ. Многокрасочное переиздание редкого справочника. 1910 год ..... 15 д.

И. Бунин — ПОД СЕРПОМ И МОЛОТОМ
„...твердая антибольшевицкая позиция И. Бунина". 235 стр. ..... 10 д.

И. Бунин — ОКАЯННЫЕ ДНИ
„...Эта книга вызывает гнев советских критиков...". 201 стр. ..... 7 д.

А. Толстая — ДОЧЬ
Автобиография выдающейся русской женщины. Твердый переплет, 500 стр. ..... 12 д.

Ю. Мацкевич — ПОБЕДА ПРОВОКАЦИИ
Польский писатель „...убедительно показывает, что Россия стала жертвой коммунизма". 232 страницы ..... 10 д.

С. Войцеховский — ЭПИЗОДЫ
Первая часть — эпизоды из жизни автора. Вторая часть — цареубийство. 188 стр. ..... 7 д.

Прот. Владимир Глиндский — ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ. Вопросы, возникающие в жизни православного христианина. 302 стр. ..... 10 д.

Прот. А. Желобовский — СЕМЬ ТАИНСТВ ХРИСТОВЫХ. Записи настоятеля церкви Кавалергардского полка. 94 стр. ..... 3 д.

РАБА БОЖИЯ КСЕНИЯ
Первое издание её жизнеописания после прославления. 84 стр. ..... 3 д.

Прот. Сергий Четвериков — ВЕЛИКИМ ПОСТОМ
Мысли и чувства, какие нужно иметь, приступая к исповеди и Св. Причастию. 32 стр. .... 1 д.

Цены в амер. долларах. Пересылка оплачивается издательством.
Для подписчиков «Кадетской Переклички» скидка 25%.

Заказы направлять по адресу:

ZARIA PUBLISHING CO.
73 BISCAY ROAD
LONDON, CANADA. N6H 3K8

На книжном складе

СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

можно приобрести следующие книги:

«**Небо на земле**» (учение св. прав. Иоанна Кронштадского о Божественной литургии, составленное по его творениям) ..... цена 6.00 дол.

Старый Кирибей «**Павловский гобелен**» ..... цена 4.00 дол.

Акафист св. чудотворцу Иоанну воину ..... цена 2.00 дол.

Е. Концевич «**Преп. Серафим Саровский**» ..... цена 6.00 дол.

Епископ Феофан «**Письма о христианской жизни**» ..... цена 8.00 дол.

«**Крины сельные, или цветы прекрасные**», о заповедях Божиих и о святых добродетелях. Схиархимандрита Паисия Величковского ..... цена 4.00 дол.

«**Краткое объяснение Семи Таинств Христовых**», поучение духовного отца духовным детям ..... цена 3.00 дол.

«**Раба Божия блаженная Ксения**», ее житие и чудеса ..... цена 4.00 дол.

Е.Е. Алферьев «**Император Николай II-й, как человек сильной воли**» цена 8.00 дол.

П. Савченко «**Государыня Императрица Александра Феодоровна**» цена 5.00 дол.

П. Савченко «**Русская девушка**», светлой памяти мученически убиенной Великой Княжны Ольги Николаевны (1895-1918 гг.). ..... цена 2.00 дол.

«**Светлый отрок**». Сборник статей о Царевиче-Мученике Алексее и других Царственных Мучениках ..... цена 5.00 дол.

«**Святитель Иоасаф, еп. Белгородский**», житие и чудеса Святителя цена 4.00 дол.

«**Архимандрит Антоний, наместник Св.-Троицкой Сергиевой Лавры**» цена 3 долл.

П. Краснов «**Тихие подвижники**», венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии ..... цена 3.00 долл.

Почтовые расходы: 1-ая книга: 1 долл., все последующие: 50 ц.

Заказы делать по адресу: Holy Trinity Monastery bookstore, P. O. Box 36, Jordanville, N. Y. 13361-0036.

На складе
КАДЕТСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ
имеются следующие книги:

1. **Кадетские Корпуса за Рубежом** (502 стр.) 10.00 ам. д.
2. Tschaikowska, Tsar's Daughter of Imposter. by Paul Paganuzzi ..... 4.00 ам. д.
3. **Новопоколенцы** — *Б.В.Прянишников* .... 16.00 ам. д.
4. **Значки в петлицу X съезда на булавке и на зажиме** ..... 8.00 ам. д.
5. Также имеются все номера Кадетской Переклички кроме номера 1-го. Цены номеров разные ..... от 2.00 до 5.00 ам. д.

Пересылку берет на себя Кадетская Перекличка.

При заказе просим выписывать чеки на имя:

Association of Russian Cadets Inc.

и направлять по адресу:

Mr. Eugene Girs
85-59 88th St. Woodhaven, N.Y. 11421
U.S.A.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.43

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal,
Quebec. H2N 2K4. CANADA.